

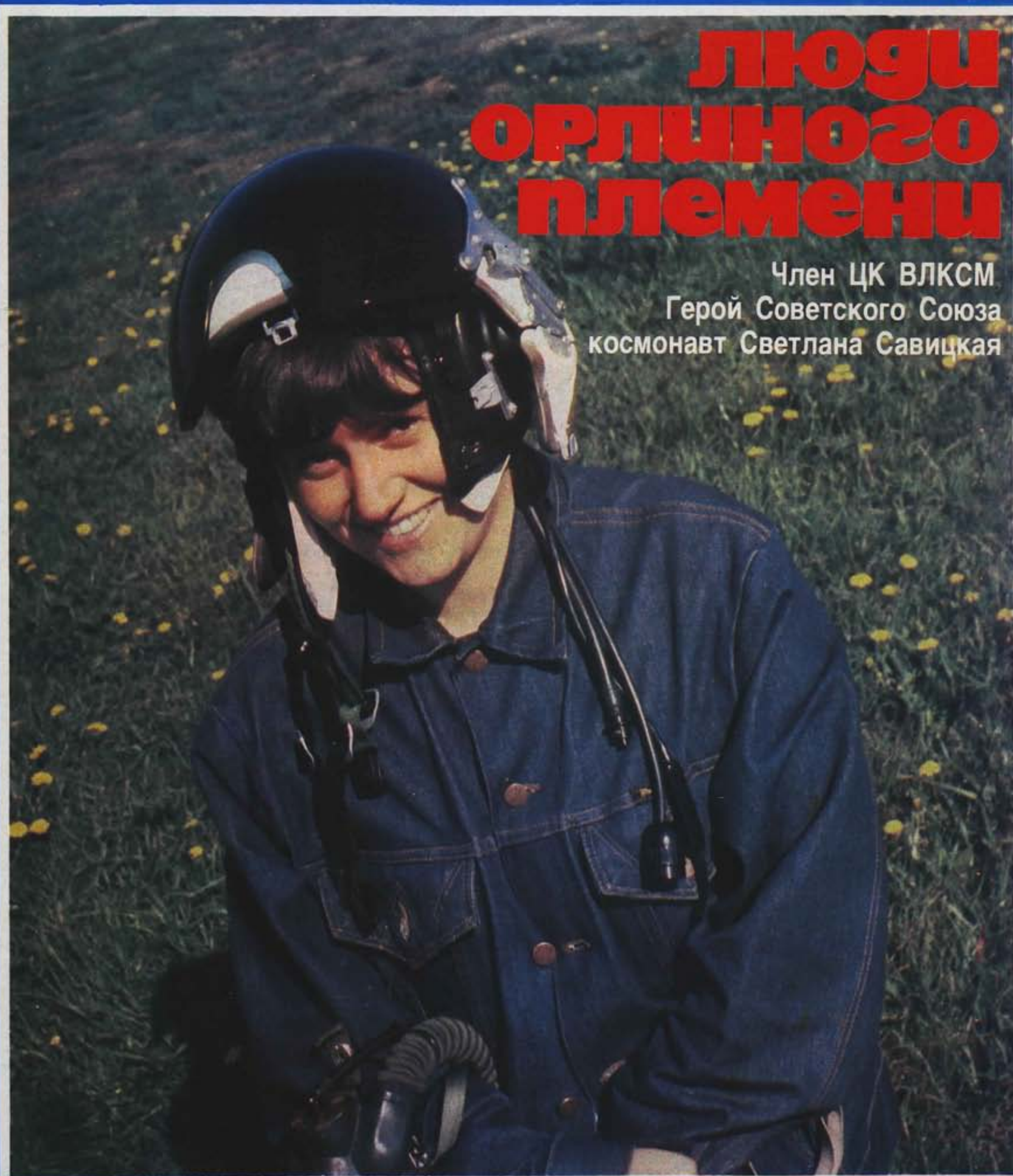

СМЕНА

№ 20 ОКТЯБРЬ 1982

ЛЮДИ ОРЛИНОГО ПЛЕМЕНИ

Член ЦК ВЛКСМ
Герой Советского Союза
космонавт Светлана Савицкая

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 20 (1330) ОКТЯБРЬ 1982

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
космонавт
Светлана САВИЦКАЯ

Фото
Алексея
ФЕДОРОВА

- 1 60 ЛЕТ СССР. ВСЕСОЮЗНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ: «ЭСТАФЕТА ДРУЖБЫ И ПОДВИГА». Сергей ДМИТРИЕВ, проректор Волгоградского инженерно-строительного института. «ТРЕСТ ПО-СТУДЕНЧЕСКИ».
- 2 «ЭТО НАША С ТОБОЙ БИОГРАФИЯ». Стихи.
- 6 Первый секретарь Мытищинского горкома комсомола, делегат XIX съезда ВЛКСМ Владимир ДЕМЕШКАН. «ДОВЕРЬТЕ МНЕ...».
- 7 Рассказ Андреса ЯАКСО «ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК».
- 8 Рассказ Орозбека АЙТЫМБЕТОВА «НА ДОЛГУЮ ПАМЯТЬ».
- 10 ИНТЕРВЬЮ НА АКТУАЛЬНУЮ ТЕМУ. «ПРИРОДЫ ДАР БЕСЦЕННЫЙ». Вода на весах экономики.
- 16 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ». Людмила ЗЫКИНА, народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии. «ПОЮ ТЕБЕ, МОЯ СТРАНА».
- 18 Геннадий КОВАЛЕНКО. «ПОВОРОТ». Невыдуманный рассказ.
- 20 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 21 Повесть Николая ОГАНЕСОВА «НЕПОХОЖИЙ ДВОЙНИК».
- 25 ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ. Александр ШЕШИН. «ДЕКАБРИСТЫ ГВАРДЕЙСКОГО ЭКИПАЖА».
- 28 ТВОЯ ПРОФЕССИЯ. «АБРАМЦЕВСКИЕ РУКОМЕСЛА».
- 30 ОКТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Обзор зарубежной печати.
- 32 ИТОГИ ВТОРОГО ТУРА КОНКУРСА «НАША РОДИНА».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1982 г.

60 лет СССР.
Всесоюзная экспедиция:
«Эстафета дружбы и подвига»

героика молодости

Наши завтрашние победы вырастают из сегодняшних. Это истина, но утверждать ее нужно каждым прожитым днем. И ошибается тот, кто считает, что прошли времена смелых решений, самоотверженных поступков.

Динамичное время ставит перед Коммунистическим союзом молодежи все новые и новые задачи. Пришел черед и комсомольцам восьмидесятых вписать свои страницы в нашу общую биографию.

Полная отдача сил, упорство, мужество, творческий поиск требуются для того, чтобы с честью выполнить все, что поручено партией.

На XIX съезде ВЛКСМ подчеркивалось: именно от молодежи во многом зависит, каким будет Союз Советских Социалистических Республик к началу третьего тысячелетия нашей эры.

Тюменский север и БАМ, «Атоммаш» и КАТЭК, Нечерноземье — вот своеобразные зверести трудового героизма советской молодежи. У комсомола сейчас 135 всесоюзных ударных строев. И каждая из них не просто точка приложения сил молодых, но и кузница настоящих характеров. Ведь БАМ —

это не только тысячи километров путей и новые города. Это 48 лауреатов премии Ленинского комсомола, удостоенных высокой награды за свой самоотверженный труд на трассе.

Это тысячи ударников стройки, чьи упорство и мужество в подтверждении не нуждаются. И символичен плакат, который можно встретить в одном из бамовских поселков:

«Героический энтузиазм корчагинской узкоколейки — Байкало-Амурской магистрали!»

Будет, обязательно будет на БАМе город с легендарным именем Корчагин — о нем мечтают молодые строители трассы.

Сорок один миллион единомышленников объединяет Ленинский комсомол. Район дислокации этой мирной армии — Советский Союз, все его пятнадцать республик.

И потому, как подчеркивал в речи на XIX съезде ВЛКСМ Леонид Ильич Брежнев, «...передовой линией надо считать каждый участок, где есть комсомольцы».

«Люди орлиного племени...» — это строки из песни. Нравственный кодекс комсомольцев — жить для других, а потом уже для себя, приносить пользу людям.

Это в силах каждого человека, и каждый способен пережить радость оттого, что ему удастся сделать для людей.

Жить для других — учиться этому нужно с юности. Человек с детства стремится сделать

что-то необыкновенное, утвердить себя как личность, добиться признания в избранном деле. Именно в молодости человек стремится к рекордам и ставит их. Это время,

когда каждый пытается сделать рывок вперед. Время высшего напряжения физических и духовных сил становится звездным часом. Есть люди,

которые на него равняются, по нему, как по камертону, настраивают свою жизнь, а для других час этот остается всего лишь воспоминанием.

Мужества подчас требует не сам рекорд, трудовой или спортивный, а жизнь на уровне рекорда. Но жизнь требует не только рекордов. Как актуальна

ленинская мысль, прозвучавшая на комсомольском съезде, что сегодня успех не может быть достигнут лишь «героизмом отдельного порыва,

а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и будничной работы».

(Ленин особо выделял в этой мысли слово «будничной».) Будни, ведь из них складываются дни нашей жизни, требуют поступков значительных, мыслей высоких.

Плеяду славных героев комсомола достойно украсила своим космическим полетом член ЦК ВЛКСМ Светлана Савицкая.

А каким глубоким общественным смыслом сумели наполнить время, помимо учебы, студенты Волгоградского инженерно-строительного института, создавшие свой строительный трест — действует он не только в пору летнего трудового семестра, а в течение всего года.

Больше семи миллионов рублей капиталовложений осваивают ежегодно будущие прорабы и проектировщики. Вот эти черты — поиск героики, неуспокоенность, стремление к творческому поиску, самоутверждению личности,

желание ощутить реальные плоды собственного труда — и есть кодекс славы нынешнего поколения комсомольцев.

«Надо жить так, как будто на тебя смотрит следующее поколение», — написал когда-то Михаил Светлов.

Вся деятельность многонационального Ленинского союза молодежи подтверждает: комсомольцы восьмидесятых — достойные наследники боевой и трудовой славы отцов.

Нужна ли инженеру
рабочая специальность?
Необходима,
считают в Волгограде
организаторы первого в стране
студенческого
строительного треста.

ТРЕСТ ПО-СТУДЕНЧЕСКИ

Сергей ДМИТРИЕВ,
проректор Волгоградского
инженерно-строительного института,
управляющий трестом
«ВИСИ студстрой»,
делегат XIX съезда ВЛКСМ

Перелистая старые блокноты, наткнулся на запись: «...завтра уезжаем. Не хватило недели, чтобы сдать «под ключ». Ребята огорчены, а что делать — начинается учебный семестр, а значит, прощай «трудоу». Подумал: а сколько вот таких «незавершенков» по стране остается после нас, студотрядовцев?»

Писалось это более десяти лет назад, а вдруг вспомнилось все, словно вчера было...

Белесое, раскаленное небо, жаркий ветер горчит польню, мы сидим возле недостроенного коровника — перекур. Последний рабочий день. Уже нам ясно: недоделали, не успели. Обидно, конечно, одно утешает — не мы одни... Ведь строить учились на ходу, и, хотя институт наш строительный, многие о стройке имели самое смутное представление. Можно сказать, что здесь, в отряде, научились держать в руках молоток, топор, пилу. Месить раствор, делать опалубку, бетонировать площадки, штукатурить, навешивать двери, рыть фундамент — всему этому тоже научил ССО.

Хорошо тем, кто до института успел поработать, у кого руки привыкли к труду. А новички, считай, только обучились кое-чему, втянулись в дело — стоп, бросай лопату, трудовой семестр завершен.

Может, тогда мелькнула у нас мысль — даже не мысль, смутная догадка — о том, что неплохо бы перевести трудовой семестр на новые организационные и экономические «рельсы». Проще говоря, включить его в общевузовскую систему трудовой практики. Но, повторяю, это были лишь весьма неясные предположения. Следовало все обдумать, «обсчитать», проверить.

В ту пору я учился на строительном факультете, был секретарем факультетского бюро комсомола. Летом наши ребята работали в колхозах и совхозах области, строили дома, коровники, помогали возводить более крупные объекты, ремонтировали институтские помещения, общежития. В общем, все было так, как в большинстве студенческих стройотрядов. Но мы понимали, что для будущих профессиональных строителей этого маловато. Хотелось поработать бригадным методом — вести объект от фундамента до крыши, и не один объект, а комплекс. Более того, была за-

В СТУДЕНЧЕСКОМ СТРОИТЕЛЬНОМ ТРЕСТЕ ЧЕТВЕРОКУРСНИЦЫ ВИСИ ЕЛЕНА СМЕРНОВА, АННА МЕЛЬНИКОВА И ТАМАРА ЕФРЕМОВА ПОЛУЧИЛИ ПРОФЕССИЮ МАЛЯРА-ШТУКАТУРА.

Фото Сергея ВЕТРОВА

60 лет СССР.
Всесоюзная экспедиция:
«Эстафета дружбы и подвига»

ЭТО НАША С ТОБОЙ БИ

Виктор СМЕРНОВ-ФРОЛОВ,
экскаваторщик,
участник VII Всесоюзного
совещания молодых писателей

Язеп ОСМАНИС

Из цикла «ГОРИЗОНТЫ»

Виктор КОБИССКИЙ

На БАМе

Что ни встреча —
то характер.
Каждый — личность и творец:
этот классно водит трактор,
этот выстроил дворец...
Строят школы и больницы,
строят детские сады.
И не где-нибудь в столице,
а в долине Куанды,
на Сьюльбане, в Новой Чаре,
В Мурурине, Икабье,
В Леприндо и на Кодаре...

Не кому-нибудь — себе!

И встает вдоль трассы века
не на год — на долгий век
то, что славит человека,
то, чем славен человек.

Письмо со всесоюзной стройки

К латышам и белорусам
Здесь, на стройке, я привык.
Говорок их всесоюзный —
Русский,
Наш простой язык.
И грузины
И армяне,
Молодые,
Вспомнив дом,
Адресуют нежность маме...
И подумалось:
В простом
Этом слове русском, нашем —
Честь!
Ее не занимать.
И башкиры
И чуваш
Скажут:
«Родина нам — мать!..»

Спит поселок,
звездами укрыт,
Лег туман меж нивою и небом,
Где-то звонко коростель кричит,
И теплень ночная пахнет хлебом.
В поздний час — все думы впереди.
Спит дорога, чей-то шаг считая.
Может, оттого тепло в груди,
Что так пахнет хлебом даль ночная?
Встанет солнце — снова труд дневной!
И на радость, где-то в стоге сена.
Ароматный необыкновенно,
Свежий, как июль,
ломоть ржаной!

Радуга! Я выхожу на рассвете,
Об руку с солнцем
ты встретишь меня,
Дашь мне с собою огни семицветья
Доброй приметой погожего дня.
В небо высокое радуга выйдет —
Солнечный мост!
По тому бы мосту
Мне пробежаться,
Взглянуть и увидеть,
Что позади — вся дорога в цвету!

Перевел с латышского
Лев ПРОЗОРОВСКИЙ.

Александр ТРОФИМОВ,
слесарь,
участник поэтического конкурса
«Пою мое Отечество»

Николай ОБОЛОНСКИЙ

Станция метро «Площадь 1905 года»

Коммунист

Как нежен мир,
Как светел он
И хрупок!
Я морщу лоб,
Вникая
в тассовские новости,
И ставлю
Каждый свой поступок
Под
Трибунал
Совести.

Еду в метро в ночь декабрьскую,
Станций ловлю отголоски.
Высветлен в клеточках мозга
Образ Москвы пролетарской.
Вечер. Кровянится солнце.
Как предвещенье восстания,
Споро, без лишних эмоций
Вылучена мостовая.
Выстрел ударил, обрезав
Справа мотив «Марсельезы»...
Звездами скорбно Ваганьково.
Вечно Москве вас оплакивать.

думка самим его спроектировать, рассчитать, привязать к местности. Вот было бы здорово — поставить на волгоградской земле свой студенческий комплекс, поселок, культурный центр...

— Ну, здравствуй, Сергей Матвеевич, проходи. — Александр Сергеевич Токарев, заместитель председателя объединения «Облколхозстрой», крепко жмет руку, улыбается. — Или можно, как прежде, Сергеем называть? — шутит он. — Ты ведь нынче проректор, руководитель треста.

— Ну и ты в больших начальниках ходишь, не прибедайся, — отшучиваюсь я.

Знаем друг друга давно. Токарев — из «стариков», один из тех, кто претворял в жизнь новые формы студенческого строительного движения.

Десять лет назад отряд «Юность», у истоков которого вместе с нынешним секретарем парткома ВИСИ Михаилом Константиновичем Беляевым стоял Токарев, предложил построить в Быковском районе овцекомплекс на пять тысяч голов. Освоение — свыше миллиона рублей. По тем временам это были огромные цифры. Еще ни один отряд не брался освоить более ста — двухсот тысяч. К тому же «Юность» был одним из первых в стране ССО, который взялся за строительство животноводческого комплекса. Да прибавьте к этому внедрение бригадного подряда. В общем, этот отряд для нас со всех сторон был

экспериментом. Нас отговаривали: зря, мол, рискуете, ребята, студенческое строительство такую машину не поднимет, надорветесь. Командир «Юности» Николай Замолотов (нынче он начальник участка крупнейшего треста «Волгоградстрой») улыбался:

— Ничего, мы жилистые, выдюжим...

Их было около ста человек, и за два года они построили комплекс: самостоятельно вели монтаж ферм, управлялись с техникой, вели внутреннюю отделку. Собственно, тогда на Быковском комплексе мы начали «обкатку» специализированных бригад — отделочников, монтажников, сантехников. Это были, так сказать, «прообразы» нынешних управлений треста. Тогда все было впервые. Но уже в семьдесят четвертом году отряд «Волга» взялся за комплекс в совхозе «Баррикада». Этот комплекс строили три года, вернее, три сезона, и освоили ребята уже более двух с половиной миллионов рублей.

Бригадный подряд широко шагнул в студенческое строительство волгоградцев...

Об этом вспомнили мы спустя десять лет в кабинете Токарева. И заговорили о делах насыщенных, сегодняшних, ведь студенческий строительный трест — один из основных подрядчиков «Облколхозстрой».

— Ты в «Урожай» собираешься? — спросил Токарев. — Там у вас, по моему, неувязки с проектом?

— Ребята из управления «Зодчий»

все уже наладили. Но съезжу, посмотрю.

— И я с тобой. Подышу студотрядовским воздухом...

По долгосрочному договору в колхозе «Урожай» мы ведем строительство центральной усадьбы — поселка Мачеха. Строительство рассчитано на всю одиннадцатую пятилетку. Строим дома, культурный, бытовые объекты. Проект застройки — отчасти и наша работа.

Сегодня, когда «ВИСИ студстрой» признан на всех уровнях, когда к нам в институт за опытом приезжают из многих областей и краев страны, мне порой кажется, что дни, годы становления студенческого строительного треста, трудности, связанные с этим, отодвинулись в далекое прошлое. Ребята, которые начинали это дело, работают сейчас в крупнейших строительных организациях области, руководят участками, управлениями. Но в душе они по-прежнему те же студотрядовцы, которые мечтали своими руками построить ферму, поселок, город. Может, поэтому сегодняшний день «ВИСИ студстрой» складывается удачнее, чем прежние, без излишней нервотрепки, выматывающих и силы и душу споров: у треста много помощников — пристрастных, заинтересованных.

А, в сущности, трест наш только «опережился». Нынешним летом ему исполнилось три года.

Так что же это такое — «ВИСИ студстрой»?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо заглянуть в прошлое.

...Почти четверть века минуло с того памятного лета, когда будущие физики из МГУ на целине, в Булаевском районе Северо-Казахстанской области, построили первые студенческие дома и кошаки из самана. Так родилось вузовское движение, которое сегодня приняло мощный индустриальный размах.

Имена тех, кто стоял у его истоков — Вячеслава Письменного, Сергея Литвиненко, Гальмы Абылсиитова, Анатолия Перевознова и многих других, — по праву вошли в историю вузовского комсомола.

Парни и девчата уезжали в незнакомые места за тысячи километров от дома, чтобы на деле проверить себя, свои возможности. «Мы строим целину — целина строит нас!» — вот лозунг тех лет. Планета Целина обживалась бурно, хотя и несколько хаотично. Тогда в Казахстане можно было встретить студентов из всех республик страны. Мало кто оставался работать у себя дома (а ведь и там для студенческих рук было дел невпроворот), все стремились в края дальние, неизведанные. Первые страницы летописи студотрядов овеяны пылью степных дорог, сладким дымом вечерних костров, возле которых складывались популярные и по сей день песни...

Те годы историк может смело назвать романтическим периодом студенческих отрядов.

Ахмед ДЖАЧАЕВ

Седая женщина

Он глядит с фотографии —
юный, худой —
На печальную женщину
с челкой седой.
А она все глядит и глядит на него,
Словно старая мать
на птенца своего.

А когда она молча снимает портрет,
То летит от несмятой пилоточки свет,
И с незримой, незнамой,
с другой стороны
Проступают чернила эпохи войны.

Я смотрю, как склонилась ее голова,
Как заученно губы выводят слова,
И по шепоту, вplyвшему
в шум тополей,
Различаю два слова:
«Любимой моей...»

И летит от несмятой
пилоточки свет —
Это плачет невеста солдату вослед,
И заря в облаках обернулась иной —
Предвоенной,
последнюю, самой родной...

Я разглажу рукой золотую траву,
Я склоню перед женщиной
молча главу,
Я поверю в любовь,
заменившую свет:
Выше пробы такой — и у золота нет!

Перевел с кумыкского
Александр ЦУПЛОВ.

Герман КРУПИН

О Родине

Спят ракиты над тихой рекою,
Серебристо звенят тополя.
Звонкой радостью, светлою болью —
В сердце нашем родная земля.

По дорогам, по звездным протокам
Ты, Россия, — начало судьбы,
Золотистое кружево окон
Смоляной деревенской избы.

Светит месяц подковою узкой,
Ветер лен голубой шевелит.
Соловьи распевают по-русски
Песни чистой и верной любви.

Счастье жить в этой песенной шире
Звонких рощ и пшеничных полей.
Нет на свете привольней России,
Неоглядной Отчизны моей.

Савва ТАРАСОВ

...Течет красивая река.
И хоть строга душа якута,
Он говорит: «Кыыс Амга!» —
Он слово нежностью окутал.

Кыыс Амга, Кыыс Айбыт¹ —
Слова нежны и постоянны,
Их не забыть, как не забыть
Холмы, и реки, и поляны.

...Якут берет земли комок
И долго в пальцах разминает,
Как будто дух ее, и вздох,
И родину в себя вбирает.

Он скажет: «Дух... Родной язык...»
Он скажет: «Мать», — на землю глядя.
Вот почему и я привык
К высокой скромности понятий.

...Священной местности якут
По имени не называет:

¹ Названия реки и местности: Девушка
Амга, Девушка Айбыт.

Вийу ХЯРМ

Мой урожай

Опять вгрызаюсь
в грубый грунт лопатой.

Все в бороздах картофельное поле.
Приносит осень урожай богатый,
И вот свою я добываю долю.

Белеют стебли на земле, как пятна,
Оставленные, чтобы стать землею.
Цветенья лета не вернуть обратно.
Белеют стебли, брошенные мною.

Усталость в теле —
радостью и болью...

Из борозды картошку вынимаю.
Сама свою я добываю долю
И многое впервые понимаю.

Перевела с эстонского
Елена ПЕЧЕРСКАЯ.

Рисунки Олега ВУКОЛОВА

Но уже в середине шестидесятых годов родился девиз: «Романтика экономически эффективна». Гармоничное сочетание воспитательных функций ССО со сложными экономическими, строительными проблемами — к этому стремились отряды, которые вскоре стали весьма заметным явлением в народном хозяйстве страны. В то время выработывались качественно новые подходы к оценке трудового семестра: становилось важным не только само воспитание трудом, но и конечный результат этого труда — что построили студенты, сколько рублей капиталовложений освоили. Именно тогда, в конце 60-х годов, романтика надела рабочую спецовку. Теперь она деловита и не чурается сухого языка цифр.

Но у производства свои законы, на стройке нужны специалисты, а не только разнорабочие. Значит, надо учиться строительным ремеслам. Животноводческая ферма не кошара, двенадцати-квартирный дом не мазанка. Здесь, кроме желания и крепких рук, необходимы умение, знания. И вот будущие филологи, юристы, математики, биохимики идут на выучку к строителям. В институтах организуются курсы каменщиков, отделочников, столяров.

Надо сказать, необходимость этого поняли уже студенты-физики самого первого строительного отряда. Вернувшись в 1959 году после своего трудового семестра на факультет, они открыли там строительную школу. При комитете

комсомола начал работу штаб целины. Та зима, когда в коридорах физфака впервые появилась и прочно прижилась крылатая фраза «Кончишь физфак пропаром», была, по существу, первым подготовительным периодом в истории отрядов. Уже немного представляя, что им может понадобиться летом в Булаевском районе, ребята начали «бега» по учреждениям и стройкам, добывая гвозди и бетономешалки, старые сапоги и ватники, медикаменты, инструменты и еще десятки необходимых мелочей. Брали приступом стойки хозяйственников, сочиняли десятки писем в общественные организации...

Со временем, конечно, стройотрядовское движение избавилось от необходимости «свободной предприимчивости», студенческие работы стали планироваться самими авторитетными организациями, включая Госплан. Но все равно сезонный характер деятельности отрядов давал себя знать.

«Предстартовая лихорадка» охватывала вуз задолго до начала трудового семестра: заключение договоров, комплектование отрядов, поиски нужных специалистов: «выколачивание» их со стороны... На скорую руку натаскивали своих, «доморощенных» строителей.

И у нас в Волгоградском инженерно-строительном было все так же. Будущие профессионалы, мы, как я уже говорил, фактически не имели квалифицированных рабочих-строителей, если не считать тех, кто успел поработать на строй-

ке до института. Разрыв теории с практикой был весьма нагляден — уборка мусора на стройплощадке мало чему могла научить. На занятиях будущие капитаны строительной индустрии проектировали сложные, современные сооружения, а летом возводили мелкие, незамысловатые.

Мы чувствовали: необходимо что-то менять в структуре отрядов, искать новые формы. Бригадный подряд — отличная вещь, но ведь работа наша по-прежнему оставалась сезонной, и недостроенные объекты простаивали больше чем полгода, ожидая нас. Мы волей-неволей «замораживали» стройку, капиталовложения. Быковский комплекс строили два года — на самом деле месяцев пять. Комплекс в «Баррикадах», по тем же подсчетам, — восемь месяцев. Значит, работая круглогодично, мы могли бы оба комплекса построить за год с небольшим.

Работая круглогодично...

На XIX съезде комсомола, делегатом которого мне посчастливилось быть, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов, говоря о студенческих строительных отрядах, заметил: «В Волгограде и некоторых других городах найдены интересные формы работы студентов в народном хозяйстве в течение всего учебного года». Приятно, что на общесоюзном комсомольском форуме были сказаны добрые слова о нашем начинании.

На съезде я участвовал в работе

секции «Комсомол и высшая школа». Выступал перед делегатами, рассказывал о нашем опыте организации ССО. Кончается регламентированное время, я смотрю на ребят: слушают заинтересованно. Председатель кивает: продолжай. Потом посыпались вопросы:

— И все же, как увязывается работа треста с учебной программой?

— Кто руководит «ВИСИ студстроем»?

— Как вы подыскиваете объекты, заключаете договоры?

— Сколько ежегодно осваиваете капиталовложений?

Вопросы конкретные, по делу. Видно, рассказ мой задел за живое. Отвечая обстоятельно, с примерами, цифровыми выкладками. Приезжайте, говорю, к нам — на месте виднее...

Пять лет назад было создано первое в стране студенческое строительное управление. Оно объединяло шесть специализированных отрядов, в него входили отделы снабжения, плановый, охраны труда. Мы отрабатывали методику, структуру будущего «ВИСИ студстроия». Я в ту пору работал в обкоме комсомола, курировал студенческое строительство. Случалось, засиживались с начальником управления Николаем Бычковым далеко за полночь, спорили о перспективах студотрядовского движения, обговаривали завтрашний день нашего управления.

В этих ночных бдениях участвовали ребята из обкома, штабисты из обла-

«третьему» семестру. Нынче путь этот кажется прост и естествен. Около десяти лет потребовалось нам, чтобы пройти его.

Меня часто спрашивают: а зачем, собственно, строительный трест учебно-му заведению? Зачем сметы, наряды, заказчики, управляющие? Эти лишние хлопоты отвлекают студентов от занятий, программа усваивается хуже — ведь сочетать учебу с работой на стройке гораздо сложнее.

Конечно, нелегко было так составить учебно-производственный план, чтобы без ущерба для теоретической подготовки студент смог во время учебного

ХОРОШИЙ ИНЖЕНЕР-СТРОИТЕЛЬ ДОЛЖЕН УМЕТЬ ДЕЛАТЬ ВСЕ — СЧИТАЮТ В «ВИСИСТУДСТРОЕ».

Завтра им придется заправлять делами на настоящих стройплощадках. И грош цена будет их диплому, всем зачетам, курсовым, что сдали они на «отлично», если они не смогут толково оформить наряд, составить смету, по-деловому, четко обсудить вопросы с заказчиком, разобраться в реальных сложных ситуациях, так часто возникающих на любой стройке.

Мне доводилось сталкиваться с молодыми инженерами — мастерами, прорабами, отлично закончившими строительный институт и не умеющими ориентироваться в заурядной, будничной рабочей обстановке. Робкие, неуверенные, они не могли найти себя на стройке. У них выработывался комплекс «боязни» производства. Теоретически они были подготовлены возводить самые

сложные сооружения, но без навыков практической работы не могли руководить строительством обычного жилого дома. В конечном счете выпускник строительного вуза становился настоящим инженером-строителем спустя два-три года. Это в лучшем случае, в худшем — разочарование, душевная травма, смена профессии...

Итак, мы решили: трудовой семестр должен стать неотъемлемой частью учебно-производственной программы.

В Серафимовичи я приехал к полудню. «Узик» резко тормознул возле стройплощадки.

Здесь, в райцентре, мы строим школу на 1200 мест. Современное трехэтажное здание. Начали с разметки, с котлована, а нынче сдаем «под ключ». Руковод-

стного отряда, ветераны студенческого строительства ВИСИ.

— Поймите, — кричал темпераментный Юра Сизов, — нам не выскочить за рамки летнего сезона. Мы погрязнем в «незавершенках», кустарном обучении ребят.

— Заключаем договор на сезон, на два, на три... А дальше что? — горячился Бычков. — Надо видеть дальнюю перспективу, работать на послезавтрашний день.

— А что, если третий трудовой семестр соединить с институтской учебной программой, сделать его круглогодичным, так сказать, семестром без каникул?

Это было как раз то, о чем мы так долго думали, спорили, но не могли до поры точно сформулировать. Идея должна была созреть, обрасти «мясом». От «Юности» и «Волги» — к студенческому строительному управлению. От него — к тресту, к круглогодичному

В РЯДУ ОБЪЕКТОВ СТУДЕНЧЕСКОГО ТРЕСТА — МНОГОЭТАЖНЫЕ ЖИЛЫЕ ДОМА.

ТАКИХ ДЕТСКИХ ГОРОДКОВ, СПРОЕКТИРОВАННЫХ И ПОСТРОЕННЫХ СТУДЕНТАМИ, В ВОЛГОГРАДЕ СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЬШЕ.

года работать на стройке. Тем не менее был выработан скользкий график, по которому каждая студенческая группа получила возможность для месячной производственной практики на объектах, закрепленных за «ВИСИстудстроем». Таким образом ныне наши ребята проводят на строительной площадке три месяца в году, считая летний трудовой семестр. Перерыв в деятельности студенческого треста наступает лишь в декабре — феврале — в период, наиболее жаркий в учебном процессе и самый малопродуктивный в строительстве.

Мы готовим инженеров-строителей.

дит строительством третьекурсник Петр Тимошенко, начальник участка, до института поработавший каменщиком в селе. Он внешне нетороплив, но мыслит быстро, цепко.

— Все в порядке, сантехники подключились, отделочники заканчивают.— Петя широко улыбается.— Куда дальше двинем?

— Сдай школу сначала. И чтоб на «отлично».

— Постараемся. Как-никак, наша курсовая работа...

Серафимовичский район — наш подшефный. «ВИСИСтудстрой» ведет здесь большую работу. Мы застраиваем колхоз «Родина» — жилье, фермы, Дворец

РАБОТА В ТРЕСТЕ ПОЗВОЛЯЕТ СОЕДИНИТЬ ТЕОРИЮ С ПРАКТИКОЙ.

культуры, Дом быта, детский городок... Командиром там Сергей Соколов, тоже третьекурсник строительного факультета. Как-то он сказал мне: «Только здесь я понял, что значит быть строителем». Работа в студенческом тресте помогает ребятам осознать значимость выбранной профессии — это уже немало.

Заклучая договоры со строительными организациями, хозяйствами, мы выбираем объекты, где есть для ребят самостоятельный фронт работ в течение всего года, и работы эти требуют самого широкого набора строительных специальностей. К тому же они должны соответствовать профилю подготовки специалистов, выпускаемых ВИСИ. Мы привлекаем к преподавательской деятельности опытных строителей из тех организаций, с кем заключаем договор. И они не только руководят практической работой ребят, но и ведут проекты, курсы, спецсеминары. Причем аудитории становится строительная пло-

щадка. Крупнейшие тресты, управления города и области стали сегодня для наших студентов своеобразными лабораториями. С тридцатью строительными организациями осуществляем мы постоянное сотрудничество.

Что это значит? «ВИСИСтудстрой» принимает участие в сооружении важнейших жилых, культурных, промышленных объектов области.

В активе студенческого треста многоэтажные дома, новое здание панорамы «Сталинградская битва», городской речной вокзал, мост через Дон... Нынче мы осваиваем ежегодно более семи миллионов рублей. Столько же осваивает иной мощный трест, у которого отличная техника, опытный управленческий аппарат, квалифицированные специалисты.

Говорю это не к тому, чтобы козырнуть: смотрите, мол, какие мы хорошие. Важно другое — то, что студенческое

строительство, сделав свой трудовой семестр круглогодичным, может решать самые сложные задачи.

К тому же нам удалось решить в рамках студенческого треста две очень актуальные проблемы для любого строительства. Первое — наши подразделения практически не испытывают недостатка в стройматериалах, поскольку наши студенты, работая на предприятиях стройиндустрии, практически полностью «самообеспечивают» себя. И второе — известно, что зачастую сдача объектов в эксплуатацию задерживается из-за запаздывания сантехнических работ. У нас такого не происходит, так как в нашем тресте есть собственное управление сантехнических работ, позволяющее оперативно решать все вопросы в комплексе.

В этих заметках мне хотелось бы столько рассказать об опыте организации студенческого треста, сколько поделиться мыслями о необходимости по-

ЕЖЕГОДНО «ВИСИСТУДСТРОЙ» ОСВАИВАЕТ БОЛЕЕ СЕМИ МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ.

стоянной, без деления на семестры, трудовой деятельности студентов. У себя в ВИСИ мы сейчас думаем над тем, как организовать постоянные бригады — группы с круглогодичным учебно-производственным процессом, как наладить четкую систему профессионального обучения будущих инженеров рабочих специальностям. Есть у нас и желание привлечь в трест вечерников и заочников нашего института. Объединенные в бригады, они, на наш взгляд, сплотятся в подлинные коллективы, внутри которых клд вечернего и заочного образования будет значительно выше. Словом, и реальных планов и пока еще не очень конкретных мечтаний у нас много. Но, как говорится, дорогу осилит идущий. А мы с избранного пути сворачивать не собираемся.

С первым секретарем Мытищинского горкома комсомола, делегатом XIX съезда ВЛКСМ **Владимиром ДЕМЕШКАНОМ** беседует специальный корреспондент «Смены»

Человек утверждает себя делом. На заводах и фабриках, в совхозах и на стройках, в упорном, самоотверженном труде утверждают себя как личность миллионы девчат и парней — членов Ленинского Союза молодежи.

Но есть еще и другая забота у молодых — забота о делах общественных, тех, что помогают работать красиво, жить интересно, отдыхать полезно, способствуют развитию личности. Первым шагом молодого человека на пути общественного служения, экзаменом на зрелость является выполнение им комсомольского поручения. Мой собеседник Владимир Демешкан выполняет ответственное партийное, комсомольское поручение. Уже два года он возглавляет комсомольскую организацию города Мытищи, одну из самых крупных в Московской области, а ранее был инструктором, заведующим отделом комсомольских организаций, вторым секретарем этого горкома. До прихода в Горком работал на заводе, окончил Московский лесотехнический институт. Именно с размышлений о том, какое значение для комсомольца имеет первое данное ему комсоргом поручение, начался наш разговор.

— В нашей школе до войны учился Герой Советского Союза Николай Корсаков. И вот комитет комсомола дал нашему классу комсомольское поручение — выяснять факты его биографии, систематизировать их и оформить в виде стенда. В инициативную группу, которая вела поиск, входил и я. Вы знаете, дело это настолько захватило, что все другие увлечения отошли тогда для нас на второй план. Чуть ли не каждый день после уроков мы писали письма в разные концы страны, обсуждали разные варианты поисков. А как волновались, как радовались, читая ответы от боевых соратников героя. Самым впечатляющим стало открытие в классе музейной экспозиции, посвященной ратному пути Николая Корсакова. Перебывала у нас вся школа, а когда об истории поиска рассказало Центральное телевидение — тут уж мы вообще взлетели на седьмое небо от гордости. Помню слезы растроганных ветеранов, пришедших к нам на встречу. У меня от волнения мурашки побежали по коже, когда пожимали они нам руки и благодарили. Потом уже, окончив школу, я понял, что наш класс сдружился благодаря именно этому общему делу. Оно приобщило нас, обыкновенных мальчишек и девчонок, к истории, наполнило слово «подвиг» осознанным смыслом. Такое не забывается...

— В читательской почте «Смены» есть примеры совсем другого рода. Авторы писем, молодые ребята, недавно ставшие комсомольцами, пишут о разочаровании, которое оставило в душе первое поручение. И правда ведь, обидно, когда с этого начинается комсомольская биография. Наверное, и вы, Володя, с такими случаями сталкивались?

— И нередко. Особенно в школах. Поинтересовался недавно у двух вось-

миклассников об их общественных нагрузках. Один говорит, что он член ремонтной группы в своем классе. Расспрашиваю, что за группа такая. А вот, говорит, оторвет кто-нибудь крышку от парты, а мы, активисты, ее приколочиваем. Раз вы активисты, возражаю ему, что же вы самого-то разгильдяя не обяжете ремонтом заниматься, тогда и нужда в ремонтной группе отпадет. Пожимает плечами. Второй восьмиклассник, как выяснилось, исполняет обязанности санитара. Чистоту ушей и рук проверяет у тех, кому через год паспорт получать. Сам он, конечно, свое поручение воспринимает с иронией, но комсорг класса — бойкая девчонка — довольна: все при деле. И не нашлось ни одного человека — ни в комитете комсомола, ни среди молодых учителей-комсомольцев, — который бы сказал: ребята, да что же вы глупостями занимаетесь?! А глупость подобных поручений в том, что они не приносят конкретного результата. Сами же комсомольцы пользы в них не видят.

Еще более грустно видеть взрослых людей, занятых «детскими играми». В карточке персонального учета одного из комсомольских активистов строительного треста прочитал: «ответственный за вывешивание свежих газет на стенд». Вот тебе раз! Воткнуть четыре кнопки в фанерный лист — это уже комсомольское поручение? Если это так, то можно смело сказать, что в этой организации настоящая засуха по части дел полезных, живых.

— Бывая в первичных организациях, в райкомах, иногда приходится убеждаться, что немалое число комсомольских работников стремятся главным образом к количественному охвату поручениями, не особенно заботясь об их качестве. При этом забывают, что поручение — это прежде всего средство воспитания. А можно ли в оценке воспитательной работы исходить из одних количественных показателей? Проанализировать, как человек растет, приобщаясь к общественной работе, трудно, с голой цифрой здесь не подступишься. Процент же охвата подсчитать легко. Может быть, поэтому у многим застилает глаза. Вот и рассуждает иной секретарь: не дай бог, чтобы цифра была ниже, чем у секретаря соседнего комитета комсомола. В райкоме или горкоме за это не похвалят, обвинят в слабой работе. А я убежден, что если в организации, насчитывающей сто комсомольцев, по-настоящему болеют за дело и ответственно относятся к поручениям всего двадцать человек, дела в этой организации пойдут лучше, ее боевой настрой будет выше, чем в той, где все сто охвачены поручениями, а девяносто выполняют их спустя рукава.

— Давайте возьмем Устав ВЛКСМ: «Член ВЛКСМ... обязан быстро и точно выполнять поручения комсомольской организации, доводить всякое начатое дело до конца...» Поручение должно быть у каждого комсомольца, иначе зачем и писать заявление с просьбой о приеме в Союз молодежи? Ну, а если более половины комсомольцев вообще не участвуют в общественной жизни своей организации, о каком боевом настрое может идти речь? Другое дело, что комитет комсомола или бюро зачастую сами бывают виноваты в пассивности комсомольцев...

— В ходе проводившегося недавно в Горьком и Челябинске социологического исследования молодым рабочим был задан такой вопрос: «Как

бы вы поступили, если бы остались без общественного поручения?» И вот какие ответы можно было прочитать в анкетах: «Подожду, когда дадут новое поручение, отказываться не буду» — 74 процента из числа опрошенных.

«Откажусь от нового поручения, пусть поработают другие» — 13 процентов. «Сам попрошу новое поручение» — 9 процентов. «Затрудняюсь ответить» — 4 процента. Как видите, большинство на поручения сами не напрашиваются, а ждут, когда к ним подойдет комсорг.

— Любопытная статистика. Думаю, она лишней раз подтверждает, сколь важно нам знать интересы и склонности каждого. Ведь если ждать, пока ребята толпой побегут в комитет с просьбой: «Секретарь, поручи мне...», можно и у разбитого корыта остаться. Комитет комсомола сам должен все время что-то новое предлагать. Ну, а что касается цифры охвата, согласен, это далеко не всегда точный барометр активности.

— Если не ошибаюсь, Володя, около 94 процентов комсомольцев Мытищинского района имеют постоянные поручения, и вы уверены...

— ...Что все они их добросовестно выполняют? Конечно, нет. Мы ведь уже говорили о формальных поручениях. И я думаю, что не к голой цифре нужно стремиться, а к тому, чтобы каждому комсомольцу давать конкретное задание и за выполнение его спрашивать. А мы еще этому не научились и порой работаем вхолостую именно из-за того, что не умеем по-настоящему спрашивать.

— Спрашивать, но, наверное, и помогать?

— Обязательно, особенно новичкам. Но все-таки очень многое зависит и от самих комсомольцев. Да вот вам пример того, как обычное вроде бы дело, но дело, в которое каждый комсомолец вложил душу и сердце, дало результаты очень значительные. Два года назад в научно-исследовательском институте гигиены имени Эрисмана был создан комсомольско-молодежный творческий коллектив. Молодые ученые в порядке шефской помощи — вся работа проводилась на общественных началах — обследовали фермы нескольких хозяйств Можайского района и попытались найти причины потерь продукции. Когда они ознакомили со своими результатами руководителей хозяйств, те отмахнулись: «Ребята, при чем здесь вентиляция, транспортеры, бытовки? Нам план давать надо, а про всякие мелочи мы и без вашей науки знаем». Тогда секретарь комитета комсомола института обратился за помощью в горисполком, горком комсомола Можайска. Удалось убедить товарищей, что вопрос достоин обсуждения на сессии городского Совета. Сессия такая состоялась, и на ней с докладом выступила директор института член-корреспондент Академии медицинских наук А. П. Шицкова — научный руководитель молодежного коллектива. Сессия обязала руководителей хозяйств внедрить рекомендации гигиенистов, а в августе нынешнего года были уже подведены итоги всей работы. Экономический эффект налицо. Молодые ученые не только добились реализации своих предложений, но и позаботились о тех, кто работает на фермах. Теперь подобная творческая бригада создается для обследования хозяйств Одинцовского района. Вот так комсомольцы института определили свое место в выполнении Продовольственной про-

граммы. Выполняли ли они свое комсомольское поручение? Считаю, что да, потому что проявили настойчивость, инициативу, несмотря на все трудности, довели дело до конца. Опустив в этой ситуации ребята руки, смалодушничав секретарь комитета ВЛКСМ, вся работа пошла бы насмарку. Но если в организации так поставлено дело, что она умеет доводить свою задумку до конца, до конкретного результата, агитировать там никого не нужно.

— А вот неуменье, можно сказать, тоже агитирует. Только в обратном направлении. Разве не теряем мы многое из-за дилетантства в воспитательной работе? Аксиома вроде бы: работаешь с людьми — знай их. Спрашиваешь у активистов: знаете ли вы семейное положение своих комсомольцев, их склонности, увлечения? В ответ, бывает, слышишь недоуменное: да разве к каждому в душу залезешь, и времени нет, чтоб этим интересоваться. Занимается такой комитет комсомола всем помаленьку и ничем по-настоящему. За суетой и канцелярщиной не умеет выбрать одно, но главное дело.

— Не так давно на пленуме нашего горкома обсуждали мы очень острый вопрос о воспитательной работе с подростками по месту жительства. Этот разговор особенно задел за живое Александра Полицикова, возглавлявшего комсомольскую организацию Всеюзовского научно-исследовательского и проектного института искусственного волокна. В микрорайоне института было немало подростков, состоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. Александр предложил создать подростковый клуб. Идею эту поддержали все, вплоть до руководства института. Энтузиасты нашлись во всех отделах. ЖЭК выделил помещения под клуб, институтские комсомольцы вместе с подростками их отремонтировали. Вскоре заработали кружки, секции. Сейчас «Ровесник» посещают 200 ребят. Три хоккейные команды клуба — ведущие в городе. Главный же результат мы видим в том, что трудные подростки под влиянием комсомольцев людьми становятся.

— На XIX съезде ВЛКСМ подчеркивалось, что «...передовой линией надо считать каждый участок, где есть комсомольцы...».

— Я с большим волнением вспоминаю наполненные напряженной работой дни съезда. Заряд мыслей и чувств, который получили все мы, его делегаты, еще долго будет помогать нам в комсомольских делах. Действительно, мысль о передовой, прозвучавшая на съезде, очень актуальна. Что греха таить, мы порой главное внимание уделяем крупным комсомольским организациям, с ними работаем, о них говорим. Но ведь и в крупной и в малочисленной организации решаются вопросы воспитания человека, а значит, мы должны дойти до каждой из первичных, помочь каждому комсомольцу отыскать дело по душе и способностям. Дело, еще раз повторю, конкретное, важное и для комсомола и для комсомольцев. На съезде не раз подчеркивалось: в центре всех наших забот должен стоять человек. Помогать росту его личности — нет более трудной, но и интересной задачи. Умело подобранное комитетом комсомола, с интересом воспринятое комсомольцем поручение как раз и служит этой задаче.

Беседу вел
Сергей ПОПОВ.

Если представить себе биографию нашей Родины — шестидесятилетнюю историю союза равных и братских народов, то удивительная поистине получилась бы книга: строки, начертанные металлом, колосом зрелым, кровью героев, огненными росчерками космических ракет... И, конечно, строки, вышедшие из-под резца, кисти и пера людей искусства.

Теперь и не перечислить имен, при упоминании которых уважительно склоняет голову всеобщий читатель, зритель и слушатель. Нет окраины у нашей многонациональной культуры. Она служит народам от края и до края государства, потому в знак признательности и душевного единения с творчеством люди называют любимейших актеров, поэтов, писателей, художников народными. Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов, Давид Кугультинов, Кайсын Кулиев — уже одни эти имена говорят каждому, чем стал Октябрь для литератур бывших «окраин».

Семена, возвращенные на почве взаимообогащения и взаимовлияния культур, дали прекрасные всходы. И продолжают давать: крепнет молодая писательская смена союзных республик, краев и округов. А комсомол оказывает ей действительную помощь на пути к художественной зрелости, к всеобщему читателю. Эта добрая традиция, естественно и традиция «Смены», чьи страницы всегда гостеприимно открыты для талантливой творческой молодежи. Представляя рассказы эстонского прозаика Андреса Яаксоо и молодого писателя из Киргизии Орозбека Айтымбетова, мы хотим напомнить и о дебютах тех, кому публикации в «Смене» помогли сделать первые шаги в литературе.

Андрес ЯАКСОО

РАССКАЗ

Перевела с эстонского
Татьяна ТЕППЕ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

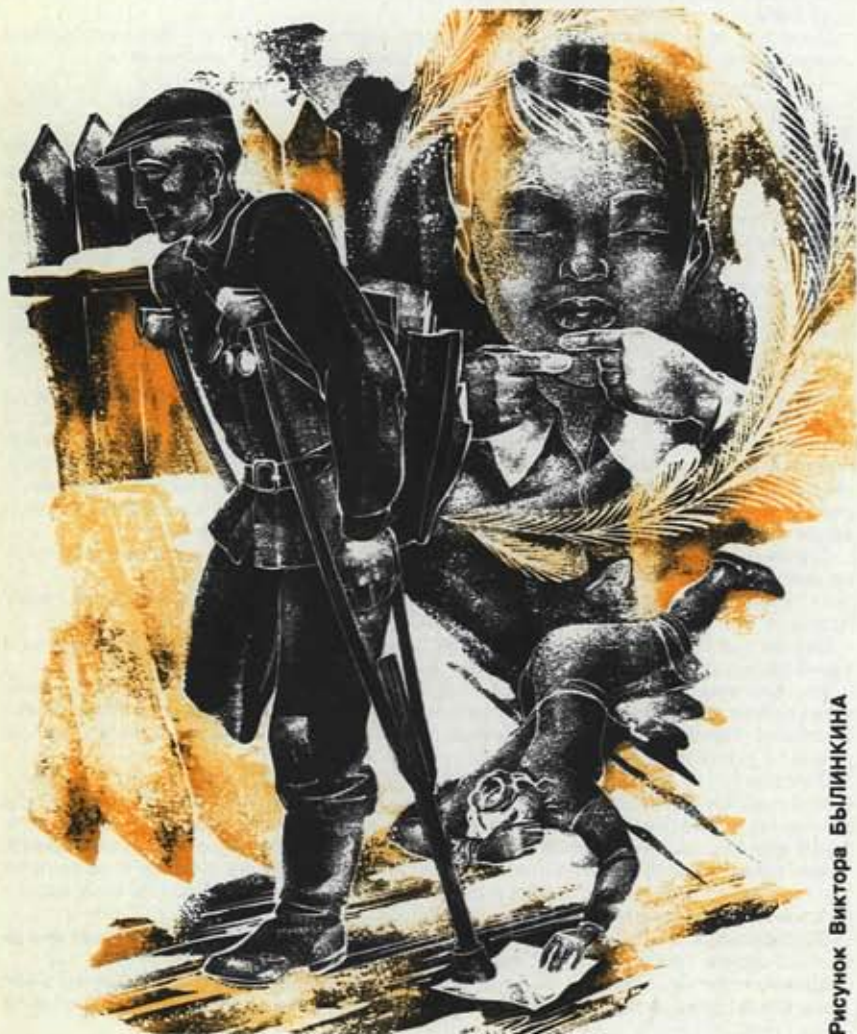

Рисунок Виктора БЫЛИНКИНА

Шаги все приближались. По обледенелому деревянному настилу постукивали костыли. Чуть запаздывая, ступала здоровая нога. На редких стыках поскрипывал под ногой снег.

— Еще шагов двадцать, — сказала мама и вздохнула.

Мы ждали. Окно было затянато льдом. Приходилось напрягать зрение, чтобы что-то разглядеть сквозь холодные ледяные цветы. Но сейчас были видны только сугробы и тропинка между ними, которая вела от крыльца к калитке. На воротах — деревянный почтовый ящик. А на сугробах — зубчатые тени от забора. Больше ничего.

Меня веселило это ожидание. Я сжимал пальцы в кулаки, только указательные-показательные выпрямлял. Потом закрывал глаза и начинал сводить эти указательные-показательные. Если они сойдутся, значит, дядя Иван зайдет, а если не сойдутся, значит, он опустит газету в прибитый к воротам деревянный ящик.

После того, как дядю Ивана ранило на войне и ему по колено отняли ногу, он вернулся домой. Несколько дней он просто так ходил по деревне, позванивая медалями на груди, здоровался со всеми за руку, и женщины все спрашивали его, не встречал ли он кого-либо из их близких. Не встречал. Ребята, которым еще предстояло идти в армию, интересовались, как там, на войне. На это дядя Иван только махал рукой, показывая на свою левую ногу, которая оканчивалась около колена, и уходил. По деревянному настилу постукивали костыли. Чуть запаздывая, ступала здоровая нога. И в такт шагам позванивали медали. Дзинь! Дзинь! Дзинь!

Но настал день, когда он уже со всеми перездоровался за руку, а парни, которым еще предстояло идти в армию, поняли, что ничего больше нового не узнают от этого человека. И тогда дядя Иван стал почтальоном. Со скуки, сказал он.

Мне казалось, что для него эта работа слишком тяжелая. Но дядя Иван стойко носил свою почтовую сумку. Изо дня в день. В грязь и мороз. Пока наконец не заявил:

— Вы, бабы, причитаниями своими всю душу мне вымотали. Так вот, чтоб с завтрашнего дня на каждой калитке был прибит ящик!

Мама принесла из-за дома несколько досок от забора. Вымеряла и пилила, отыскала горсть ржавых гвоздей и сбила из досок ящик. Я думал, что теперь дядя Иван станет опускать газету в ящик. Но нет, он по-прежнему заходил в дом.

Вот поэтому-то мои указательные-показательные всегда и сходились, хотя мама каждый раз со страхом поджидала дядю Ивана.

А сегодня пальцы не сошлись. Я просто-напросто забыл подглядеть сквозь полуопущенные ресницы. Я в ужасе смотрел во двор сквозь белые ледяные цветы. Сейчас там были видны только сугробы и тропинка между ними, которая вела от крыльца к калитке. На воротах — деревянный почтовый ящик. На сугробах — зубчатые тени от забора. За этими зубчатыми тенями подпрыгивала тень одинокого человека. Шаг и четыре переключины. Шаг и четыре переключины. У ворот тень остановилась. Теперь ворота должны отвориться, и дядя Иван поднимется на крыльцо. Но ворота не отворились. Никто не ступил на тропинку между сугробами. Мы ждали. Мамины пальцы больно впились в мое плечо.

— Будь они прокляты! — закричала мама и выбежала на улицу. — Будь они тысячу раз прокляты!

Дядя Иван растерянно улыбался.

— Но я принес и хорошие новости, Ганна... На Западном фронте наши начали наступление. Немцам не удалось захватить Москву. Освобождено четыреста населенных пунктов... Вот газета! У немцев огромные потери. Около шестидесяти тысяч убитыми...

— У немцев огромные потери! — закричала мама, как-то странно засмеялась и бросилась к воротам. — А у меня?

Она ухватилась за почтовый ящик. Дергала его. Дергала изо всех сил. Потом упала на снег с почтовым ящиком в руках.

— Все бабы одним миром мазаны. Чего ты, шалая, почтовый ящик-то сорвала?

— У меня... — в одном платье, скорчившись на снегу, всхлипывала мать. — У меня... нет никого... некому больше там умирать... Завтра можешь опять смело заходить в дом...

— Так-то оно так... — Дядя Иван поправил костыль.

— У немцев огромные потери... — продолжала причитать мама. — А у меня?... У меня...

Мне еще никогда не случилось видеть, чтобы моя мама так кричала и плакала. Я никогда не видел, чтобы хоть одна женщина вот так кричала и плакала.

Я представил себе, как соседи с любопытством выглядывают из-за занавесок. Как они потом, сблизив головы, станут шептаться, без конца шептаться... Мне стало стыдно за маму. Я не мог больше вынести ее крика и убежал в комнату. Бросился на кровать и зажал уши. Наступила тишина. Такая прозрачная, ясная и легкая, совсем как тогда в школе, когда я от голода потерял сознание.

И вдруг меня осенила ужасная догадка.

Это я был во всем виноват! Это у меня не сошлись указательные-показательные. Какой же я растяпа! Я позабыл подглядеть сквозь полуопущенные ресницы. А мама теперь плачет, срамит себя перед чужими людьми...

Скрипнула дверь. В комнату вошла мама. Такая измученная. Такая постаревшая. Я бросился к ней, уткнулся лицом в сырой от снега подол и заревел:

— Мама!.. Мамочка!.. Это я во всем виноват!

Мама погладила меня по голове.

— Не плачь! Твой отец погиб как герой. Слышишь! Не плачь... Смотри, здесь так и написано: «Пал смертью храбрых за Родину...»

Она сунула мне в руку какую-то бумажку, молча присела у плиты и бросила почтовый ящик в огонь. Затем мы молча пили чай и смотрели на белый листок бумаги, который лежал посреди стола. Но я видел там только много букв, которые я даже еще не все знал.

Мама подошла к комоду, вынула оттуда большой черный платок и повязала им голову. Ее ждала работа. Меня ждала школа. Я должен был всем рассказать, что мой отец герой. Они там в школе допнут от зависти.

Мы молча шагали по обледенелому деревянному настилу. На редких стыках поскрипывал под ногами снег. Улица была длинная и унылая. Ворота. Почтовый ящик. Ворота. Ворота. Ворота. Ворота. Ворота. Ворота. Ворота. Ворота. Ворота...

ДОЛГУЮ
ПАМЯТЬ

В клубе шло собрание. Народу было много. И выступали многие. После вручения хозяйству переходящего Красного знамени началось награждение передовиков. Награжденные подымались в президиум, получали награду и, обменявшись рукопожатиями с представителем из города, возвращались на место.

И вот:

— Омор Турпанов награждается медалью «За трудовое отличие».

— Нет его, уважаемый,— отозвалось сразу несколько человек из

передних рядов.

— Да как же он мог не явиться за такой наградой?— удивились в президиуме.

— Он, извините, умер прошлым летом.

— М-м... А жена его где?

— Вышла замуж за другого, работает теперь на четвертой ферме.

В зале неодобрительно зашумели. Представитель поднял руку, успокаивая собравшихся, спросил негромко:

— А есть здесь кто-нибудь из родственников Омора?

— Есть,— раздался откуда-то из середины зала несмелый, тонкий детский голос.

Все повернулись в ту сторону, откуда прозвучал голос.

— Верно, ведь у Омора остался сын!

В проходе между рядами показался небольшого роста крепенький мальчик в старом сером свитере и пошел к президиуму неуверенной от смущения походкой.

Городской представитель вышел из-за стола ему навстречу. Пожал и встряхнул ребячью ручонку, вручил мальчику отцовскую награду. Наклонился и сказал почти на ухо, но в притихшем зале услышали слова:

— Будь в труде таким, как твой отец!

Мальчик держит в руке отцовскую медаль. Сердце бьется сильно-сильно. Отец перед глазами как живой— улыбается весело, загорелое, обветренное лицо такое радостное, сердечное, что у мальчика начинает щипать глаза от неудержимо подступающих слез.

...В тот несчастный день погода была с утра на удивление ясная и теплая, небо прозрачное. А потом...

Мальчик вспоминает происшедшее минута за минутой.

...Он вместе с отцом отправился на пастбище. Они гнали ириков вверх к Туюку. Потом... Да, потом они с отцом сошли с коня, когда ирики уже разбрелись по траве у начала Туюка. Отец с сыном расстелили на лугу потники, пили кумыс. Мальчик играл и, наигравшись, уснул. Крепко уснул, как убитый. Когда проснулся, увидел, что небо потемнело, затянулось облаками. Облака клубились, прижимались к скалам, черные, страшные. День померк, словно сумерки наступили не в свой час.

Мальчик испугался дождя. Вскочил, побежал. Ноги разъезжались, он несколько раз споткнулся.

Откуда-то издали донесся голос отца, окликающего овец.

Облака стлкаялись одно с другим, точно шла между ними битва, ветвистые ослепительные молнии ударялись о землю, непрерывно грохотал гром. Дождь лил потоками.

Задыхающийся Бекин накрыл голову своим камзолем, закричал:

— Па-па-а! Где ты-ы?!

Только эхо жалобного детского голоса отразилось от голых скал. Дождь все усиливался, как будто где-то в небе каждую секунду развязывали и опрокидывали над землей множество великанских бурдюков с водой.

Укрыться на голом склоне негде. Чуть повыше теснились один к другому ирики, старались спрятаться от ливня в ложбине, не в состоянии даже сообразить, что ложбину заливают несущийся сверху сильный поток и хлещет их по ногам, как по мельничным лопастям.

Бекин глянул вниз и обмер: грязная, пенная вода ворочала огромные, с быка, валуны. Мальчик начал карабкаться вверх. Скоро он добрался до толпившихся в ложбине ириков и попытался заставить баранов двинуться выше. Животные, топчась друг друга, выбирались из ложбины.

Рисунок Виктора БЫЛИНКИНА

Отца нигде не было видно.

Камни в потоке ворочались, бились один о другой и о каменные берега, грохот стоял над рекой и разносился по всему Туюку. Небо как будто бы начало светлеть. Дождь шел слабее, но селевой поток бушевал по-прежнему.

Бекин наконец увидел отца: весь мокрый, в облепившей тело одежде, он выхватывал по одному полавших в поток ириков и вытаскивал их на берег.

Дождь снова начал набирать силу, а вместе с ним набирал силу и сель. Вытащенные отцом из воды бараны, ошалев от обрушивающегося на их головы ливня, вместо того, чтобы уходить вверх по склону, снова лезли к берегу. Вот дураки бестолковые! Чего они там топчутся, ведь их снова унесет! Отец, ухватив за ноги двух баранов сразу, не успел отшвырнуть их на берег, и теперь поток угрожал уже ему самому.

Бешеная вода ударила его по ногам, опрокинула, поволокла.

— Беги-и-и!— кричал Бекин отцу.

Омор изо всех сил старался добраться до берега, но куда там! Вода ворочала и швыряла его, заливая с головой, потом выбрасывала на поверхность...

— О-о-ох!— донесся исступленный крик.

— Папа! Папочка-а!— Бекин не помнил, как скатился вниз, упал на берегу.

Потом... Это было уже осенью, когда в айле справили поминки по отцу, зарезав рыжую корову с большими рогами. Дядя по матери жили в соседнем айле. Они уговорили мать Бекина забрать детей— у Бекина была младшая сестренка— и переехать к ним. Мать, совсем еще молодая, собой недурная, скоро вышла замуж во второй раз, у детей появился отчим. В то время Бекин и сестренка целыми днями возились с маленьким щенком, которого кто-то подарил им, чтобы позабавить осиротевших ребятшек. Очень они полюбили этого щеночка, нянчились с ним, надевали ему на голову платочек, укладывали в старую, разохшуюся люльку спать, хотя щенок противился, рычал и даже лаял на них тоненьким голоском. Щенок помогал ребятам коротать скучные зимние дни, но, может, если бы не было этого щенка, отчиму жилось бы куда приятнее.

Наступили самые сильные холода, когда, как говорится, пузо греешь у огня, а спина мерзнет. Днем, пока отчима не было, дети держали щенка в комнате возле теплой печки и поили его молоком. Насытившись и согрившись, щенок, весело блестя глазенками, быстро-быстро вилял хвостом и бегал с ребятами по всему дому. Он лизал им руки, жался к ногам, а порой и хватал за пятки острыми зубешками. У сестренки Бекина, которая очень тосковала по умершему отцу, веселело лицо, когда она играла с Аккулаком— так называли дети свою собачку.

Однажды вечером отчим вернулся с работы хмурый и чуть не с порога накинулся на мать:

— Что здесь, псарня? Подобрали... А ну-ка живо вышвырните отсюда эту тварь! Чтобы я его больше в доме не видел, понятно?

Вид его не предвещал ничего хорошего. Бедная мать, не споря, взяла щенка и вынесла на улицу. Притихшие, обиженные ребяташки забились в угол.

Настала ночь. Ледяной ветер дул с гор. Щенок скулил и царапался в дверь. Бекин не мог этого выдержать. Надел потихоньку пальто и вышел за дверь. Мороз стоял жестокий. Темно, как в печке. Мальчик подобрал полузамерзшего щенка, сунул за пазуху и долго стоял, не зная, куда податься.

Вспомнил, что в овечьем загоне сложен сухой кизяк. Он открыл загон и вошел. Сложил из кусков кизяка нечто вроде конуры в дальнем углу загона. Посадил туда щенка, но тут же решил, что малыш ночью замерзнет. Это не годится. У отчима есть бархатная курпача— подстилка на седло. Надо взять ее и на ночь закутать щенка. Бекин вошел в дом. Отчим спал и всласть храпел. Мальчик взял курпачу, вернулся в загон и укутал щенка, так, закутанного, уложил его в кизячную конуру и загородил снаружи тоже кусками кизяка.

Со спокойным сердцем ушел он в дом. Проснулся он очень рано, и первая мысль была о щенке. Не замерз ли? Кое-как одевшись, побежал в загон.

Щенок, конечно, замерз и был еле жив. Вся мордочка была в инее. Бекину было жаль его до слез, в то же время он и сердился на отчима: почему не позволил хотя бы в сенях устроить щенка? Чем он ему мешал?

Интервью
на актуальную
тему

ПРИРОДЫ ДАР БЕС ВОДА НА

Когда в назначенное для интервью время я вошел в кабинет министра мелиорации и водного хозяйства СССР, Николай Федорович Васильев был не один.

— Я познакомился с вашими предварительными вопросами, — сказал он, — и мне показалось, что ответы на них станут более полными, если в нашей беседе примут участие приглашенные мною первый заместитель министра Полад Аджиевич Полад-заде, заместитель министра и главный государственный инспектор по регулированию использования и охране вод Иван Иванович Бородавченко, заместитель министра, ведающий экономическими вопросами, Владимир Федорович Моховиков, главный гидротехник главного управления комплексного использования водных ресурсов Юрий Абрамович Килинский.

Вопросы, возникающие в связи с использованием водных ресурсов, необыкновенно сложны и остры, и в этом, если можно так выразиться, коллективном интервью нам хотелось бы высказать свой взгляд на данные проблемы, свою концепцию их понимания.

Я согласился с предложением. Поэтому не стану указывать, кто из участвовавших во встрече работников министерства ответил на тот или иной мой вопрос, кто дополнил или уточнил этот ответ цифрами, фактами, личными наблюдениями. Получилось как бы интервью с министерством.

— Взаимоотношения человека с природой, охрана окружающей среды стали частыми темами выступлений нашей печати, радио, телевидения. Их актуальность подтверждается и откликами читателей. Пожалуй, самой острой из всех проблем природопользования является проблема воды. Видимо, это объясняется тем, что она наиболее очевидна, предельно конкретна и убедительна по своему воздействию на человека. Ведь не нужно быть специалистом, не нужно глубоко изучать предмет, чтобы заметить, как засоряются, мелеют, а то и вовсе пересыхают знакомые реки и озера, как беднеет жизнь водоемов. Еще проще ощутить ее жителей городов и поселков, испытывающих нехватку воды.

Почему это явление в последние годы набирает все большую силу? Насколько неотвратим этот процесс, насколько необратимы его негативные последствия?

— Недостаток ресурсов пресной воды — действительно одна из сложнейших проблем нашего времени. Ее острота усугубляется тем, что она встала перед человечеством довольно неожиданно и очень стремительно набрала силу. У нее глобальный характер. Трудности с пресной водой, поиск новых ее источников — ныне забота уже не отдельных стран, а целых регионов земного шара.

Фантасты начала нашего века грозили людям всякими напастями: пришельцами из других миров, всеобщим голодом, всемирным оледенением, истощением энергоресурсов. Но никто из них даже в самых невероятных пророчествах не додумался предсказать, что уже во второй половине двадцатого столетия человечество будет испытывать большие трудности с пресной водой, которую еще вчера просто не замечали.

В наше время вода становится все более ценным природным ресурсом, ибо развитие водопользования и водопотребления, развитие водоемких отраслей определяют современный технический прогресс. В этих условиях в развитых странах предпринимались и предпринимаются меры по рациональному использо-

ванию водных ресурсов, разрабатываются мероприятия по охране их от загрязнения и истощения.

О размерах и характере этой проблемы можно судить по масштабам проектов, осуществление которых, по утверждению специалистов, поможет в известной степени решить ее. Создавалась Международная компания по транспортировке айсбергов из Антарктиды. В печати сообщалось, что ФРГ, Голландия и Дания планируют закупать питьевую воду в Швеции и перекачивать ее для своих нужд по трубопроводам, проложенным через проливы. Североамериканское гидроэнергетическое объединение разрабатывает грандиозный проект переброски 200 миллиардов кубометров воды — чуть меньше среднегодового стока Волги — из Аляски в Канаду, США и Мексику. Уже во многих странах работают установки по опреснению морской воды и ведутся ускоренные поиски новых технологий, которые повысили бы эффективность этого способа.

— Как обстоят дела с водой в нашей стране? Сколько мы ее потребляем? На что?

— Человек, как известно, использует воду двояко. Во-первых, она является для него источником механической энергии и, если можно так выразиться,

средой для некоторых видов его деятельности: гидроэнергетика, лесосплав, водный транспорт, рыбное хозяйство. Во-вторых, он забирает ее из водоемов, рек, каналов для технологических нужд промышленности, теплотехники, коммунального хозяйства, ирригации и сельскохозяйственного водоснабжения. Причем во втором случае часть воды расходуется безвозвратно, а остальная (как правило, большая) сбрасывается в виде стоков. В 1965 году народное хозяйство страны забирало около 200 кубокилометров свежей воды, в 1970-м — 260, 1975-м — 295. В 1980 году взято уже 344 кубокилометра, что равняется почти полугодовому стоку Волги. Хотя рост водопотребления в десятой пятилетке составил всего 17 процентов по сравнению с 30 процентами восьмой, все-таки очень четко прослеживается тенденция к дальнейшему его увеличению.

Главным потребителем воды в нашей стране является сельское хозяйство, которое расходует ее в основном на орошение земель и обводнение пастбищ. Так, из 225 кубокилометров, забраных этой отраслью, 193 пошло на орошение и обводнение. Очень много воды требуют животноводческие комплексы, к интенсивному строительству которых мы приступили в последние годы.

Наша промышленность и теплотехника «выпивают» сейчас 99 кубокилометров в год.

Рост городов и рабочих поселков, повышение их благоустройства заставляют развивать хозяйственно-питьевое водоснабжение. Сейчас на эти нужды расходуется 24 кубокилометра воды (в 1970 году — всего 13).

Короче, потребление воды в стране год от года возрастает. Ожидается, что в перспективе спрос на нее удвоится и удовлетворить его будет довольно трудно, так как даже сейчас водохозяйственный баланс некоторых районов весьма напряжен.

— Вот об этом как раз и хотелось бы узнать более подробно. Со школьной скамьи каждый помнит: наша страна располагает огромными ресурсами пресной воды, только один Байкал содержит двадцать процентов ее мировых запасов. А сколько у нас могучих рек! И вдруг — трудности, напряженный баланс.

— Действительно, по ресурсам пресной воды мы занимаем одно из первых мест в мире. Однако более 80 процентов ее приходится на вековые запасы: озера, ледники, болота. Поэтому, когда речь идет о водообеспеченности народного хозяйства, имеются в виду возобновляемые ресурсы речного стока и эксплуатационные запасы подземных вод.

Среднегодовой сток наших рек тоже довольно велик — 4720 кубокилометров. И если сравним его с объемом нашего водопотребления, то увидим: сейчас мы используем всего семь процентов, что, казалось бы, не дает оснований для беспокойства. Однако все это усредненные показатели. Для народного же хозяйства важно другое: как водные ресурсы распределяются территориально. И вот тут-то начинаются сложности. На северные и северо-восточные малоосвоенные и малонаселенные районы приходится 85 процентов речного стока страны. Остальные 15 процентов — на южные и юго-западные районы, где сосредоточены основная промышленность и сельскохозяйственное производство, где проживает около 80 процентов населения.

Картина станет более наглядной, если общие циф-

Н. Ф. ВАСИЛЬЕВ,

министр мелиорации и водного хозяйства СССР.

П. А. ПОЛАД-ЗАДЕ,

первый заместитель министра,

И. И. БОРОДАВЧЕНКО,

заместитель министра, главный государственный инспектор по регулированию использования и охране вод.

В. Ф. МОХОВИКОВ,

заместитель министра,

Ю. А. КИЛИНСКИЙ,

главный гидротехник главного управления комплексного использования водных ресурсов отвечают на вопросы специального корреспондента журнала «Смена»

Леонида ПЛЕШАКОВА

ры еще немного уточнить. В Центральном, Юго-Западном и Северо-Кавказском регионах РСФСР, на Украине и в Молдавии на одного жителя приходится 3—5 тысяч кубометров речного стока в год, в Средней Азии и Закавказье — 6, на севере европейской части страны — 35, в Западной Сибири — 45, а в Восточной — 144 тысячи кубометров.

Таким образом, разница в водообеспеченности отдельных районов страны довольно значительна. К тому же, как видим, воды меньше всего там, где в ней испытывается наибольшая потребность. Отсюда ее дефицит в некоторых областях и республиках, что приводит к необходимости экономических и административных мероприятий по регулированию использования, пополнения и охраны водных источников, что заставляет разрабатывать и осуществлять проекты по перераспределению водного стока по территории страны.

— Вы имеете в виду переброску части стока северных рек в бассейн Волги, а сибирских — в среднеазиатские республики, вокруг чего в последнее время ведутся довольно жаркие споры?

— Прежде всего следует сказать о построенных и строящихся объектах: каналы Днепр — Кривой Рог, Днепр — Донбасс, Северо-Крымский и Каховский на Украине, Большой Ставропольский, Саратовский и Куйбышевский в РСФСР, Иртыш — Караганда — Джезказган и Большой Алма-Атинский в Казахстане, Большой Ферганский, Голодностепский, Каршинский, Аму-Бухарский в Узбекистане, Каракумский и Хаузаханский в Туркмении, Большой Чуйский в Киргизии и многие другие, которые способствовали развитию народного хозяйства. Необходимо отметить также строительство водохранилищ ирригационного и комплексного назначения для аккумуляции стока и рационального его использования в течение года.

Наконец, речь идет и о названных вами проектах, своевременному и крайне необходимому осуществлению которых в немалой степени мешают ведущиеся вокруг них споры.

— Я внимательно следил за публикациями на эту тему, и, честно говоря, доводы противников такой переброски показались мне достаточно убедительными. Чувствую, вы, специалисты водного

хозяйства, с ними не согласны. С чем именно?

— Если не вдаваться в детали и не касаться пока конкретных «болевых точек», удивление и протест прежде всего вызывает сам подход к такой сложной проблеме, как природопользование вообще и водопользование в частности. Недавно редакции двух уважаемых журналов — «Новый мир» и «ЭКО» — провели «круглый стол» на тему «Природопользование: задачи формирования нового сознания», за которым встретились видные ученые с известными писателями. Наряду с интересными наблюдениями и фактами, приводившимися участниками дискуссии, высказывались мнения, которые вызывают недоумения. Так, один из выступающих сказал:

«Мне кажется, что одна из главных бед нашего времени в том, что мы перестали смотреть на природу как на чудо, тайну. Как хозяин, «покоритель» природы человек выступает во всем своем самомнении. Даже в программу нашего «круглого стола» это проникло в виде фразы «Природа — фундамент нашего благоденствия». Конечно, перестройка сознания человека и человеческого общества в этом направлении — благоговения перед природой, не только сочувствия к ней, но и ощущения себя в каком-то неоплатном перед ней долгу — это очень сложный процесс, потому что в нас слишком укоренилось потребительское отношение к природе...»

Видите, как ставится вопрос: смотреть на природу как на чудо и тайну, а не как на фундамент нашего благоденствия. Другими словами, отрицается само природопользование, тогда как каждому известно: человек во все времена был природопользователем.

Недавно нам довелось беседовать с известным нашим писателем о переброске части речного стока с севера на юг. Рассказали собеседнику, чем вызвано решение о таком проекте, каких затрат потребует его осуществление, какие выгоды сулит он народному хозяйству. Разговор был откровенным, и мы не скрывали определенных негативных последствий, которых, к сожалению, при этом не удастся избежать. Главный: «плюсы» этого грандиозного проекта значи-

— Наверное, вас удивит, но я согласен с обеими точками зрения: и вашей и ваших, как вы сказали, оппонентов.

Я согласен с вашей позицией, потому что она логична, доказательна, подтверждена цифрами, расчетами.

Вместе с тем мне понятны и, не скрою, глубоко симпатичны доводы другой стороны, продиктованные, если хотите, болью за нашу природу, которой мы принесли и, что греха таить, все еще приносим столько бездумного вреда. Ведь не секрет, в погоне за сиюминутной выгодой мы порой ухитряемся наломать столько дров, что последствия нашего природопользовательского ража придется прочувствовать даже отдаленным потомкам. Мы привыкли природой латать дыры своей бесхозяйственностью. Мы вырубали леса гораздо больше, чем можем пустить его в дело. Руслу наших сплавных рек во много слоев завалены утонувшими бревнами. Они гниют, лишают воду кислорода, отравляют все живое. Даже отказавшись от молевого сплава, мы никак не можем вернуть этим загубленным рекам жизнь. Возводя гигантские плотины мощнейших гидроэлектростанций, мы считаем, сколь дешевой будет вырабатываемая ими энергия, но забываем о затопленных сельскохозяйственных угодьях, о резко меняющемся климате в районе станции. Наши проекты, о грандиозности которых мы порой любим излишне пошуметь, не всегда бывают достаточно обоснованными. Вспомним хотя бы историю со строительством канала для подачи воды Амударью по древнему руслу реки Узбой или проект строительства Нижне-Обской ГЭС.

По-моему, прецеденты именно такого безответственного отношения к природе и ее ресурсам имеют в виду авторы статей на экологическую тему. Их стремление увидеть морально-нравственные аспекты в этой теме — это призыв к ответственности за свершаемые нами дела. И некоторые неточности и алогичности в их выступлениях, я думаю, понятны.

— В таком серьезном деле, как защита природы, неточность формулировок недопустима, потому что, неправильно объяснив причины какого-то негативного явления, перепутав их адрес, мы рискуем направ-

механическому действию воды. Осушение, орошение, химические, культурно-технические мелиорации — все эти разные виды проводимых нами мероприятий имеют только одну цель: создать условия для устойчивых урожаев, превратить бесплодные почвы в плодородные, ввести в хозяйственный оборот неиспользуемые земли.

Любопытна мировая тенденция в этой области. В 1900 году на всем земном шаре орошалось 40 миллионов гектаров, через пятьдесят лет — 120. А ныне орошается уже 265 миллионов гектаров, что составляет 17 процентов от общей площади имеющихся в мире сельскохозяйственных угодий — пашни и насаждений. Но эти 17 процентов кормят половину человечества.

Исключительно значение мелиорации в нашей стране. Климат у нас суровый. Почти половина территории страны лежит в зоне вечной мерзлоты, три четверти охлаждается зимой до 40 и более градусов мороза. Холодные массы воздуха, имеющие низкую влажность, могут беспрепятственно распространяться далеко на юг, прогреваясь, они оттягивают влагу с полей, что ведет к засухам. Три четверти наших сельскохозяйственных земель находятся в засушливой зоне или в зоне неустойчивого увлажнения. Пятая часть, наоборот, страдает от переувлажнения.

Мелиорация — дело дорогостоящее. Только в текущем пятилетии на комплекс мелиоративных мероприятий будет израсходовано около сорока миллиардов рублей. Но обойтись без этих трат уже невозможно. Благо, что они окупаются трицей.

Обратимся к статистике. За последние пятнадцать лет валовая продукция нашего земледелия постепенно росла. Пусть не так быстро, как нам хотелось бы, но тем не менее увеличивалась. Суммарная стоимость этого прироста за 1966—1981 годы составила 82,2 миллиарда рублей. Причем 68,9 миллиарда рублей (83,8 процента) дали мелиорированные земли. Что особенно интересно: в неблагоприятные по погодным условиям годы продуктивность немелиорированных земель резко падала, мелиорированные же продолжали, несмотря ни на что, давать устойчивые урожаи. В прошлом, крайне засушливом году, например, немелиорированные земли дали продукции на 2,9 миллиарда рублей меньше, чем в 1966-м, а мелиорированные — на 8,6 миллиарда рублей больше. Разумеется, надо учитывать, что за эти пятнадцать лет выросла их площадь с 15,5 до 30,7 миллиона гектаров. Надо понять и другое: сейчас, улучшенные трудом человека, наши поля дают более трети всей продукции земледелия, а орошаемый гектар по урожайности равен шести богарным.

Именно поэтому Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев сказал, что в широком развитии мелиорации — будущее нашего сельского хозяйства.

Продовольственная программа СССР, одобренная в мае нынешнего года Пленумом ЦК КПСС, предусматривает дальнейшее повышение роли мелиорации в увеличении производства сельскохозяйственной продукции. Площади орошаемых земель намечено довести к 1990 году до 23—25 миллионов гектаров, осушенных — до 18—19 миллионов. Предусмотрено создать в районах орошаемого земледелия зоны гарантированного производства зерна, особенно кукурузы. Валовой сбор должен достигнуть здесь 20—22 миллионов тонн, в том числе риса — 3,3—3,5 миллиона тонн.

Надеемся, что наше пространное отступление о роли и месте мелиорации в народном хозяйстве страны косвенно ответило и на ваш вопрос: мелиораторы не являются водопользователями, поэтому просто невозможны и всякие внутриведомственные «нюансы» на этой почве. Мы не используем землю, а только готовим ее к будущим высоким урожаям, обеспечиваем водоподачу. Обрабатывают улучшенные нами угодья труженики сельского хозяйства, они-то и есть земле- и водопользователи.

Таким образом, хотя наша отрасль непосредственно не производит сельхозпродукцию, значение ее в таком производстве огромно. Поэтому-то вполне правомерно считать ее важнейшей частью агропромышленного комплекса.

Вместе с тем мы единственное в стране ведомство, которое осуществляет контроль за рациональным использованием водных ресурсов. В этом деле мы как бы поставлены над всеми отраслями водопользователями и защищаем интересы народного хозяйства в целом. Такое положение обязывает быть строгим и принципиальным судьей всяких нарушений, справедливым и беспристрастным распределителем воды между заинтересованными в ней сторонами. Тем не менее приоритет в водопотреблении после питьевого водоснабжения должен отдаваться сельскому хозяйству, так как оно самое уязвимое из всех отраслей. Недополучит воду промышленность — завтра или через неделю, месяц можно наверстать то, что не удалось выработать сегодня. А вот не подал в нужный день воду хлопку — не надейся на хороший урожай, потерян годовой труд.

ЦЕННЫМИ ВЕСАХ ЭКОНОМИКИ

тельно превосходили его «минусы». Казалось, все ясно и убедительно, но неожиданно слышим:

«Меня не интересуют экономические аспекты этого мероприятия. Я хочу знать, морально оно или аморально. Морально или аморально, что мы перекраиваем на свой лад вековые законы природы?»

Ну что на это было ответить? Сказать, что ставить вопросы легче, чем давать на них ответы? Или, может, нужно было логически довести концепцию «Природа — тайна, чудо, а природопользование — аморальное потребительство» до абсурда и заменить ее на лозунг «Назад, в пещеру»? Ведь все, чем сыт, одет, обут человек, — все это результат природопользования. Он пашет землю, засеивает ее, убирает урожай, добывает полезные ископаемые, перерабатывает их в нужные для него продукты, строит из них машины, возводит жилища, освещает и отопляет их, благоустраивает свой быт, короче: все, что ни делает человек, он так или иначе использует природу, потребляет те или иные природные ресурсы и, если вернуться конкретно к нашей теме, потребляет воду. Например, в черной металлургии, чтобы получить тонну продукции, в зависимости от вида нужно израсходовать от 65 до 400 кубометров воды, в цветной — от 40 до 250, в химической — от 50 до 2600, в целлюлозно-бумажной — от 300 до 600 кубометров. Мы можем сказать, сколько воды за вегетационный период «выпивает» гектар пшеницы, хлопка, риса, винограда, свеклы. Сколько ее тратит в год житель того или иного города. Но никто — и наши оппоненты в том числе — не скажет, как получить всю продукцию и все эти блага, не затрачивая водных ресурсов.

Наша партия своей первоочередной задачей считает неуклонное повышение жизненного уровня советского народа. Это неразрывно связано с ростом потребления различных материальных благ, что, в свою очередь, ведет к увеличению использования природных ресурсов. Так что решать нашу главную задачу и одновременно не трогать природу невозможно. Как невозможно, исправляя «ошибки» природы, не перераспределять между различными областями те или иные ее ресурсы.

вить полемические стрелы совсем не в ту цель, какую следует, и вряд ли дождемся нужного эффекта от подобных выстрелов. В этом убеждает нас личный опыт. Вокруг экологических проблем сейчас поднята такой ажиотаж, что каждый считает своим долгом — часто не располагая для этого ни специальными знаниями, ни фактами, ни исследовательскими или статистическими данными и основываясь лишь на своих довольно дилетантских представлениях о предмете спора — включиться в общую дискуссию и высказать свою «принципиальную» точку зрения. В большинстве случаев она выглядит неубедительно, иногда просто смешно.

Простой пример. Спросите любого: почему сейчас мало клюквы? И услышите — абсолютно уверенно в этом — стандартный выпад в наш адрес: мелиораторы осушили болота.

— Я, между прочим, такого же мнения. — И совершенно неправы. Причина исчезновения болотной ягоды совсем в другом, и мелиорация к этому не имеет никакого отношения...

— Неужели даже такое простое и общепризнанное объяснение судьбы клюквы оказалось «развесистой клюквой»? Если не возражаете, мы обязательно вернемся к вопросу о болотах и клюкве несколько позже, когда перейдем к исследованию конкретных «болевых точек» безбрежной водной темы. А пока мне хотелось бы уточнить одну смущающую деталь. Ваше министерство отвечает одновременно и за мелиорацию и за водное хозяйство, то есть, с одной стороны, является как бы водопользователем, с другой — водоохранителем. Не мешает работе такая двуединность функций? Будем откровенны, когда водоохранитель и водопользователь работают под одной крышей, у первого всегда может возникнуть искушение простить кое-какие прегрешения второго.

— Это еще одно из заблуждений, с которым постоянно приходится сталкиваться.

Мелиораторы не являются водопользователями. Мелиорация — в переводе с латинского «улучшение». Так что наше дело — улучшение земель с неблагоприятными водным и воздушным режимами, химическими и физическими свойствами, подверженных вредному

— Достоинства мелиорации бесспорны, но как быть с ее негативными последствиями, которые тоже очевидны? Чем объяснить, что в ряде случаев вместо ожидаемых высоких доходов она приносит большие убытки, не улучшает, а обезображивает земли?

— Эта тема требует значительных уточнений. Мелиорация — такой мощный фактор человеческого воздействия на природную среду, что, пожалуй, нет второго, равного ему в этом. Его влияние на экосистему неоднозначно, имеет «плюсы» и «минусы».

Например, орошаемое земледелие дает колоссальный экономический эффект. Но...

Накапливая воду, подавая ее на поля, мы, к сожалению, не можем избежать потерь драгоценной влаги. Она фильтруется из водохранилищ, каналов, оросительных систем.

Нельзя добиться, чтобы вода при поливе находилась только в корнеобитаемом слое почвы. Какая-то ее часть обязательно проникнет в грунтовые воды, что поднимет их уровень, а это может привести к заболачиванию, засолению угодий, безвозвратной потере земли. Чтобы избежать неприятностей, нужно, с одной стороны, подать воду на поля, с другой — с помощью дренажа отвести ее отсюда. А это дополнительные расходы.

Еще пример. Пик естественного стока наших рек приходится на паводковый период. Если воду в это время не задержать, не накопить, то в межень многие отрасли народного хозяйства окажутся на голодном пайке, а в некоторых производство вообще должно будет прекратиться. Выход один: создавать искусственные водохранилища. Сейчас наша страна имеет около трех тысяч крупных водохранилищ с общей емкостью более тысячи кубических километров воды...

— Приблизительно четыре стока Волги, или три годовых потребности в воде всего нашего народного хозяйства?..

— Примерно так. Эти запасы гарантируют устойчивую работу промышленности, речного транспорта, гидроэлектростанций. Они позволяют подавать воду на поля в наиболее оптимальное для вегетации растений время, почти независимо от того, на каком уровне находится в данный момент естественный сток рек.

Однако создание водохранилищ ведет к отрицательным последствиям. Когда мы говорили о годовом расходе водных ресурсов страны, то, упомянув о промышленности, сельском хозяйстве и коммунально-бытовых нуждах, не сказали еще об одной его важной статье: 35 кубических километров пресной воды в год мы теряем в результате испарений с поверхности водохранилищ. Это в полтора раза превышает объем хозяйственно-питьевого водоснабжения всех наших городов и поселков, это больше годового стока реки Дон. И мы вынуждены уплатить столь высокую цену за удобства, которые дают нам рукотворные моря.

При строительстве водохранилищ нередко затопляются большие площади сельскохозяйственных угодий, переносятся населенные пункты. Это тоже стоит больших денег.

Зарегулировав плотинами сток многих рек, каскады ГЭС свели на нет весенние разливы в их поймах, служивших естественными нерестилищами одним породам рыб, эти же плотины пересекли пути к традиционным местам нереста другим, наиболее ценным породам. Этот ущерб могут восполнить рыбоводные заводы, что, разумеется, опять-таки требует затрат.

На крупных водохранилищах при сработке воды подмываются и разрушаются берега, меняется — отнюдь не всегда в лучшую сторону — микроклимат окружающей территории... Короче, при всей целесообразности эти сооружения приносят не только благо. Поэтому при их проектировании мы должны исходить из того, чтобы «плюсов» было больше, чем «минусов». При этом учитывать нужно не только сиюминутные интересы, но и отдаленную перспективу, интересы грядущих поколений, интересы всех отраслей народного хозяйства.

Но это лишь одна сторона вопроса. Мелиорация — дело тонкое, требующее не только затрат, но и знаний, опыта, добросовестного отношения, наконец. Некоторые считают, что после проведения мелиоративных работ земля сразу должна стать урожайной, а когда этого не происходит, они готовы отрицать всю преобразующую роль таких работ. Правда заключается в том, что в наших климатических условиях все виды интенсификации сельскохозяйственного производства — механизация, химизация, использование гербицидов, достижений селекции, семеноводства, рациональной организации работ — не могут в полной мере проявить себя без мелиорации угодий. В то же время сама она не дает должного эффекта без применения всех вышеперечисленных приемов интенсификации. В этом деле важен комплексный подход, ибо выпадение одного звена может свести на нет достижения остальных. Мелиорация, таким образом, не завершение, а лишь начало борьбы за высокий урожай. Думать и действовать по-другому — значит заранее обрекать на неудачу все дело.

— Мне кажется, сейчас самое время перейти от общего к частному, вернее, к частностям, конкрет-

ным «болевыми точками», которые вызывают наибольшие дискуссии.

— Может быть, начнем с болот?

— Не возражаем...

— В начале этого года в одной из центральных газет была опубликована статья видного советского ученого, в которой, в частности, говорилось, что в результате осушительных мелиораций болотных массивов Полесской низменности стало снижаться количество воды в Днепре. На протяжении последних шести лет ученые с тревогой отмечают и другие нежелательные последствия этих работ: нарушалась климато- и водорегулирующая роль Полесских болот, так как они потеряли свои аккумуляционные свойства, мелеет и пересыхает значительная часть малых рек, понижается уровень воды в озерах и водохранилищах, меняется гидрологический и гидрохимический состав воды. Из-за недостаточного количества водохранилищ и прудов, осушения торфяников понижился уровень залегания грунтовых вод в верховьях рек и одновременно повысился в низовьях, что привело к подтоплению больших территорий сельскохозяйственных угодий. Чрезмерный объем осушения и нерешенность различных организационных, технологических и экологических проблем не позволили достигнуть запланированной хозяйственной эффективности этих работ. В украинском Полесье из общей площади осушенных земель используется меньше половины, треть отведена под так называемое «естественное залужение»...

Такая вот невеселая картина. Вы согласны с ее автором?

— Абсолютно нет, ибо, рисуя ее, он повторяет традиционные ошибки при оценке климатической и гидрологической роли болот Полесской низменности, а также при объяснении сложных и неоднозначных процессов, связанных с мелиоративными работами в этом крае.

Однако, прежде чем рассказать о них, приведем любопытную цитату.

«А неурожай у нас оттого, что осушили Пинские болота» — как ни странно, так говорит словоохотливый Михаил Аверьянович, герой повести А. П. Чехова «Палата № 6». Повесть написана 90 лет назад, в 1892 году, но фраза эта, согласитесь, звучит злободневно, так как в разных вариациях поныне повторяется на страницах газет и журналов, в киносценариях, в выступлениях на всевозможных совещаниях. Как-то на Международном конгрессе по торфу один из советских специалистов, опираясь на газетные публикации, попытался рассуждать о вреде осушения в СССР, за что получил достойную отповедь со стороны председательствующего — финского профессора Л. Хейкюрайнена, который ссылаясь при этом на опыт Финляндии, ряда других стран и... научные труды русских и советских ученых, положенные в основу практической деятельности мелиораторов данных государств.

Откуда же появилось заблуждение о водорегулирующей роли болот и как оно попало в повесть великого русского писателя?

Первые крупные осушительные работы в России были начаты экспедицией под руководством генерала И. И. Жилинского в 1874 году в белорусском Полесье. Только в бывшей Пинской губернии было осушено (осушали, между прочим, очень экстенсивно, редкими и неглубокими канавами) два с половиной миллиона десятин лесных болот. Случившиеся в эти годы губительные засухи и обмеление рек неожиданным образом были связаны с начатыми осушительными работами. Было высказано мнение, что тучи, приносящие дожди в степи Украины, формируются в пинском Полесье, что осушение болот нарушило этот процесс, как, впрочем, способствовало и обмелению рек. Для подобных выводов нашлось и «научное» обоснование. В середине XIX века известный немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, иностранный почетный член Петербургской Академии наук Александр Гумбольдт выдвинул теорию, согласно которой естественные болота подобно губке аккумулируют влагу и тем самым регулируют речной сток. Такой вывод основывался не на данных научных исследований, а на умозрительном представлении о роли болот, которое возникло по аналогии с ролью горных ледников и глетчеров — они действительно накапливают зимой водные запасы, а в летнее время при таянии льда отдают воду рекам.

Потребовалось почти три четверти века, чтобы трудами русских и советских ученых была окончательно доказана полная несостоятельность этой аналогии и дана правильная, обоснованная фактами оценка гидрологической роли болот.

Выдающиеся русские ученые А. И. Воейков, К. С. Веселовский и многие другие на основе экспериментальных данных доказали, что осушение болот не влияет отрицательно на климат, что под его воздействием атмосферные осадки не изменяются, а обмеление рек обусловлено не осушением болот, а потеплением климата и вырубкой леса.

Однако семена недоверия к мелиорации были посеяны, они нет-нет и давали всходы, вызвали дискуссии в самых различных кругах русского общества. В «Полной энциклопедии русского сельского хозяйства», изданной в 1902 году, например, говорит-

ся: «От времени до времени раздаются у нас в общей и специальной печати голоса, считающие осушение болот, в особенности же на такой огромной площади, как Полесье, вредным. Периодические засухи нашего юга и востока и обмеление Днепра ставят даже в зависимость от осушения Полесья. Взгляд этот, однако, не может быть признан справедливым, тем более, что осушение Полесья пока велось настолько интенсивно, что скорее именно теперь реки получают отсюда летом ту воду, которая раньше стояла над поверхностью болот и частью испарялась бесполезно для рек». В этом же году известный агроном-мелиоратор В. А. Остафьев писал: «К сожалению, осушение болот тормозится у нас господствующим крайне невежественным взглядом, что с осушением болот-де происходит сухость климата».

Большой вклад в научное разрешение этой проблемы внес выдающийся русский гидролог Е. В. Оплоков, который в ряде фундаментальных трудов уже в 1903—1909 годах пришел к выводу, что точка зрения А. Гумбольдта о положительной роли болот в питании рек не подтверждается. Более того, он убедительно доказал, что вследствие высокой водоудерживающей способности болота не только не отдают рекам ни капли воды летом, но, наоборот, нередко уменьшают их водное питание, перехватывая и удерживая — как губка — потоки поверхностных и грунтовых вод, устремленных к рекам. Только устройством осушительных каналов можно взять воду из болота и направить ее в реки. Охрана же болот не только не приносит пользы, а скорее вредна для рек. Кстати, почти через 60 лет к этому же выводу пришли и американские исследователи Н. И. Миллер и Е. Г. Трентон, которые показали, что болото уменьшает сток, а на испарение летом расходует даже запасы подземных вод.

Любопытно, что пока в России шли горячие дискуссии по этому поводу, на родине А. Гумбольдта, в Германии, проводилось широкое и успешное осушение болот, отчего реки там не только не перестали существовать, но стали даже лучше и полноводнее. Исследовавший этот опыт русский ученый В. Фесенко писал в 1914 году: «...и у нас давно уже пора похоронить окончательно этот старый предрассудок о питании рек болотами».

С той поры прошли десятилетия. Различными научными учреждениями проведены сотни длительных натурных наблюдений за речным стоком с применением современных методов, выполнены водобалансовые исследования в СССР, Финляндии, США, ФРГ, ЧССР и других странах. Полученные данные не оставляют сомнений в том, что естественные болота не имеют водорегулирующей и водоохранной значимости, а их функции в водном питании рек в основном отрицательные. По подсчетам члена-корреспондента АН СССР Н. И. Пьявченко, болота нашей страны бесполезно удерживают в себе около 1100 кубических километров воды, уменьшая тем самым питание рек.

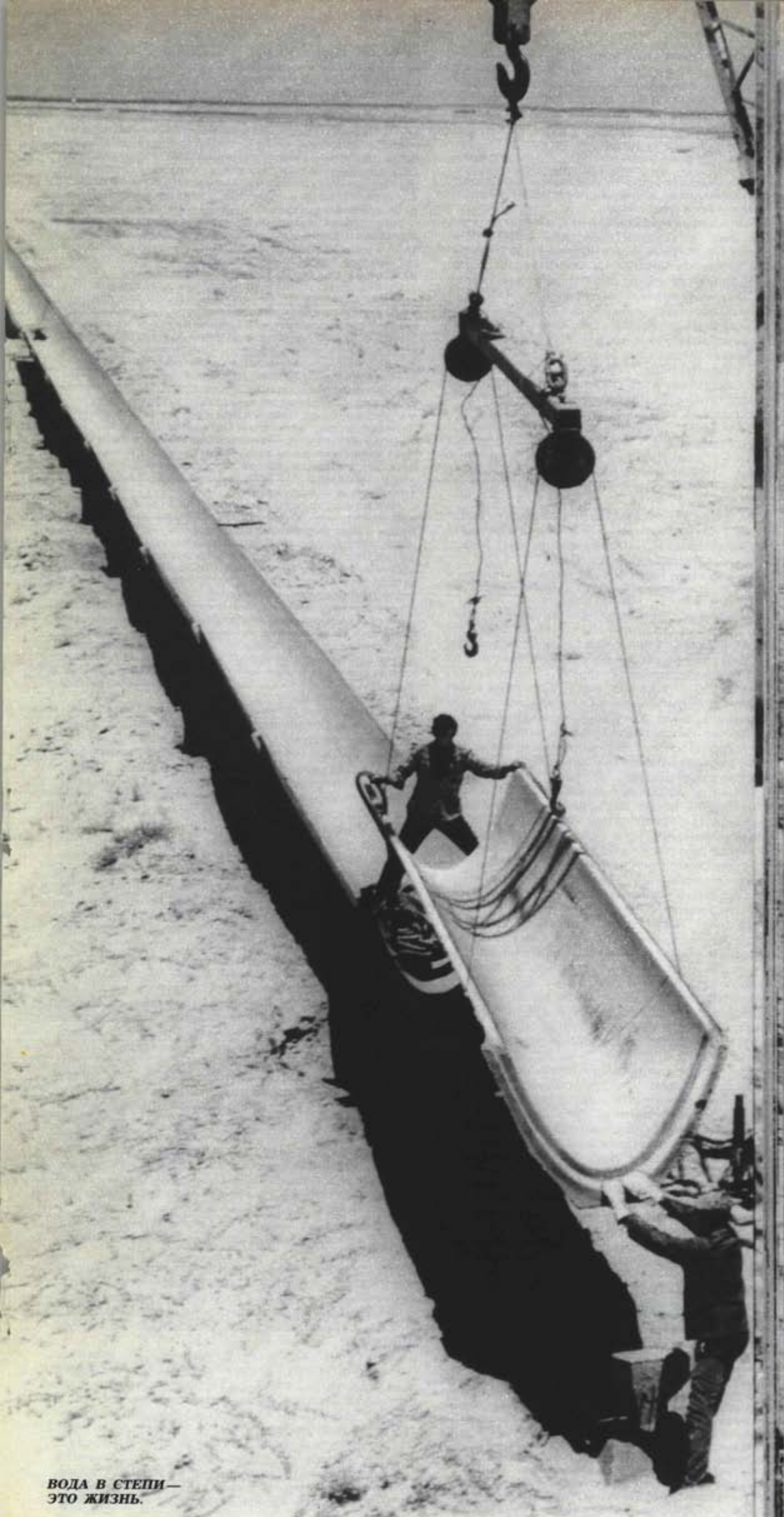
В феврале 1981 года в Минске была проведена специальная научная конференция, посвященная гидрологии болот. В ее решении подчеркнута, что роль болот, особенно верхового типа, в питании рек часто необоснованно переоценивается. При их осушении годовой и особенно летний речной сток в первые годы после мелиорации увеличивается, реки становятся полноводнее, в последующие годы эти изменения зависят от эффективности сельскохозяйственного производства на осушенных землях. Если много воды забирается на орошение и другие нужды, уровень рек, естественно, падает.

Столь пространственный экскурс в историю данного вопроса мы вынуждены были сделать потому, что, несмотря на исчерпывающий ответ, давно данный на него наукой, по-прежнему находится немало желающих вновь «освежить» внимание к нему. И через семьдесят лет после В. А. Остафьева приходится почти слово в слово повторить его сөгование: «К сожалению, осушение болот тормозится у нас крайне невежественным взглядом, будто из-за этого происходит сухость климата».

— Но ведь у тех, кто придерживается на этот счет иного мнения, наверное, тоже есть свои доводы и факты, подтверждающие их позицию?

— Разумеется, свои выводы они стараются доказать фактами. Беда только, что в фактах часто видят лишь внешнюю сторону, не пытаются изучить вопрос глубже и на основе такого поверхностного знакомства с проблемой делают дилетантские умозаключения. Иногда же бывает достаточно элементарной логики, чтобы понять суть дела.

Ведь совершенно очевидно, что низинные болота Полесья по своей природе не что иное, как впадины на земной поверхности, куда ежегодно стекают талые воды. Постепенно эти чаши заросли растительностью, которая любит переувлажненные почвы: осокой, камышом, мхом. Никакого стока такие болота не имеют, так как вода не способна самостоятельно подниматься вверх по уклону. Единственный ее выход из низинной ловушки — испарение с открытой поверхности или транспирация дикорастущей растительностью — травами и мхом. В том, как жадно

ВОДА В СТЕПИ—
ЭТО ЖИЗНЬ.

болота удерживают воду, мог убедиться любой человек, который хотя бы раз побывал в сыром лесу. В заболоченных его местах деревья стоят чахлые, низкорослые. И буквально в нескольких метрах на сухих взгорках может подняться стройный бор. Такие контрасты особенно разительны там, где по лесу прошелся плуг мелиоратора, где были проложены осушительные каналы. Деревья хорошо выросли на сухом месте, болото же по-прежнему держит в себе воду и не отдает ее соседнему лесу.

Еще один наглядный пример. При мелиорации Полесской низменности излишняя вода по системе дрен, канав и каналов сбрасывается в речки, которые относятся к бассейну Днепра. Таким образом, влага осушенных болот просто не может миновать эту крупнейшую водную артерию. Днепр ныне зарегулирован каскадом плотин крупных гидроэлектростанций. Образованные ими водохранилища могут принять весь паводковый сток реки.

Так что видеть в мелиорации Полесской низменности главную причину уменьшения количества воды в Днепре по меньшей мере несерьезно.

Между прочим, советский специалист в области гидрологии В. Р. Булдей провел анализ стока Днепра за последние 150 лет и нашел, что под влиянием осушения болот он увеличился на 2—3 процента.

— А малые реки, берущие начало в Полесье, разве на их водный режим не повлияли мелиоративные работы?

— Конечно, повлияли, но совсем не таким образом, как это хотят представить. Осушение болот на речных водосборах и его влияние на речной сток — гораздо более сложный процесс, чем это может показаться на первый взгляд.

Раньше талые и дождевые воды многие недели держались в застойных местах, надолго затопляя сельхозугодья, вызывая наводнения. При осушении низинных, заболоченных земель сеть каналов и дрен позволяет воде быстро попадать в русла рек, что увеличивает их максимальные расходы весной и во время дождевых паводков. С другой стороны, осушенная, хорошо дренированная почва с пониженным — в сравнении с естественным — уровнем грунтовых вод жадно впитывает атмосферные осадки, которые раньше бурными потоками устремлялись в реки, поднимая их уровень. Более того, понижение уровня грунтовых вод способствует увеличению подземной составляющей речного стока, особенно в первые годы после осушения. Короче, вода в реках остается в принципе той же, но течет она иначе, чем раньше.

Далее. Мелиорация переувлажненных земель, их интенсивное использование для сельскохозяйственного производства меняют величину испарения с этих площадей. На болотах влага испарялась с водной поверхности или дикорастущими травами и мхами. После осушения ее расходуют сельскохозяйственные культуры. При этом расход воды зависит не только от метеорологических условий, но и конкретного вида выращиваемых культур, а также агротехники их возделывания. Он может превышать испарение с девственного болота, но может быть и меньше.

Процессы эти чрезвычайно сложны. В 1971—1975 годах были проведены крупномасштабные исследования всех элементов водного баланса на осушаемых территориях. В основе этих работ лежал метод сравнения характеристик с осушенного и контрольных бассейнов за периоды естественного и измененного мелиорацией стока.

— И что же они показали?

— Оказалось, что после осушения земель речной сток меняется в пределах плюс-минус 15 процентов. Правда, осушение вызывает некоторые перераспределения расхода воды в течение года. При этом, как правило, продолжительность паводков сокращается и, что весьма существенно, реки становятся более многоводными (в полтора-два раза) в летний период, когда резко возрастает потребность в воде.

Это положение относится к малым и средним рекам, площади водосборов которых не превышают 2—3 тысяч квадратных километров. Для крупных же рек влияние осушения земель ничтожно, так как происходит взаимная компенсация изменений на осушаемых землях и на прилегающих к ним территориях.

Вот как обстоят дела в действительности. И если кто-то пытается утверждать обратное, то делает это либо по недоразумению, либо игнорируя объективные, подтвержденные наукой факты.

— Спору нет, любую дискуссию о сложной проблеме можно вести всерьез только на основе знаний. Но ведь живучесть мнения, что именно после осушения болот изменился водный режим рек и озер, основана не на обмане зрения, а на суровых реалиях: реки и озера и вправду мелеют, а иные и вовсе исчезли с лица земли. Естественно, что большинство людей в отличие от специалистов незнакомо с тонкостями поверхностных речных стоков и их подземных составляющих, они просто видят: была река и не стало. И причинную связь находят ту, что поближе...

— В этом-то и беда. Взгляните на карту. На Днепре и его притоках стоят крупные административно-хозяйственные центры страны: Киев, Днепропет-

ровск, Запорожье, Херсон, Днепродзержинск, Кременчуг, Чернигов, Черкассы, Смоленск, Брянск, Могилев, Бобруйск, сотни и тысячи городов и поселков рангом поменьше. Речная вода все в больших размерах забирается для бытовых нужд их многомиллионного населения. Днепр и его притоки «поют» черную и цветную металлургию, машиностроение и химию стоящих по их берегам индустриальных центров, промышленное производство которых год от года все растет. Часть днепровской воды переброшена в крупнейший в стране Криворожский железнорудный бассейн и «работает» там. Для полива и орошения эта вода используется не только областями Днепровского бассейна. По четырехсоткилометровому Северо-Крымскому оросительному каналу она из Каховского водохранилища пришла в Феодосию и Керчь, оросив по пути 300 тысяч гектаров засушливых земель, дав жизнь новым полям, садам и виноградникам. Удивляться после этого, что воды в Днепре стало меньше, абсурдно.

Есть еще одна ошибка, которую допускают при оценке гидрологических последствий мелиорации: ими недостаточно учитывается такой важный фактор формирования водного режима, как атмосферные осадки. Почему, например, иссякли многие ручейки и речки в засушливые шестидесятые годы? Были уничтожены болота? Совсем нет. Причина в самой природе. Многие ее явления — в том числе солнечная активность и связанные с ней метеорологические условия — имеют циклический характер. Это определяет цикличность стока рек. Периоды многоводных лет чередуются маловодными. С 1963 по 1975 год во многих районах страны наблюдался засушливый период с дефицитом воды, не наблюдавшийся в последние 100 лет, а, например, 1978 и 1980 годы были очень влажными, да и нынешнее лето на большей территории страны выдалось дождливым. В такие сезоны никто не упрекает мелиораторов, что они переосушили почву.

Рассказывая о тонкостях, которые не всегда известны людям, далеким от мелиорации, мы не преследуем цель защитить честь мундира. Опыт последних десятилетий убедительно показал, что причиной нежелательных последствий является не само осушение земель, а ошибки и просчеты, допускаемые при выполнении этих работ. Против этих просчетов и нужно направить усилия прессы.

Мелиорация не самоцель, она проводится ради получения максимальной сельскохозяйственной продукции с каждого гектара улучшенной земли. Этот гектар дорого обошелся стране, и если он не занят высокоурожайной, высокоэффективной культурой или не проведено залужение и окультуривание лугов — это варварство и головоутиение, разранжирование народных средств. Нужны многие годы, чтобы на месте бывших болот и переувлажненных земель произошла смена растительности естественным путем. Если до осушения на этих площадях можно было получить какое-то количество сена из болотного разнотравья, то в изменившихся условиях, неблагоприятных для осок и прочих влаголюбивых растений, даже этого взять нельзя. Компрометируется сама идея мелиорации. Болото или пустырь — неизвестно, что хуже. А у нас из-за нехватки семян урожайных трав более миллиона гектаров плодородных осушенных земель, по существу, бездействует, не возвращает вложенных средств.

Зато какой блестящий результат получают там, где к делу подходят с умом! В белорусском Полесье на осушенных землях ежегодно получают до 3 миллионов тонн кормовых единиц, в шесть раз больше, чем 15 лет назад. В Смоленской области, например, в 1978 году урожайность зерновых на осушенных землях составила 26,5 центнера с гектара — на 11,5 центнера больше, чем в среднем по области.

Возвращаясь же к теме о реках, их многоводности, скажем: нужно разумно осушать заболоченные земли и болота, сохранять лесные массивы вблизи рек.

— А как обстоят дела с осушением за рубежом? Ведь порой чужой опыт может дать много полезного.

— Самый объективный ответ нам дадут цифры. Площадь болот и заболоченных земель в нашей стране, по разным оценкам, составляет 200—220 миллионов гектаров, из них 115—125 миллионов — болота. Примерно 100 миллионов гектаров приходится на переувлажненные сельхозугодья. К настоящему времени осушено около 13 миллионов гектаров переувлажненных земель, из них около трех миллионов гектаров болот. Значит, общая площадь осушенных земель в стране составляет всего шесть процентов от общего фонда переувлажненных площадей и 13 процентов от площади переувлажненных сельхозугодий. Болот же осушено не более четырех процентов от их территории. Так что мы находимся в самом начале этих преобразовательных работ.

В Соединенных Штатах Америки, где почвенно-климатические условия более благоприятны, чем у нас, осушено более 60 миллионов гектаров земли, то есть 55 процентов болот и заболоченных угодий. В

Англии, Нидерландах, Бельгии, ГДР, ФРГ, Дании, Франции, Болгарии, Колумбии, Гайяне осушено 50—95 процентов переувлажненных и болотистых площадей. Известный эколог Ж. Дорст, исследовав этот вопрос, отметил, что в западных странах «осушение сейчас находится в особом почете».

— Тогда непонятно, почему в печати США, Нидерландов, Франции появляются статьи (они цитировались и нашей прессой), которые утверждают, что болота надо охранять от осушения, в подтверждение приводятся довольно веские аргументы, экономические в том числе...

— Такие выводы правильны относительно тех конкретных мест, о которых идет речь: пойме реки Гвадалахары в Испании, болотных массивов в американском штате Флорида и на юге Франции и так далее. В одних случаях в защиту болот выступают потому, что «окруженные интенсивно эксплуатируемыми сельскохозяйственными землями, они остались единственным местом, где еще сохранилась дикая природа. Осушить их значило бы обречь на гибель многие виды птиц и животных». С другой стороны, развитая индустрия отдыха на воде — охотничьи и рыболовные угодья, кемпинги, туристические базы, увеселительные аттракционы — приносит порой большую прибыль, чем превращение болот в обработанные поля. В США и Нидерландах, например, постепенно реализуется государственная программа по выкупу у фермеров части некогда осушенных площадей, которые вновь заболачиваются, и на их месте организуются зоны отдыха и охотничьи угодья с болотной дичью.

Короче, в каждом конкретном случае защиты болот лежит свое конкретное экономическое или экологическое обоснование, но никто не опровергает пользу осушительных мероприятий вообще.

— Мне кажется, наша беседа сама вернулась к вопросу о клюкве. Почему уменьшились ее урожаи?

— К сожалению, нет убедительных данных о том, сколько клюквы было раньше, сколько стало ее теперь. Многозначительные выводы по этому поводу делаются на основе косвенных подсчетов, не всегда заслуживающих доверия. В одной из вологодских газет, например, назывались цифры о закупках клюквы областной потребительской кооперацией в прежние времена и сейчас. Так как нынешние показатели явно снизились, кооператоры утверждали, что мелиорация погубила клюкву. В действительности оказалось, что местное население и теперь собирает ее не меньше, но заготовителю не сдает из-за низких закупочных цен: на рынке выручишь больше. К тому же в последнее время возросло число любителей собирать клюкву, грибы, ягоды, орехи.

— А мелиорация?

— Клюква растет на верховых болотах, покрытых мхом. В сельском хозяйстве они не используются, и осушают их только там, где добывают фрезерный торф на топливо и животноводческую подстилку, что составляет мизерный процент от общей площади верховых болот. Так что почти полностью они никогда не осушались и поныне находятся в естественном состоянии. Не влияет на них и осушение прилегающих лугов и полей: торф имеет незначительную фильтрационную способность и водоотдачу, поэтому трудно воздействовать на их водный режим. Кстати, в той же Полесской низменности предусмотрено оставить в нетронутом виде двадцать процентов заболоченных площадей, где будут организованы заповедники и заказники.

Другими словами, мелиорация несколько не повинна в дефиците клюквы. И чтобы устранить его, нужно научиться выращивать эту ягоду в специальных питомниках, как это делается в США с начала прошлого века. В естественных условиях урожай клюквы не превышает одного-трех центнеров с гектара. А гектар «культурной» плантации дает 160 центнеров крупной — величиной с вишню — ягод. Не каждое хозяйство может похвастаться таким урожаем картофеля. При этом все работы можно механизировать и даже уборку вести специальным комбайном. Первые искусственные плантации клюквы уже появились в Белоруссии, Латвии и других районах страны. Уверены, что со временем она станет обычной сельскохозяйственной культурой.

— Наша беседа несколько раз возвращалась к мысли, что за все — бытовой комфорт, рост производства в промышленности и сельском хозяйстве — человеку приходится платить не только своим трудом, но и водой. Но копнешь глубже, оказывается, что платить-то приходится природе, и часто эта плата для нее непосильна.

Я уж не говорю о мелких речушках, давно разобранных на полив огородов, садов, овощных плантаций. Дело дошло до крупнейших наших рек — Амударьи и Сырдарьи, сток которых в Аральское море практически прекратился. Как утверждают специалисты, если это море не исчезнет с лица земли, то значительно уменьшится в объеме, расчленится на два водоема.

Азовское море, соединенное проливом с Черным, не умрет, но уже погибли или погибнут многие его обитатели. Забор воды из рек Азовско-

го бассейна свел на нет естественные нерестилища для большинства пород здешних рыб. Забор пресной воды для сельскохозяйственных нужд заметно уменьшил сток рек, что привело к сокращению выноса питательных веществ в Азовское море и увеличило приток в него более соленой воды Черного. Повышенная по сравнению с прежними временами концентрация соли в азовской воде сделала ее неподходящей для жизни некоторых ценных пород, которые теперь разводятся рыболовными заводами. Вслед за соленой водой из Черного моря нагретый полчища медуз, которые наносят дополнительный ущерб промыслу.

Теперь все чаще раздаются голоса в защиту Азовского моря. Выдвигаются различные проекты по его спасению. Один из них — строительство гигантской дамбы через Керченский пролив, которая, надо полагать, обойдется недешево.

Столь пространное вступление я сделал вот к какому вопросу: а не разумнее было бы прибегнуть к экономической защите этого и других наших морей, озер, рек тем, что ввести плату за используемую воду. И при исчислении цены учитывать ущерб, наносимый водопользованием (снижение уловов рыбы, например), а также расходы, связанные с восстановлением или защитой природы или каких-то ее естественных качеств (строительство рыбоводных заводов, очистных сооружений, той же дамбы через Керченский пролив и так далее).

Такая мера, как полагают, позволила бы нам узнать, что почем. Помогла бы вычислить истинную себестоимость продукции с учетом всех ресурсов, ушедших на ее производство, включая воду, показала бы выгодность или убыточность того, что мы произвели.

Как известно, с первого января этого года была введена плата за воду, забираемую промышленными предприятиями. Совершенно непонятно, почему наш главный водопользователь — сельское хозяйство — от такой платы освобожден. Между прочим, зарубежный опыт показывает, что региональный принцип при установлении платы за воду для отдельных бассейнов, районов и водохозяйственных систем стал регулирующим фактором при размещении водоемких предприятий (эта цена ниже в районах с избытком водных ресурсов) и благотворно сказывается на структуре сельскохозяйственного производства, заставляет искать более рациональный набор возделываемых культур, вводить в оборот более выгодные и вытеснять убыточные.

Вы согласны с такой постановкой дела?

— Ваш широкоплановый вопрос затрагивает сразу несколько проблем. Рассмотрим их по порядку.

Прежде всего хотелось бы напомнить, что не всякий опыт, доказавший жизнеспособность в других странах, может быть применен у нас. Исторические, социальные, географические и климатические различия заставляют искать нас чаще всего свой путь решения тех или иных задач.

Когда говорят о проблеме Азовского моря, не всегда делают правильные акценты о чрезмерном использовании водных ресурсов одним потребителем воды в ущерб другим. Действительно, в результате различных антропогенных факторов в Азовском бассейне сложилась напряженная обстановка. По воздействию на режим моря их следует расположить в таком порядке: создание Цимлянского водохранилища в интересах водного транспорта и гидроэнергетики, промышленное и коммунальное водоснабжение, орошение. Сейчас море стало получать не 41, как прежде, а всего 28 кубокilометров пресной воды в год, которая к тому же загрязнялась стоками. Можем ли мы ради оздоровления Азовского моря сократить наше водопотребление, откажемся, допустим, от орошения, на долю которого приходится около трети безвозвратного забора? К сожалению, нет. Только рисоводы Краснодарского края дали в 1980 году миллион тонн зерна этой ценнейшей крупной культуры. Прибавьте сюда продукцию садов и виноградников, кукурузных и пшеничных полей, плантаций овощей, бахчевых, кормовых и технических культур, выращенных на животельной воде Дона, Кубани, Миуса, Северского Донца, Маныча, Еи, Бейсуга, Егорлыка, Сала. Только за счет прибавки продукции, получаемой на орошаемой земле по сравнению с богарной, с лихвой окупаются все потери в рыбоводстве и расходы по искусственному рыборазведению в этом регионе.

Но проблема Азовского моря не может не волновать нас. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по предотвращению загрязнения бассейнов Черного и Азовского морей» осуществляется комплекс водоохраных мероприятий.

В Продовольственной программе СССР, принятой на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС, предусмотрено осуществить до 1990 года строительство объектов первого этапа переброски части стока северных рек в бассейн реки Волги. Одновременно мы разрабатываем проектную документацию на строительство канала для подачи волжской воды в Дон, каналы Ростов — Краснодар, Волга — Чограй. Это позволит и дальше развивать орошение на Северном Кавказе, поможет улучшить водоснабжение этого региона и оздоровит режим Азовского моря. Что касается стро-

ительства гидроузла в Керченском проливе, то проведенные научные исследования и предпроектные проработки не доказали его эффективность и целесообразность.

Положение Аральского моря более критическое. Орошение в Средней Азии и Казахстане достигло такого уровня, что оно практически полностью забирает пресную воду Амударьи и Сырдарьи. Их сток в море почти иссяк. Если не принять кардинальных мер, лет через 10—15 развитие орошения прекратится. Постепенно будет сокращаться объем воды в Арале.

Что делать? Отказаться от орошения? Нельзя. Ибо тогда нам пришлось бы отказаться от 8,5 миллиона тонн хлопка и одного миллиона тонн риса, выращиваемых в этом регионе, высоких урожаев кукурузы, винограда, фруктов, овощей и кормовых культур, получаемых здесь на поливных землях, от продукции животноводства, производство которой опять-таки требует воду. Нам пришлось бы отказаться от высокого уровня жизни более тридцати миллионов человек, населяющих среднеазиатские республики и Южный Казахстан, уровня, достигнутого благодаря интенсификации сельскохозяйственного производства на основе орошения. На поливных землях в этих республиках производится 90—99 процентов валовой продукции растениеводства. Возможные для орошения площади здесь превышают 50 миллионов гектаров (орошается пока 7), население растет быстро.

Вот что мы должны будем положить на вторую чашу весов, если на первую будет положена судьба Аральского моря. Какая из них перевесит?

— Конечно, мы выберем жизненный уровень людей, но расплачиваться за него опять приходится природе, в данном случае — Аралу.

— Здесь следует сказать о переброске в Среднюю Азию части стока сибирских рек. На первом этапе 25 кубокилометров в год. В дальнейшем можно увеличить объем водоподачи. Что это дает? Технико-экономическое обоснование первой очереди переброски завершено в 1980 году и представлено на экспертизу. Перебрасываемый сток распределяется по территории Западно-Сибирского и Уральского районов РСФСР, целинных и южных областей Казахстана и подается в низовья рек Сырдарьи и Амударьи. За счет этой воды возможно оросить до 4 миллионов гектаров для производства кормовых и зернофуражных культур, хлопчатника, овощей, фруктов и винограда. Здесь будет создана крупная и надежная база по производству кормов для животноводства. Достаточно сказать, что уже сейчас в Узбекистане на круг получают по 70 центнеров зерна кукурузы и 140 центнеров сена люцерны. И это далеко не предел. Одновременно решается вопрос снабжения водой крупных промышленных центров Урала и Центрального Казахстана. Может быть, здесь следует привести и такие цифры: только в четырех областях — Тюменской, Курганской, Свердловской и Челябинской — в настоящее время 84 процента забора свежей воды приходится на промышленное и коммунальное водоснабжение, и здесь уже ощущается недостаток воды.

Выиграет от переброски и Аральское море: есть варианты, что в него можно было бы подать минерализованную воду, отводимую с орошаемых полей.

— Сплошные выгоды. Тем не менее проект переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию (как, впрочем, и рек европейского севера страны в Волгу и Днепр) подвергается довольно резкой критике. Ставятся под сомнение не только его инженерные решения, но и экономическая целесообразность.

— Мы знакомы с этими точками зрения и считаем их необоснованными.

В течение 15 лет около 150 научно-исследовательских и проектных организаций страны (среди них 23 НИИ Академии наук) вели исследования и проектные проработки, на базе которых «Союзгипроводхоз» разработал технико-экономическое обоснование (ТЭО) переброски части стока сибирских рек в Среднеазиатский регион. Технический проект еще не разрабатывался, но, согласно ТЭО, обская вода будет забираться в районе Белогорья (ниже устья Иртыша) и подаваться по трассе до Тобольска, где предусматривается гидроузел. Отсюда и начнется главный канал. Если говорить о параметрах, то по протяженности и расходу воды он примерно вдвое превышает Каракумский канал, по высоте перекачки воды уступает каскаду Каршинских насосных станций. Коротко: в техническом плане решение этой проблемы вполне в наших возможностях. В экологическом отношении водозабор первой очереди, как показывают научные исследования, вопреки утверждению наших оппонентов, не нанесет ущерба ни Оби, ни хозяйству тюменского севера, тем более климатическим процессам, ведь 25 кубокилометров составляют всего шесть процентов от среднегодового стока этой могучей реки. Ниже Ханты-Мансийска такой водозабор не вредит ни речному флоту, ни рыбному хозяйству, а строителям, нефте- и газодобытчикам избыток воды только осложняет работу.

Не превышают приемлемых размеров и потери воды в канале из-за испарений и фильтрации. Ока-

жется в норме и ее солевой состав в конце магистрального канала. Все эти выводы обосновываются исследовательскими работами. Расчеты показывают, что канал окупится в течение 8—10 лет.

— Однако не меньшего экономического эффекта, как утверждают, можно добиться более рациональным использованием уже имеющейся воды, которой много теряется из-за несовершенства оросительных систем, из-за неоправданного переполива плантации.

— Разговоры о переполиве — не больше чем заблуждение людей, далеких от орошаемого земледелия. Растениям избыток влаги так же вреден, как и ее недостаток. Это знает любой агроном, любой дехканин, и на умышленное снижение урожая они не пойдут. Да и мы не дадим. Наше ведомство выдает специальные разрешения на право водопользования. Каждому колхозу, совхозу, промышленному предприятию, области, республике устанавливаются лимиты на забор воды. При этом мы исходим из их действительных нужд: какие культуры они выращивают, на какой площади, какие это земли, каков период вегетации растений и так далее.

Вопрос о потерях воды в оросительных системах на фильтрацию, испарение требует уточнений. Сейчас никто в мире — это признано и зарубежными специалистами — не строит ирригационных систем, которые могли бы сравниться с нашими по техническому уровню. В современных системах коэффициент использования воды достигает 0,82—0,85, что является очень высоким показателем. В то же время в Средней Азии эксплуатируются и древние оросительные системы, построенные до революции и в первые годы Советской власти, когда не было ни возможности да и нужды создавать экономичные в отношении использования воды сооружения.

Конечно, эти системы необходимо реконструировать, и такие работы планомерно ведутся. Ускорить процесс, к сожалению, сложно. Во-первых, нужны огромные материальные и финансовые ресурсы, которых требует такая реконструкция. Во-вторых, из оборота необходимо изымать большие площади орошаемых высокоурожайных земель, продукция которых крайне необходима нашему хозяйству. В-третьих, экономия воды, достигнутая таким дорогим способом, окажется не такой уж значительной. Сибирская вода и обойдется дешевле и даст прирост площадей.

Между прочим, аналогичные причины тормозят перевод на оборотное водоснабжение наших старых, построенных 40—50 лет назад промышленных предприятий. Их инженерные сети строились, когда проблема пресной воды просто не существовала. Теперь требуется на той же площади размещать громоздкую систему замкнутого водоснабжения с дорогостоящими очистными сооружениями. Для этого необходимо реконструировать предприятия, иногда приостанавливать их работу, терять нужную продукцию...

— Я хотел бы вернуться к вопросу о плате за воду в сельском хозяйстве. Возможно, эта мера как раз будет стимулировать более экономное ее расходование, рациональное использование орошаемых земель. Заставит выбирать для производства экономически выгодные культуры?

— Рассмотрим сначала проблему «выгодные» и «невыгодные» культуры в орошаемом земледелии с учетом расхода только водных ресурсов на их производство. При одинаковом поливе один гектар люцерны дает продукции на 300—350 рублей, а виноградника — на 4000 рублей. Хлопчатнику нужно воды в полтора-два раза больше, а продукция гектара будет стоить 2000—2100 рублей. На гектар риса потребуются воды в три-четыре раза больше, а стоимость урожая будет 1300—1500 рублей. Конечно, на возделывание всех названных культур нужно затратить еще и человеческий труд, другие ресурсы. Но разговор у нас о воде, и, помня о ее дефиците, нетрудно прикинуть, какая культура наиболее выгодна. Только такой подход не будет правильным. Нам нужно исходить из того, что нужно стране, то есть орошаемое земледелие должно обеспечивать гарантированное производство самой разнообразной сельскохозяйственной продукции: как продуктов питания для населения, так и сырья для промышленности.

Но это только одна сторона дела. Другая же заключается в том, что в основу расчетов о стоимости продукции поливного гектара мы положили существующие ныне закупочные цены. Они же, как показывает практика, устарели и не соответствуют издержкам производства.

В докладе товарища Л. И. Брежнева на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС этого года говорилось: «Подъем эффективности сельского хозяйства невозможен без устойчивых экономических условий для подлинного, не формального хозрасчета. Сейчас, к сожалению, такие условия имеются далеко не везде. Многие колхозы и совхозы убыточны. С убытками для них реализуются мясо, молоко и другие виды животноводческой продукции. Причины такой ситуации разные. Но следствие одно — цена, прибыль, кредит утрачивают роль экономических рычагов, не стимулируют рост производства.

Чтобы улучшить, оздоровить экономическую обстановку на селе, Политбюро ЦК КПСС считает необходимым осуществить ряд мероприятий. По своим масштабам, глубине воздействия на все без исключения колхозы и совхозы они представляют собой в совокупности крупнейшую хозяйственно-политическую акцию.

С 1 января 1983 года повышаются закупочные цены на крупный рогатый скот, свиней, овец, молоко, зерно, сахарную свеклу, картофель, овощи и некоторые другие продукты».

Если бы в нынешних условиях мы ввели плату за воду, выросла бы себестоимость сельхозпродуктов и разница между ней и закупочными ценами. Это, в свою очередь, увеличило бы число убыточных хозяйств, их задолженность государству. Да и технически это организовать сложно: надо не только оборудовать все водозаборы, водовыпуски и каналы водомерами, но и организовать автоматизированный учет расходов воды или содержать огромную армию контролеров по всей стране. Кстати, в свое время в некоторых союзных республиках в качестве эксперимента предпринимались попытки ввести плату за воду. Такой опыт не оправдался, и от него пришлось отказаться.

— В нашей пространной беседе мы, кажется, коснулись всех «болевых точек» водной проблемы. Складывается впечатление, что никаких проблем нет, все в порядке, не о чем беспокоиться...

— Нам кажется, что итог нашего интервью следует сформулировать иначе: Минводхоз высказал свою точку зрения по злободневным вопросам водопользования, которые не всегда имеют правильное объяснение. Что же касается проблем, то они, безусловно, есть и стоят довольно остро. Главные из них: местные и ведомственные интересы при использовании водных ресурсов, при разработке мер по защите от загрязнения ставятся порой выше общегосударственных, чем наносится значительный ущерб народному хозяйству.

В прошлом году наши органы наложили более 20 тысяч штрафов за допущенное загрязнение водных бассейнов. К сожалению, подобные санкции не всегда приносят желаемый результат.

Вот уже десять лет мы безуспешно доказываем Минэнерго необходимость ускоренного строительства перемычки для водозабора Марыйской ГРЭС. Пока ее нет, приходится держать высокий горизонт воды в Каракумском канале, из-за чего в невегетационный период теряется огромное количество драгоценной влаги, столь необходимой полям Туркмении.

Или взять город Омск. Расположенный на могучем Иртыше, он тем не менее мучается от неутоленной жажды. Водозаборное устройство, питающее город, нужно реконструировать и заглублять. Местные власти говорят: нет средств. Из-за этого приходится сбрасывать воду из Бухтарминского водохранилища, чтобы Иртыш у Омска держался на нужном уровне.

Сегодня мы говорили о том, сколько воды уходит на производство одной тонны той или иной промышленной продукции. Но это были усредненные цифры. А сплошь и рядом предприятия одного профиля, на одинаковом оборудовании, при одной технологии, вырабатывая одну и ту же продукцию, расходуют разное количество воды. Причем перерасход бывает многократным. Это безобразие.

До сих пор, несмотря на водный дефицит, ряд ведомств стремится проектировать и строить заводы без оборотного водоснабжения, не выполняются планы строительства очистных сооружений, медленно внедряются малоотходные и безотходные технологические процессы.

К сожалению, таких примеров немало, с этим нужно бороться сообща.

Вода — тот природный ресурс, ценность которого год от года будет все больше возрастать. Беречь и охранять ее мы должны не только в интересах собственного благосостояния, но и во имя блага грядущих поколений.

Рисунки Олега ВУКОЛОВА

КЛУБ
«МУЗЫКА
С ТОБОЙ»

ПОЮ ТЕБЕ, МОЯ СТРАНА

Людмила ЗЫКИНА,
народная артистка СССР,
лауреат Ленинской премии

Певица
отвечает
на письма
читателей
«Смены»

Фото Анатолия ШАБАНОВА

Я не открою, наверное, никакого секрета, если сразу скажу, что вся моя жизнь связана с песней. Путь к ней был для меня отнюдь не из легких. Разочарования, просчеты и временные заблуждения — каких только препятствий не пришлось преодолевать! Но сейчас я думаю, что все это естественно и закономерно: в искусстве вообще трудно найти свою тему, но еще труднее сказать о том, что тебя глубоко волнует, своим, только тебе присущим языком. Удалось мне это за долгие уже годы работы в искусстве или не удалось — судить, конечно, не мне, а моим слушателям.

...Когда я, возвращаясь из гастрольных поездок домой, сажусь за письменный стол и вскрываю почтовые конверты, всегда обращаю внимание, как много среди моих корреспондентов молодежи — рабочих, воинов Советской Армии, студентов, учащихся профтехучилищ. Их интересуют не только какие-то определенные этапы моей личной жизни, но и мое отношение к русской песне, и то, как я пришла к ней, и мое мнение о музыкальном искусстве за рубежом. На все письма, разумеется, я не в состоянии ответить. Вот почему, когда редакция «Смены» предложила мне выступить на своих страницах, я с удовольствием согласилась — ведь это возможность не только ответить моим многочисленным корреспондентам, но и поговорить о дорогом для меня песенном искусстве. Мне часто задают вопрос, какая из исполняемых мною песен самая любимая. Отвечаю всегда однозначно: «Нелюбимых не пою». Ведь песня — это друг. А с другом шагаешь по жизни, делишься тем сокровенным, что тревожит душу. Песня может заставить размышлять о пережитом, а иногда — задуматься о будущем. Она способна перенести человека в родной край, в отчий дом, в мир тех чувств и эмоций, которые быть может, долгое время были спрятаны глубоко в сердце. И я всегда бываю счастлива, когда вижу и чувствую, что песни, которые я пою, находят живой отклик.

Вспоминается одна из встреч на белорусской земле. Концерт уже закончился, я отдыхала в гримерной, когда дверь открылась и какой-то пожилой человек попросил разрешения войти. Представился: «Участник партизанского движения в Белоруссии Владимир Иосифович Прима». Немного помолчав, он сказал: «Спасибо вам за песни, в них много доброго, правдивого. Когда вы пели, я вспомнил будни в партизанском отряде. Как мы слушали по радио песни из Москвы! Усталость словно рукой снимало, и мы рвались в бой. Не может человек без песни, она нужна ему, как сама жизнь...»

Сказаны эти слова простым, неискушенным в искусстве человеком, но лучше, чем он, по-моему, и не скажешь о русской песне. Да, она наше бесценное достояние. Такое же, как поэзия Пушкина, живопись Рублева, музыка Глинки. В русском фольклоре — характер и думы народа. Все наиболее значительные вехи отечественной истории нашли отражение в народной песне. Она сопровождала жизнь наших предков, освящая важнейшие события, «мирские и дружинные»: свадьбы, родины, именины, братчины, ссыпчины. Песню на Руси не иначе как «играли» или «сказывали». Меня народная песня поражает удивительно богатой гаммой переживаний. Тут и печаль, и задор, и веселье, и радость... О достоинствах ее говорится часто, и я невольно задумываюсь: а не впадаем ли мы при этом в самовосхваление, не проповедуем ли идеи исключительности русского национального фольклора? Ведь ярких песен немало и в фольклоре других стран и народов — я убедилась в этом за время своих поездок. И все-таки история нашего русского песенного творчества дает убедительные доказательства особой его привлекательности и значимости. И о качестве песен их безымянные мастера позаботились основательно. Каждая нотка, каждое слово веками огранены, просеяны. Может, именно поэтому и живут они так долго, не старея и не тускнея от времени... Об этом подробнее я скажу чуть ниже, а сейчас хочу вернуться к одному из наиболее часто встречающихся вопросов моей молодежной почты: как я пришла в песню, с чего все началось?

Родилась я на самой окраине Москвы. Очень хорошо помню свое детство. И домик перед глазами стоит и картины природы. Выйдешь на крыльцо, и прямо перед тобой — речка, овраг, родниковый ключ, бьющий из-под земли день и ночь. Вода в нем была студеной и до того прозрачной, что казалось, словно ее и нет вовсе. Такой ключ встретишь сейчас разве что в деревне. Тогдашняя жизнь нашей семьи по укладу и напоминала деревенскую, дыхание гигантского города с его сутолокой и шумом почти не касалось нас.

Очень я любила нашу речку. Река для меня и до сих пор символ доброты, умиротворенности, какой-то особой красоты. Если я на реке, значит, все хорошо: и настроение прекрасное и работа спорится...

Зимой любила кататься с крутых склонов оврага на плетеных санках, которые мастерили нам, малышам, старшие ребята. Гоняла и на самодельных лыжах (лыжами служили две доски от старой бочки). Как-то пристала к отцу, чтобы купил настоящие, а он говорит: «Научись на ногах держаться крепко, тогда и куплю». Слово свое отец сдержал. Убедив-

шись, что мне и крутояр не страшен, подарил новенькие, из карельской березы лыжи.

Спустя годы, в беседе с Юрой Гагариным, я услышала от него: «Высоты не надо бояться, равное место куда опаснее...» И жизнь показала — в словах первого космонавта много истины.

Мне всегда очень хотелось быть смелой. Сейчас, конечно, вспоминаю об этом с улыбкой, но признаюсь, что росла я среди озорников и, бывало, даже подрались с мальчишкой не стыдилась. Тогда мы все, девчонки и мальчишки, проходили через одну «уличную школу», нередко принимая за смелость обыкновенное ухарство. Но, постепенно взрослея, все-таки учились и обуздывать свои порывы. Особенно если появлялось какое-то дело или занятие, которое по душе. Да и родители наши — отец мой работал на хлебозаводе, а мама — нянечкой в больнице — учили не чураться никакого труда, делали все, чтобы мы с младых лет познали цену куску хлеба...

Я училась в четвертом классе, когда состоялось мое первое «публичное» выступление. В Доме пионеров ставился спектакль, в котором должен был звучать старинный романс «Белой акации гроздь душистые». Петь оказалось некому, попросили меня, дескать, «у Зыкиных все поют». Попробовала — получилось...

Вместе с отцом часто ездила к нему на родину — в Лопатино. Сколько прекрасных народных песен услышала я впервые именно в этой рязанской деревне! Однажды попала на свадьбу. Помню, женщины запекали в огромный каравай курицу, а потом под курник пели старинные обрядовые песни. И самой довелось участвовать в свадебном действе: вместе с другими деревенскими мальчишками и девчонками бежала по улице за молодыми, поднимая босыми ногами облака пыли и выкрикивая задиристые частушки. Потом, забравшись в избе на печку, сыпала на голову жениху и невесте пригоршнями просо, подпевая: «А мы просо сеяли, сеяли». И когда в Хоре имени Пятницкого ставилась «деревенская свадьба», мне не понадобилось долго «выходить в образ» — передо мной так и оживали рязанские дали...

Из интереса не только к пению, но и к музыке вообще я рано выучилась играть на гармошке и на гитаре. И все-таки мечтала стать не певицей и не музыкантом, а летчицей.

Я буквально грезила небом и обожала копаться в моторах. Поступила в аэроклуб, прыгала с парашютной вышки, с аэростата. Марина Попович, наша замечательная летчица, с которой я дружу уже много лет, и сейчас при встрече с улыбкой говорит: «А зря не стала пилотом, Люда. Может, попробуешь на спортивном, а?» Что я могу ответить? Время-то

упущено ведь, а тогда наверняка получилось бы — я росла упорной девочкой. Играла и в футбол, и в волейбол, и в городки, часами с велосипеда не слезала, даже в мотогонках участвовала.

Через много лет мне выпадет счастье встречаться и дружить с Юрием Гагариным, Владиславом Волковым, Валентиной Терешковой, Виталием Севастьяновым, Георгием Мосоловым... Они и сегодня для меня воплощение той несбывшейся детской мечты о небе.

...Помню хорошо, как началась война. Отец в первые же дни ушел на фронт. Мама по-прежнему работала в больнице санитаркой. Надо было куда-то устраиваться работать и мне. Пошла на станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе ученицей токаря. В заявлении прибавила себе два года — иначе бы не взяли. Да и что могла я уметь в свои двенадцать лет? Ничего. Но обстановка была такая, что вместе с такими же, как я, подростками работала по 9—10 часов в сутки, а ночью, когда усталость валила с ног и смертельно хотелось спать, дежурила на крышах домов, тушила и сбрасывала с них вражеские зажигалки.

Осваивать профессию токаря мне помог Коля Чекирев. Тогда он был простым рабочим, а сейчас директор завода, лауреат Государственной премии СССР. Его наставления, советы и помощь не пропали даром — через несколько месяцев я уже самостоятельно могла обслуживать два станка одновременно. «Быть тебе, дочка, инженером», — сказал мне мастер, когда я получила пятый разряд и обучила токарному делу пятерых мальчишек. Сама я в то время как раз заканчивала школу рабочей молодежи.

В 1943 году отец после ранения приехал в Москву. Посмотрел на мои ввалившиеся щеки, подглазники и решил перевести на хлебозавод, где когда-то работал сам. Только я там не вытерпела и месяца — сбежала: не по мне специальность оказалась. От знакомых девочек узнала, что требуются швеи в пошивочную мастерскую. Иголку в руках мама меня научила держать довольно прилично, ну и пошла. Шили мы солдатское белье, воротнички для гимнастеров. Бригада наша ходила в передовых, и когда нам вручали грамоты ЦК комсомола, я, услышав свою фамилию, растерялась. Кто-то подтолкнул: «Чего ж стоишь? Ведь тебя ждут...» До окончания войны так и работала в мастерской.

Конечно, не одной работой мы жили. Вечерами вместе с девчатами часто ходили в совхозный черемушкинский клуб — маленький, невзрачный, с низким потолком. Сколько мы в нем дали концертов, поставили спектаклей! Даже показ мод устраивали. Конечно, тогда у меня и в мыслях не было, что вскоре я буду петь в хоре Пятницкого. А получилось это вот как.

Как-то иду по площади Маяковского и вижу объявление: «Конкурс в Хор русской народной песни имени Пятницкого». Ну, думаю, была не была, попробую.

— Какие же ты песни знаешь, Зыкина? — спросили у меня на просмотре.

— Много. Все, — отвечала я. Владимир Григорьевич Захаров, композитор, чьи песни пела вся страна, улыбнулся. Рассмеялись и члены комиссии. Спела я несколько песен в разной тональности, а через два часа огласили список принятых в хор. Я ушам своим не поверила, когда произнесли мою фамилию. Пошла выяснять, уж не ошибка ли. Оказалось — нет, не ошибка. Так решилась моя судьба.

Годы, проведенные в хоре Пятницкого, и самые дорогие и самые важные в моей творческой судьбе.

Отношение Захарова ко мне было по-отечески теплым, трогательным. В 1949 году меня постигло большое горе — умерла мама. В эти страшные дни я потеряла голос. Более трех месяцев Захаров не хотел верить, что голоса нет, звал на помощь врачей, поддерживал, как мог. Но время шло, а голос не возвращался. Я не выдержала, подала заявление об уходе. Устроилась в типографию брошюровщицей. Окунулась в энергичный ритм работы нового коллектива, и дела у меня пошли. Вот уж поистине говорят: «Время — лучший лекарь». Спустя долгие дни, недели я что-то запела и вдруг поразилась: голос вернулся! Я захлебнулась от счастья: пою! Взяла повыше, сильнее — звучит! Тогда, не задумываясь, я и побежала снова в хор. Ему отдано тринадцать лет жизни. Тринадцать лет прекрасной школы познания русской народной песни и секретов ее исполнения.

Кстати, хочу посоветовать тем юношам и девушкам, кто ощущает тягу к песне: не торопитесь в солисты. Если у вас есть голос, слух, учитесь петь в народных любительских хорах, развивайте свой вкус, старайтесь проникнуть в самую глубину народной песни — и тогда путь в профессиональное искусство вам будет открыт. Только в хоре можно пройти настоящую певческую школу, развить дикцию, научиться правильно дышать, поставить голос. И самое главное — не стремитесь кому-то подражать: копия всегда останется копией. Вот некоторые девушки мне пишут: «Меня называют Зыкиной...» Но, дорогие вы мои, это-то как раз и плохо. Надо, обязательно надо иметь свою манеру исполнения, свой стиль.

Когда-то в хоре Пятницкого пели сестры Клоднины.

Я была младше их, только начинала делать первые шаги на сцене. И потому пела их репертуар, стараясь прилежно воспроизвести интонационный рисунок каждой песни, характерный для Клодниных. Вскоре почувствовала: копирование не приносит мне ни радости, ни творческого удовлетворения. Песни у меня вызвали совсем иные ассоциации и, значит, требовали иных музыкальных красок. Так подспудно я пришла к уверенности в том, что важно иметь «свой» голос.

Конечно, петь на профессиональной сцене очень трудно. Петь хорошо — еще сложнее. Двадцать, а то и более песен в одном концерте — это огромная нервная нагрузка, нелегкий физический труд. И. С. Турганев даже сравнивал работу певца с тяжелой крестьянской работой. Однажды после моего сольного концерта за кулисы зашли космонавты. «Ну и перегрузочки у тебя, Люда. Под стать космическим», — удивился Юрий Гагарин, взглянув на мое уставшее лицо. И действительно, после многого концерта чувствуешь себя то ли больной, то ли опустошенной и только через два-три часа приходишь в себя.

Именно работа в хоре научила меня постигать сущность песни умом и сердцем. Счастливая судьба свела здесь с профессором Московской консерватории Анной Васильевной Рудневой, известной собирательницей фольклора, выдающимся знатоком народной песни. Я не знаю, кто еще у нас в стране так хорошо знает культуру разных народов, всевозможные стили и манеры исполнения русской песни, как Анна Васильевна. У нее я научилась петь без сопровождения, улучшила чистоту звучания голоса. Под ее влиянием формировался и мой музыкальный вкус.

Кропотливая, подчас изнурительная работа не пропала даром — за годы, проведенные в хоре, я пять раз становилась лауреатом различных фестивалей и конкурсов, в том числе и московского Всемирного фестиваля молодежи и студентов. В 1960 году был объявлен Всероссийский конкурс артистов эстрады. После некоторых раздумий — а так хотелось быть первой — решила в нем участвовать. Думала: выйдет — хорошо, нет — брошу петь. От музыкального сопровождения отказалась, песни наметила такие: «Сронила колечко», «Ты подуй, подуй, ветер низовой», «Утушка луговая». Старалась петь так, будто и нет никакого конкурса. И вот удача. Исполнилась моя мечта стать солисткой. Никто не видел, как я плакала от счастья, буквально на крыльях летела домой, чтобы показать близким заветный диплом лауреата. Члены жюри И. П. Янзлем, М. П. Максакова, Л. А. Русланова добрыми словами напутствовали в самостоятельную артистическую жизнь. Так я стала солисткой и получила приглашение из Москонцерта.

Признаюсь, поначалу зрители встретили меня с прохладцей. На эстраде тогда царил частушка. Имена Марии Мордасовой, Клавдии Коток, Екатерины Семенкиной не сходили с афиш. А я частушек петь не умела, мне этого было не дано. Решила попробовать петь русские народные песни.

Но поначалу занялась самообразованием: засиживалась в библиотеке, узнавая многое из истории песни, фольклора. Очень упорно работала и над голосом. Чтобы не докучать соседям, которые утром и вечером слышали через стенку в «коммуналке» мои упражнения, уезжала из города куда-нибудь подальше — в лес, на реку, там легче слушиваться в свой голос, находить те краски, которые согревают сердце.

В 1964 году я поступила в музыкальное училище имени Ипполитова-Иванова. И опять судьба свела меня с замечательным педагогом по вокалу Е. К. Гедвановой. Елена Константиновна бережно — другого слова я просто не могу подобрать — работала со мной над дикцией, постановкой голоса, чтобы он не «шатался», не вибрировал, чтобы сохранялся тембр и не форсировался звук. Приходилось тяжело — слишком много надо было разучивать упражнений. Училась постигать и поэтическое богатство музыки, сложность симфонических произведений. В этом мне помогала много лет проработавшая в училище Розалия Яковлевна Подгорная. Из-за частых гастрольных поездок систематической учебы не получалось. Но когда выпадали свободные дни, я приходила к ней в девять утра и уходила в час ночи — Подгорная не жалела ни времени, ни сил, отдавая все, чем сама владела. Она научила пониманию богатой эпки Бородина, сказочности Римского-Корсакова, дерзновенного порыва Бетховена, одухотворенной полетности Скрябина... Я пела Ратмира из «Руслана и Людмилы», арию Вани из «Ивана Сусанина», Любашу... Тогда зародилась и любовь к произведениям, написанным на народной основе. Из интереса к прослушиванию музыки начала собирать фонотеку, в которой сейчас уже тысячи записей.

В те годы я поистине не знала, где день, где ночь. Но тяжелые будни учебы только сделали меня еще придирчивей к себе. Теперь я старалась уже формировать репертуар тщательно и на «свое ухо», как говорил Шаляпин. Передо мной стоял вопрос: как завоевать зрителя, как приучить его к «моей» песне? Стала постепенно переходить от русских народных песен, с которых начинала, и к песням советских

композиторов. Это был процесс довольно мучительный. Теперь даже неловко вспомнить некоторые пусть даже и популярные «произведения» тех лет, которые исполняла. Слезливые, с надрывом, слащавые песенки на какой-то период выдвинулись в моем репертуаре чуть ли не на первый план. После одного из концертов Ирма Петровна Янзлем вынесла суровый приговор, сказав всего два слова: «Очень плохо». Я обиделась, но вскоре поняла, что она права. Мой дебют на эстраде прошел на далеко не лучшим вокальном репертуаре, требовавшем значительной поправки на время. Сейчас даже очень настоячивые просьбы исполнить в концерте «Лешенку», «Очи карие — опасные», «На побывку едет» я не выполняю.

В общем, чтобы найти свои песни, мне потребовались годы. А сложилась я как певица, думаю, к тому времени, когда представила слушателям самые значительные, на мой взгляд, работы — это «Калина во ржи» А. Билаша, «Солдатская вдова» М. Фрадкина и «Рязанские мадонны» А. Долуханяна.

Это песни о русских женщинах, в чьих судьбах отразилась судьба Родины. Русская женщина вообще никогда не была для меня отвлеченным образом: это бабушка моя и мама, их сверстницы и подруги, вынесшие на своих плечах всю тяжесть сельской военной страды. Их дорогие лица вижу я перед собой всякий раз, когда готовлю новую программу. Вижу зримо последнее лето войны, в нашем совхозе убирают урожай, работают с утра дотемна под раскаленным солнцем, а поздними вечерами собираются и поют. И откуда только сил доставало на песни? Как-то на одном из концертов в небольшом сельском клубе Ярославской области я вдруг заметила в зале женщину, очень напомнившую мне близкую подругу матери, черемушкинскую дюрку. Это был счастливый для меня вечер — хоть в зале и было много народа, я пела ей одной.

Судьба русской женщины — это судьба народная. Вот из понимания этой истины зародилась во мне идея показать через песню путь испытаний и побед, выпавший на долю русской женщины. Композиция так и называлась «Тебе, женщина». В нее вошли и плачи, и старинные песни, и песни времен гражданской войны... Звучали суровая песня «Вставай, страна огромная» и более мягкая «На позицию девушка». В этой программе зажили новой жизнью «Рязанские мадонны». Кульминацией женской скорби и страдания, вызванных войной, стало «Ариозо матери» А. Новикова. Венчала композицию песня мощного звучания «Лишь ты могла, моя Россия».

В 1967 году мой творческий стаж составил уже без малого двадцать лет. За это время, работая в Хоре имени Пятницкого и на эстраде, я исполнила около семисот народных и советских песен, вышло в свет свыше пяти миллионов пластинок с записями. И все-таки я продолжала учиться. Прежде всего на опыте наших корифеев. Непревзойденные образцы певческого искусства оставили нам Федор Иванович Шаляпин и Сергей Яковлевич Лемешев. Хотя Шаляпин прославил свое имя прежде всего блестящим исполнением оперных партий, все же у истоков его творчества была народная песня. Из нее, как из чистейшего родника, он постоянно черпал силы. Для меня, как певицы, Шаляпин остается в народном пении недостижимым идеалом.

Не могу не сказать добрых слов о Лидии Андреевне Руслановой. Счастлива, что работала с ней. Память ее на песни — старинные плачи, причеты, страдания — была неисчерпаема. Из своего сердца она могла извлечь любой напев, любую мелодию — она знала их еще с тех лет, как «пробовала голос» в родной деревне Саратовской губернии. Она слышала такие хоры, такое многоголосье, которые сохранились теперь только на валиках фонографа в фольклорных фонотеках. Но Русланова не была бы Руслановой, выдающейся певицей, если бы просто хранила свои богатства. Ведь она вдохнула в них новую жизнь. «Девочка, — как-то сказала она мне, — ты спела «Степь», а ямщик у тебя не замерз. Пой так, чтобы от твоего пения у зрителей мурашки по коже побежали... Ты должна проникнуться этим горем, твое воображение должно рисовать тяжелую картину гибели ямщика... Иначе не стоит выходить на сцену».

За годы общения с Руслановой я поняла и другую истину: нельзя воспевать своих героев, не любя их. Мне знакомы и дороги люди сегодняшней деревни, близки и понятны их заботы и радости, дорога распахнутость их сердец, доброта без оглядки, готовность отдать последнее тому, кто больше нуждается. По сути, для них я и живу и пою.

Еще очень я люблю выступать перед воинами нашей армии и флота. В дни войны раненые в госпиталях были самыми первыми моими слушателями. Спустя годы я побывала почти во всех военных округах, на всех флотах. Удивительно это отзывчивая и благодарная аудитория...

Вспоминаю одну дальнюю поездку. Стояла невероятная стужа. Я простудилась, но все-таки выступила во всех запланированных концертах и уже собиралась лететь домой. Но тут в номере раздался звонок:

Геннадий КОВАЛЕНКО

НЕВЫДУМАННЫЙ РАССКАЗ

Рисунок Виктора ОРЛОВСКОГО

Мы шли с ним по знаменитой Унтер ден Линден. Был март. Сыпал небольшой снежок при полном безветрии. По обеим сторонам улицы, как по линейке, стояли новые дома. На город спускался вечер. Улица стала оживленной, суетливой. Заметно прибавилось машин.

По Унтер ден Линден победно шагала двадцатый век. От других веков здесь почти ничего не осталось.

— Вы, конечно, обратили внимание, что Берлин отстроен почти заново? — сказал мой спутник. — И все же на каждом шагу здесь что-то напоминает о войне. Все началось отсюда.

Моему спутнику за пятьдесят, он худощав и подтянут. Довольно хорошо говорит по-русски, хотя акцент заметный. Он идет рядом со мной, подняв воротник пальто и глубоко засунув руки в карманы. Снежинки плавно опускаются на его непокрытую голову и тают в русых волосах. Видимо, он о чем-то думает и никак не может подступить к разговору. Выражение его лица часто меняется — следствие настроения и нахлынувших воспоминаний. Зовут моего спутника Фриц Ешке. Он продолжает раскованно, но я отчетливо слышу скрытое напряжение в его голосе:

— Скучный город, скажет француз, побывав в Берлине. Да, он прав. Мы любим пунктуальность и размеренность. Одним словом, порядок. Эти устои или, если угодно, привычки складывались веками. Оттого и кажемся мы скучными.

Я попытался возразить Фрицу Ешке, но он прервал меня:

— Нет, нет! Это так. И Гитлер требовал «нового порядка» для Европы. Да только ли для нее? Для всего мира!.. Он просто дурачил нацию. Как же — сверхчеловеки, нордический характер, властелины вселенной! А посели немца в Париже — и он будет жить его ритмами. Мало ли немцев живет у вас? Вот я, например, прожил на Урале восемь лет. И чувствовал себя прекрасно... Вы не улыбайтесь, я знаю, о чем говорю. Зима там, конечно, не чета нашей, берлинской.

Он как бы презрительно посмотрел вверх, на мокрые снежинки, тихо падающие из облаков.

— Помню, как начинается пурга. Сначала с гор подул ветер. Под ногами еще крепкий, утрамбованный снег, но по нему уже метет белый порошок. Это называлось поземка. Потом ветер усиливался, и поземка поднималась до колен. Чем дальше в лес, тем больше дров — так у вас говорят. И начинается! Ветер врывается в легкие и, кажется, бушует там. Он наполняет снегом все пространство, весь мир. Это какой-то снежный пожар, то и дело обжигаящий лицо. А ваши люди, как обычно, шли работать, все больше старики, женщины, подростки... И мы, военнопленные, вместе с ними.

— А где вы работали?

— На заводе. Сначала слесарем, потом сварщиком. Так что приобрел в России две специальности! — Он коротко усмехнулся. — Но самое главное, чему меня научил мастер Семен Петрович, это делиться последним куском хлеба. Поверьте, для немца, особенно такого, каким был я, это почти подвиг.

Он немного помолчал.

— И там, на Урале, я полюбил девушку, Женя ее звали. С первого взгляда! «О, как скороспело, быстро», — подумаете вы, наверно. Но я не намерен оправдываться, тем более защищать себя: любовь не нуждается ни в каком оправдании. Никто никогда не может здесь предсказать что-либо. Как объяснить, скажем, что именно это дерево, именно в этот год и в эту секунду поразила именно эта, а не та молния? А с любовью еще сложнее... Все было против нашей любви. И ее товарищи и особенно мать. Дело в том, что брат моей девушки был летчиком и погиб в начале войны. А я тоже ведь был летчиком. Мать так и говорила дочери: «Бесстыжая ты! Может, именно он и убил твоего брата...»

Несмотря ни на что, мы продолжали встречаться — в той мере, в какой это удавалось мне, военнопленному. А помогал мне Семен Петрович: он все понимал, этот мудрый старик. Оставлял для меня у станка гражданскую одежду. Я переодевался и шел к Жене... Одно скажу вам: эта любовь помогла мне по-новому увидеть мир.

Впрочем, я увлекся, — вдруг оборвал он свой рассказ. — Там, за углом, есть хорошая пивная. Давайте-ка продолжим наш вечер воспоминаний там...

Действительно, пивная оказалась довольно приличной. Отполированные столики, кружки на картонных кружочках, бесшумно скользящие официан-

ты — все это располагало к неторопливой, долгой беседе. Фриц Ешке заказал пиво, а я приготовился слушать.

— Так вот... — начал он. — До войны я был унтер-офицером люфтваффе. Я имею в виду до нападения на Советский Союз. Мне едва исполнилось девятнадцать, когда я добровольно вступил в военно-воздушные силы рейха. Тогда мне казалось, что в качестве солдата я наилучшим образом смогу быть полезным отечеству. Помню, как боялся вырезать аппендикс, — это было непременно условие для тех, кто мечтал стать летчиком, асом... После учебы попал в воздушную эскадру, которая должна была бомбить Англию. Направили нас в оккупированную Бельгию — там находился аэродром. Погода в тех краях неустойчивая, над побережьем часто поднимается туман, все небо затягивается тучами. И летать приходилось почти вслепую. А тут еще английские истребители не давали жить, сплошные заслоны создавали.

Потерь хватало. С командиром мне повезло: еще в первую мировую войну летал штурманом. Когда мы с ним впервые отбомбились, он и говорит мне: «Полей-ка, Фриц, минут пятнадцать. Пусть сначала другие прорвутся, а потом и мы проскочим». Так я и сделал. И командир оказался прав: вдогонку нам лишь две-три зенитки рывкнули — и все обошлось. Так мы поступали все шестьдесят девять вылетов, и в конце концов я получил серебряную нашивку на мундир. А это большая награда для пилота.

Потом я летал на самолете-разведчике «фокке-вульф». Ну, вы знаете: знаменитая «рама», если смотреть снизу. Вот тогда-то и улыбнулась мне удача! Завезавший английский летчик поставил свой истребитель как раз под мои пулеметы. Я нажал гашетку, и англичанин рухнул в море. Так на моем мундире оказался новенький железный крест. Если бы я работал летчиком-истребителем, пришлось бы сбивать десять самолетов за этот крест. А так мне хватило и одного.

В родном Веймаре, куда я приехал в отпуск, меня затаскали по собраниям гитлерюгенда. Там приходилось выступать в роли «героя битвы за Англию». Я пристрастился заходить в рестораны, где с удовольствием ловил восхищенные взгляды хороших женщин. Вы улыбаетесь?.. Мир моих предшественников в то время ограничивался кабиной пилота, залом ресторана, где я ужинал, да койкой в казарме, где спал. Вне этого для меня ничего не существовало. Я считался бывалым солдатом фюрера, искренне полагал, что мое будущее обеспечено, и, естественно, был благодарен системе, именовавшейся «тысячелетним рейхом». Иными словами, я был тем «хорошим немцем», о котором без конца болтал Геббельс...

Фриц Ешке посмотрел на часы, вздохнул и медленно отпил несколько глотков пива. Людей в заведении прибавилось, однако по-прежнему царилла благопристойная тишина. Лишь старинные часы методически отбивали время.

— Правда, однажды я публично отказался пить «Хорста Весселя», — продолжал он. — Но не потому, что это шло вразрез с моими убеждениями, а так, ради чести летного мундира... Сидел я как-то в пивной и поджидал подругу. Три соседних столика, сдвинутых вместе, занимали эсэсовцы. Они были тут давно, изрядно поднакачались и теперь, перебивая друг друга, отпускали неуместные шуточки в адрес заходивших в пивную бюргеров. Моя подружка не спешила, и я злился. «Черт знает что, — мысленно бушевал я. — Разве немецкая девушка так должна относиться к солдату фюрера?» Мне стали противны пьяные рожи «эсэсманов», их глупость и тупость. Как всякий солдат, понохавший пороха, я с презрением смотрел на них. «Посадить бы вас на «юнкерс» да забросить через Ла-Манш в Англию. Сразу бы образумились», — со злорадством подумал я. И тут один из этих молодчиков затыкнул:

Мы идем, отбивая шаг,

И Европа у нас под ногами...

А его приятели заматались по залу, требуя, чтобы все встали и начали подпевать. Остался сидеть только я. Подошел верзилка с нашивками унтер-офицера и уставился на меня своими бараньими глазами. Нет, драки не было! На мне был мундир люфтваффе, шефом которых являлся второй человек в рейхе — Герман Геринг, а боевые награды, как броня, защитили меня от нападков эсэсовцев. Я спокойно допил пиво, поднялся и посмотрел в глаза унтеру. Тот не выдержал и отвел взгляд в сторону. Больше я не стал искушать судьбу, расплатился и вышел из пивной. Однако случай этот не остался без последствий: командир эскадрильи вскоре показал мне соответствующее письмо. Я объяснил.

в чем дело. Тогда майор молча порвал его и бросил в корзину. Ведь мы, летчики, принадлежали к армейской элите, соперничали с военнослужащими СС — «элитой рейха». Соперничество шло главным образом за место под солнцем. И поэтому каждый выпад против ээсманов негласно поощрялся нашим начальством. Все мы — и летчики и ээсовцы — были пропитаны ядом нацизма, служили одному и тому же дьяволу — фашизму. Правда, мы, кто носил военную форму, искренне полагали, что выполняем солдатский долг, а какие разрушения и страдания причиняем своими бомбежками — нам было безразлично...

Свою подругу мне пришлось оставить. Однажды я сказал, что люблю ее, она же мне ответила: «Единственный человек, которого я люблю в этом мире, — это фюрер! А с тобой я потому, что ты его верный солдат». Мне стало страшно, и я махнул на девушку рукой: мало ли их в конце концов.

Вскоре началась война с вами, и я оказался на Восточном фронте. Опьянение от первых удач вскружило тогда нам всем головы. Казалось, еще немного — и все окончится полной победой... Был август сорок первого года, бои шли где-то под Смоленском, а мы вынужденно бездействовали: стояла нелетная погода, моросил мелкий дождь, на землю опустился густой туман. Летчики днями коротали время в столовой, когда из штаба поступил приказ разведать передний край частей Красной Армии. Его выполнение поручили обер-лейтенанту фон Бергману — человеку самонадеянному, заносчивому. Видимо, потому, что он был из знатной офицерской семьи. Я недолюбливал этого «фона»... Так вот, он поднялся в воздух, а вскоре вернулся и доложил: «Ввиду плохой погоды приказ выполнить нельзя». И тут я взорвался. «Нет невыполнимых приказов, господин обер-лейтенант!» — возразил я срывающимся голосом. — Вы просто трусили». В столовой воцарилось молчание. Фон Бергман вскочил, схватился за голову и выбежал вон. А я попросил у майора разрешение на вылет. Со мной вызвались еще двое добровольцев.

...Завели мы моторы и полетели в это «молоко». Шли на бреющем, над самой землей, едва не задевая верхушки деревьев. Мои коллеги хлопали меня по плечу, показывая знаками: «Поднимись, мол, повыше». Я лишь отмахивался. На колонну автомашин мы наткнулись неожиданно. Успел лишь заметить, что техника ваша, а потом подумал: «Возможно, трофейная?» Очень уж близко от наших позиций встретилась колонна. Я сделал круг, желая покачать им крыльями в знак приветствия. И только тут увидел, как люди засуетились вокруг машин, срывая чехлы с установленных на них зенитных пулеметов. Дал очередь, мне тут же ответили снизу — и здорово ответили: самолет вздрогнул и задымился. Я едва успел сообразить, что делать, и спланировал на посадку. Машина, пропахав брюхом землю, загорелась сильнее. Мы кое-как выбрались из нее, сняли пулемет... Слева в тумане послышались голоса, загремели выстрелы. Мы отбежали в сторону, однако голоса настигали нас. Тогда я приказал своим отходить, а сам залег с пулеметом, чтобы прикрыть их. То же самое должны были сделать и мои добровольцы, отойдя несколько десятков метров. Но они как в воду канули. То ли заблудились, то ли просто сбежали, скорее всего последнее. «Предатели, подонки...» — подумал я, впрочем, без всякой злобы: так уж их воспитала среда.

Очнувшись от боли: кто-то ловко заламывал мне за спину руки. Я попытался сопротивляться — бесполезно: на меня навалились двое. Плен! Кровавые большевистские застенки, пытки, затем выстрел в затылок и смерть. Сколько я об этом наслышался! Нет, нет, лучше смерть сейчас. Я стал кусаться. Тогда ваш солдат отвел мне такую оплеуху, что я опять потерял сознание.

Меня растормошили и повели куда-то. Кусаться охоты больше не было. Я никогда не думал, что конец наступит так скоро — и покорно шел навстречу своей судьбе.

Официант, заметив наши пустые кружки, мгновенно заменил их наполненными. Мы отхлебнули пива и закурили.

...Мое появление среди красноармейцев, — продолжал Ешке, — вызвало оживление и любопытство. Я был поражен, увидев, что большинство из них девушки. «Бог мой! — с горечью подумал я. — Неужели это они сбили мой самолет? Какой позор!» Тут ко мне, сильно прихрамывая, подошел старшина: я определил его чин по маленьким треугольникам в петлицах. Одна нога у него была в сапоге, а другую старшина обмотал свежим бинтом, на котором проступили пятна крови. Он стал кричать на меня и замахнулся палкой. «Ну вот, — подумал я, — начинается...» И вдруг между нами встала девушка, крикнула на старшину и оттолкнула его от меня. Видно, это я ранил его, когда был еще в самолете. «Смерть, лучше смерть!» — твердил я мысленно, пока меня вели дальше. В карманчике моих унт был спрятан бельгийский браунинг с запасной обоймой. Так полагалось. При обыске его не нашли. И я решил: «Убью нескольких русских, а последнюю пулю — себе».

Меня привели к старшему офицеру. «Ого!» — сказал он и пальцем показал на железный крест. Затем ваши посовещались и, видимо, приняли решение отправить меня к более высокому командиру. Конвоиры откозыряли и ушли, меня посадили в машину, рядом с шофером. А в кузов забралась девушка с винтовкой. И мы поехали. Сидеть было неудобно: мешали связанные руки, а все время наклонялся вперед. Ехали довольно долго, наконец остановились в лесу. Шофер и девушка о чем-то переговорили, стали доставать еду. Это были хлеб и консервы. Я отвернулся, сглатывая слюну: в столовой мне так и не пришлось победать.

Хорошо помню, что именно в этот момент я услышал гул наших самолетов. Туман стал рассеиваться, в разрывах облаков замелькали «юнкерсы». Один, второй, третий... На бомбежку шла целая эскадрилья. Как хотелось быть вместе с ними! «Эй, фриц!» — услышал я свое имя и вздрогнул. «Откуда он знает, как меня зовут?» — подумал я с удивлением. Потом уж вспомнил, что «Фриц» относится ко всем немцам, все равно, что у вас «Иван» ко всем русским. Вижу, шофер машет мне рукой. Я подошел к нему, а он растерял газету на земле подле машины, выложил на эту «скатерть» нехитрую еду. В руках у него был нож, которым он только что вскрыл консервы. Я растерянно молчал, глядя, как они едят. Тогда шофер спохватился и развязал мне руки. Я с наслаждением пошевелил онемевшими пальцами. Сел у дерева. Девушка смущенно натянула юбку на оголившиеся колени. Винтовку она прислонила к стволу березы... Хлеб и консервы были необыкновенно вкусными, может, потому, что я сильно проголодался. Шофер предложил мне папиросу, я отказался. Он закурил и о чем-то оживленно заговорил с девушкой. Момент был самый подходящий, и я незаметно потянулся к правому унту, тихо растянул «молнию», прикрытую мехом. Потом нащупал рукоятку браунинга и большим пальцем сдвинул предохранитель. Убить мне обоих ничего не стоило. И я на свободе! Я мог отсидеться в лесу, дожидаться прихода наших. Либо на машине рвануть к линии фронта. Сердце у меня лихорадочно заколотилось. «Вот сейчас, сейчас...» — твердил я, вытаскивая браунинг.

Они поздно спохватились, мои охранники, и застыли в смертельном испуге. И тут со мной произошло что-то необъяснимое, невероятное. Не мог я стрелять в этого белокурого, коренастого, такого же голубоглазого, как и я, парня, а

особенно в симпатичную девушку со смешной родинкой на щеке. Не мог, и все!.. Как же убивать людей, с которыми только что ел? Я никогда не считал себя трусом, но именно сейчас мой героизм состоял как раз в том, чтобы не выстрелить. Мгновенное колебание — и я нажал. Только не спусковой курок, а специальную кнопку, и мой замечательный браунинг рассыпался на составные части. «Вот и все, — подумал я. — Конец мечте о свободе». Девушка схватила винтовку и направила на меня ее дуло, а шофер ухватился за нож, лежавший рядом с консервной банкой. Конечно, все это русские сделали с большим опозданием. А я лишь махнул рукой и отвернулся. Мне было все равно. Да и мои охранники повели себя так, словно ничего и не произошло. Девушка отошла в сторону и стояла, опершись на свою винтовку, а шофер собирал в траве рассыпавшиеся детали браунинга. Потом сообразил, что это бессмысленное занятие, и швырнул в траву собранные части. Кивнул мне, и мы сели в машину — каждый на свое место. Руки мне не связали...

Фриц Ешке задумался. Молчал и я. Пауза затянулась. Наконец Ешке закурил и, проведя глазами кольцо дыма, заговорил все тем же снисходительно-ироническим тоном:

— Я мог бы рассказать и о том, как меня допрашивали, и о всех других мытарствах. Но это слишком долго. Могу лишь заметить, что на допросах меня вторично предали бывшие «коллеги», братья по оружию, так сказать. Ваши хотели получить от меня сведения, как сбрасывать морскую торпеду с обычного бомбардировщика. Я был удивлен настойчивостью, с которой они добивались этого, поскольку техники сбрасывания торпеды я не знал. Оказывается, из тех самых летчиков, с которыми я был взят в плен, нашелся один, сказавший, будто я этим занимался! Ну, не подлец ли?.. А у вашего командования создалось впечатление, что я упорству и не хочу выдать секрет. И с такой, вероятно, аттестацией я и был направлен в лагерь военнопленных.

Работали мы, как я уже сказал, на уральском заводе. По вечерам вели жаркие дискуссии о чести, верности, долге, повиновении. Большинство из нас считали плен лишь временным недоразумением. Казалось, еще день, другой — и тяжелый сон кончится, все станет на свои места. Однако месяц проходил за месяцем, а мы по-прежнему оставались в лагере. Даже когда группу армий «Центр» погнало от Москвы на запад, я все еще верил в нашу победу. Были среди нас и заядлые милитаристы и явные нацисты, они активно вели пропаганду. Они умели находить эффектные слова о величии немецкого духа, солдатской славы, о великой Германии. Мы слушали и бездумно повторяли их бредни.

Были в нашей среде и другие. Я помню одного католика из Мюнхена, которого мучила необычная для нас проблема: как отблагодарить русских? Дело в том, что раньше он пытался бежать из плена. Его, конечно, быстро изловили и по законам военного времени должны были расстрелять. Однако его оставили жить. И то, что он до сих пор живет на свете, католик никак не мог представить себе. На родине, в Баварии, его отец владел несколькими типографиями. Так вот, мой знакомец подумывал, не оформить ли свой отказ от наследства в пользу русских. Или остаться в России навсегда, чтобы замолить свои грехи перед советскими людьми? Значит, у него не было и тени сомнения в конечной победе ваших солдат над армией нацистской Германии.

Моя же эволюция проходила достаточно медленно. Я не сразу стал антифашистом, тем более коммунистом. Процесс этот был мучителен для меня. То, что с детства вдалбливали в мою голову, нелегко было выветрить даже уральскими вьюгами. И прошлое долго не отпускало меня. Фатерланд есть фатерланд! И лишь факты жизни ежедневно убеждали меня в обратном. Порою обыкновенные мелочи. Ну, например, проиграл я одному нацисту в карты свой дневной рацион. Думаєте, он поделился со мной? Нет, съел все сам... А ведь раньше говорил мне высокие патристические фразы о высоком предназначении расово полноценного германца. А сейчас, глядя, как он пожирает паек товарища по оружию, пусть и проигранный в карты, я с презрением думал: «Где же твоя солдатская дружба, поддержка в трудную минуту, где немецкое единство? Где, наконец, воинская честь и благородство?» В тот день меня выручил мастер Семен Петрович. Он заметил, что я голоден, и поделился со мной куском хлеба. Мы ели из одного котелка. А ведь у Семена Петровича, как я знал, большая семья, и продуктов он получал не больше, чем мы.

Многое дало мне и чтение ваших книг. Особенно поразил «Тихий Дон». Я теперь хорошо понял, что такое была для России ее великая революция, как трудно выстрадал ее русский народ, и по-хорошему завидовал вам, что вы сумели все это перенести, пережить. Моему народу это еще предстояло... Как мне понятен Григорий Мелехов!

Я мучительно раздумывал: остаться ли с теми, кто считал себя «цветом германской нации», а на самом деле стал ее проклятием? Либо окончательно и безоговорочно принять вашу программу жизни?.. Этого я сразу не мог, нужно было время, а оно тянулось медленно.

Фриц Ешке говорил, а я представлял, насколько бывают причудливыми людские судьбы. Ведь можно начать жизнь одним человеком, а потом стать совершенно другим.

Он вдруг посмотрел на часы и заспешил, отыскивая взглядом официанта.

— ...К нам стали приезжать представители Национального комитета «Свободная Германия». Дискуссии с ними заставили меня взглянуть на многие вещи по-новому. Они помогли мне осмыслить преступления Гитлера и его клики. Я не мог без содрогания читать и смотреть документы о расстрелах советских граждан — женщин, детей, стариков, о чудовищных расправах с партизанами и военнопленными. Люди из «Свободной Германии» рассказывали мне о Вильгельме Пике, Вальтере Ульбрихте, о поэте Вайнерте и писателе Фридрихе Вольфе — словом, о тех борцах за свободу немецкого народа, которые предостерегали в свое время немцев: «Кто выбирает Гитлера, тот выбирает войну». Мне разъярили, что Национальный комитет «Свободная Германия» борется за создание нового, демократического государства. И именно оно будет способно уничтожить в зародыше любую новую попытку сил реакции строить заговоры против человека и человечества, против мира в Европе. Только оно сможет обеспечить подлинную свободу народу Германии.

Под влиянием этих людей я стал активистом комитета и уже сам убеждал военнопленных: я говорил им, что положение немецкой армии безнадежно. Битва под Сталинградом и особенно разгром отборных наших сил на Курской дуге лишь подтвердили правоту моих слов. А потом кончилась война, я вернулся в родной Веймар убежденным антифашистом... Было много работы, очень много! С вашей помощью мы начали строить новое государство — демократическую республику рабочих и крестьян. И, как видите, построили. Но еще раньше меня приняли в партию.

— А как же Евгения? — неволью спросил я.

Ешке снова посмотрел на часы.

— Сейчас без четверти восемь, — с улыбкой сказал он. — И фрау Евгения Ешке уже вернулась с работы, приготовила ужин и накрывает на стол. Моя русская Женя тоже по-немецки пунктуальна... Пойдемте?

ПРОЗА

Кашмирская песня

О новом варианте «Кашмирской песни» Ш. Рашидова

Когда перечитываешь «Кашмирскую песню» Шарафа Рашидова, невольно вспоминается море с его приливом, бушующей волной, где всегда присутствуют величие и нежность, вечное движение и мудрое спокойствие: во всем этом чувствуется сама жизнь, любовь к ней.

Естественно напрашивается и такое образное уподобление: когда смотришь в морскую даль, то как бы заранее ощущаешь звуки грядущего прилива.

В чем аналогия? «Кашмирская песня» — это песня, исключительно богатая по «инструментовке», в ней присутствуют и поэтичность, лиризм, и тонкая комедия, и высокая вдохновляющая проза, и трагедия. Но, главное, во всех этих звуках в целом нельзя не ощутить приливные «лейтмотивы» прошлого, настоящего и будущего...

Впервые книга вышла в 1955 году. Недавно при подготовке своего собрания сочинений на узбекском языке (Собр. соч., том 3, 1982 г., издательство имени Гафура Гуляма) Ш. Рашидов вновь вернулся и вновь серьезно поработал над своим замечательным произведением.

«Известно, — пишет Ш. Рашидов, — что авторы иногда на протяжении всей жизни обращаются к любимым произведениям, внося дополнения и исправления. То же сделал и я для этого нового издания «Кашмирской песни».

Помимо прочего, этот факт дает неповторимую возможность для исследователя, критика раскрыть для себя творческую лабораторию большого художника.

И вот, изучая варианты «Кашмирской песни», поражаешься мастерству автора, тому, как он постепенно, неторопливо, подобно искусному ювелиру, заставлял сверкать все новые и новые грани слова и характеров. Это, по-видимому, вообще свойство дарования Ш. Рашидова — постоянно работать над своим произведением, углублять и укреплять, как говорится, «русло канала».

Крупные художники нередко возвращались к своим произведениям, каждый по-своему, но каждый раз по-новому. И можно с уверенностью сказать, что стимулом здесь была не просто внутренняя потребность автора, но и нечто большее — зов эпохи, укрепление проблематики в са-

мой действительности. Это, видимо, призывает и Ш. Рашидова, находящего в своей «Кашмирской песне» новое полнозвучие.

Если мы вспомним, что в ранних вариантах любовь Наргис и Бамбура была передана романтическими красками, то теперь, знакомясь с новым вариантом, воочию убеждаешься в том, что эта линия, не утеряв чистоты звучания, стала реалистически пластичной, развернутой, психологически верной.

Большим философским содержанием наполняются и образы-символы — Лола, Атиргул, горы, воды, олицетворяющие добрые силы природы. Тем более на этом фоне становится еще более емким образ Бамбура — царица пчел, символизирующей наиболее активное начало в борьбе добра со злом. Тем самым перед нами развертывается глубинная диалектика этой борьбы: она очень нелегка, но тем реальнее и почетнее победа света над тьмой, гуманизма над человеконенавистничеством. Ведь олицетворения черных сил Харуд и Буран тоже не просто отрицательные герои, а люди со своим миром, своей философией. Это мир зла и насилия, а философия, по сути, беспроблемно пессимистична.

Эти остро противостоящие силы ощутимы в усилении драматизма, эмоционального начала. Борьба между добром в лице Наргис, Бамбура и других героев со злом в лице Харуд и Буран нарастает в течение всего повествования, и каждый раз, когда зло уже начинает одолевать, охватывает неподдельное волнение. Но добрые силы не отступают и добиваются своего, всегда оптимизм, уверенность в правоте и конечном торжестве дела правды и гуманизма.

Во всем этом нельзя не увидеть развитие лучших идейно-эстетических традиций восточной классики, особенно Алишера Навои. И одновременно с «вечными темами», всегда волновавшими человечество, питают неустанный труд писателя самые современные, самые насущные и масштабные проблемы нашего сегодня и завтра — проблемы войны и мира, будущего природы и человека. Этим и только этим, видимо, объяснимы главные причины неуспокоенности большого художника и высокие, весомые, впечатляющие читателя результаты огромного творческого труда Ш. Рашидова над «Кашмирской песней» — песней добра, мужества, веры в победу, созидания над разрушением.

Пирмат ШЕРМУХАМЕДОВ, доктор филологических наук

ПУБЛИЦИСТИКА

Сотвори себя...

Имя журналиста Александра Мурина хорошо известно всеобщему читателю: он многие годы работает в центральной прессе — сначала в «Комсомольской правде», теперь, вот уже

более десяти лет, в «Правде». Многим помнятся его яркие, глубокие репортажи, статьи, очерки. Исподволь накапливаемые впечатления, наблюдения, раздумья все настойчивее требовали выхода более объемного, многопланового. И вот перед нами яркая публицистическая книга «Сотвори себя сам» (Политиздат, 1982 г.) — отличный подарок читателю в год 60-летия СССР.

Особенность книги — в умении передать факты, события общезначимого масштаба через личное восприятие. Это даже не просто свидетельство очевидца (многое, о чем рассказывается в книге, особенно связанное с историей первых дней Советской власти, первых пятилеток, автор и не мог видеть сам, хотя и повывал он, журналист центральных газет, немало), это судьба советского человека, переплетенная с десятками судеб тех, с кем связала его беспокойная жизнь журналиста, вливается в судьбу Родины. Автор рассказывает вроде бы о сугубо личном — детских годах в далеком уральском поселке с поэтическим названием Красная Шапочка, а мы видим, как становится этот поселок столицей крылатого металла — алюминия, городом Североуральском, внесшим неоценимый вклад в победу нашего народа над фашизмом. Автору довелось начать свой журналистский путь в Коми АССР — и встают со страниц его книги горячие строки истории этой небольшой республики, истории, в которой как в капле воды отразилась жизнь всей Советской страны. С интересом узнает читатель о «сестре Боневура» — молодой коммунистке из Усть-Сысольска, ныне Сыктывкара, Домне Каликовой, героически погибшей за Советскую власть; о том, какой счастливый путь в ситантные десятилетия проделала эта некогда глухая окраина царской России в братской семье свободных народов.

Рассказывается в книге и о довоенных наших ударных пятилетках, и о войне, и о совсем близком нам времени — семидесятых годах. И привычная формула — в жизни всегда есть место подвигам — обретает вдруг в непосредственном сравнении годов тридцатых, сороковых и наших, сегодняшних, особо отчетливое звучание. И видишь, что подвиг советского народа в освоении, скажем, сибирской нефти и газа, ничуть не менее романтичен, чем свершения героев первых пятилеток. Видишь, какой простор и ныне открывает наша действительность молодым — только «выбери борьбу», «сумей три жизни прожить», позная «высшую радость работы»...

Так называются главы, составляющие очень важный раздел книги — «Сотвори себя сам». В нем личностное начало, пронизывающее книгу, доводится до предела. Автор рассказывает о тех из встретившихся ему на жизненном пути людях, кто воистину выковывал свою судьбу в труднейших борениях с препятствиями, казалось бы, неподъемными. Так, Василий Довгалюк, строитель с Украины, по-своему унаследовавший характер Павки Корчагина, всегда там, где труднее всего, где начинается огромная стройка «с первого колышка». В его биографии — Темиртау, дорога Ачинск — Абаканово, Вуктыл... А ведь ничего в нем нет богатирского, да и комсомольскую путевку ему давать не хотели: мешала справка медиков о его пониженном слухе и ослабленном зрении вследствие еще в детстве полученной контузии от разрыва немецкой бомбы.

Эта книга станет верным спутником молодых, поможет им лучше понять себя, лучше узнать нашу Родину.

Валентин СВИНИННИКОВ

ФАНТАСТИКА

С думой о судьбе мира

Повесть «Глоток Солнца», вошедшая в книгу Евгения Велтистова (Ноктюрн пустоты, Глоток Солнца. «Детская литература», 1982 г.), изданную в популярной серии «Библиотека приключений и научной фантастики», написана довольно давно и знакома читателям. Ее герои — молодые ученые, которые встречаются с явлением внеземной цивилизации и изучают его.

Новый роман Е. Велтистова «Ноктюрн пустоты» погружает нас в совершенно иной, далекий от гармоничного мира, в котором все — и человеческая жизнь — измеряется в долларах. В этом мире много насилия и жестокости и очень мало места для дружбы, любви, искренних человеческих чувств. Этот мир стремительно летит навстречу своему неясному будущему и боится его.

Захватывающий сюжет романа развивается по всем законам приключенческого жанра.

Время действия — конец восьмидесятых годов. Место — Нью-Йорк, Чикаго, Лос-Анджелес, Лондон, Париж, Токио, Италия, Африка... Куда только не заносит журналистская судьба Джона Бари, специального корреспондента всемирной передачи «Телекастрофа», в какие только переделки он не попадает!

Он настоящий профессионал да к тому же честный человек. Настолько, насколько может быть честным буржуазный журналист, объективно фиксирующий события, свидетелем которых он является, и продающий свою информацию за вполне солидные гонорары. В своей работе Бари встречается с разными людьми: симпатичными и черствыми, отзывчивыми и бессердечными, добрыми и злыми. Но главное — он постоянно сталкивается с глобальными, актуальнейшими для нашего сегодняшнего мира проблемами, которые — увы! — едва ли будут решены в обозримом будущем: гибель окружающей среды, терроризм, расовое неравенство...

«У меня одно прескверное качество, — замечает о себе Бари, — я говорю то, что вижу». Уже это небезопасно в том мире, в котором он живет, — говорить правду. Он многое видит. Он слишком много знает. Не без помощи друга, наблюдающего Землю с орбиты, Бари становится известно, что многие катастрофы, которые он снимал, о которых рассказывал своим зрителям, легко связываются в одну цепочку — они, оказывается, были заранее спланированы, исход их predetermined теми, кто испытывает средства ведения разрушительной климатической войны. Бари хочет раскрыть людям глаза на преступные, бесчеловечные замыслы политических ястребов и едва не платит за это собственной жизнью: ему с трудом удается ускользнуть от рук наемных убийц.

Гибнет любимая жена Мария, навсегда прикован к постели сын Эдди, убит лучший друг Аллен... Переживший не одну личную драму Джон Бари в конце концов понимает, что личное счастье каждого человека в современном мире теснейшим образом связано с судьбами всего человечества. Об этом же, о личной ответственности каждого за судьбу мира, думаем и мы, читатели, следя за перипетиями очень динамичного, остро сюжетного, по-настоящему увлекательного романа Евгения Велтистова.

Юрий ЛЕГУБОВ

ПОЭЗИЯ

О человеке и природе

Житейская умудренность, светлые и мудрые прозрения соседствуют на страницах книги чукотской поэтессы Антонины Кымытваль «Мой любимый цветок» (Магаданское книжное издательство, 1982 г.) с размышлениями о красоте земли, о величии природы и необходимости самому человеку быть духовно красивым. В стихах Кымытваль запечатлен образ тундры «желто-белоберной» осенью, покрытой «ковром живой зелени», просторной и бескрайней летом, «необъятно белой» зимой. Творчество поэтессы имеет фольклорные истоки. В каждой строке ощущается присутствие человека — оленевода, охотника, строителя новой Чукотки.

Стихи не безлюдны, даже если населены лишь «хрупкими, невзрачными», но такими дорогими сердцу поэтессы цветами тундры, белостолбыми северными березками, оленями, ездовыми собаками... Природа и человек живут в стихах в неразрывной связи.

С гордостью пишет А. Кымытваль о высоких душевных качествах своих соплеменников:

Природа, к тебе обращается дочь: Любимый мой человек в пути. Ты ветры сплясать разбуди — они должны человеку помочь. Пусть станут полутнями —

навсегда, пусть не тревожат его огня И пусть прилетят ко мне, когда он позовет меня.

Ярко отражены в стихах поэтессы темы единства народов нашей страны, их братства и дружбы. Они передают удивительно просто, доходчиво: так, на одном из праздников в тундре эвены, якуты, чукчи танцуют

...русский танец дружбы, что народы породили, наши судьбы, наши души навсегда объединили.

В книге А. Кымытваль песенно звучит жизнь ее народа, и песня эта органично вливается в будни и праздники всей страны.

Геннадий ДЕНИСОВ

НЕПОХОЖИЙ ДВОЙНИК

Николай
ОГАНЕСОВ

ПОВЕСТЬ

ТИХОЙВАНОВ

Стараясь производить как можно меньше шума, он встал, скатал матрац, сложил раскладушку и поставил ее за дверь. В прихожей подогрел воду, тщательно выбрился, надел свежую рубашку. С галстуком пришлось повозиться, обычно его завязывала сестра, а здесь, в гостях, Тамара, но дочь он будить не хочет, а сестра была далеко, в другом конце города, скорее всего тоже еще спала.

Тихойванов подошел к зеркальцу над умывальником. На мутной поверхности отразилось серое, перечеркнутое глубоким шрамом лицо, седые, зачесанные назад волосы. Федор Константинович поправил галстук. К левому лацкану пиджака были приколоты три орденские планки, соединенные в одну колодку. Он было потянулся, чтобы снять их, но, подумав, оставил. Обмотался теплым шарфом и, взвалив на плечи тяжелое драповое пальто, вышел.

Было еще очень рано, не больше половины седьмого. К нему ненадолго вернулось ощущение бессмысленности того, что собирался предпринять. «Ну что мне скажут в милиции?—подумал он.—Что идет расследование? Я и так это знаю. Зачем же идти, отрывать людей от работы? Чтобы выполнить долг, ублажить дочь?» Часом раньше квартира, а теперь и подъезд, пустой и гулкий, показался ему чужим. Он успел отвыкнуть от холодной в любое время года глубины лестничных пролетов, от запаха сырости, который не исчезал ни зимой, ни летом, и даже сейчас, при температуре ниже нуля, им было пропитано все от подвала до чердака. «Когда же мы вселились сюда, в этот дом?—подумалось ему.—В тридцать девятом? Ну да, летом тридцать девятого!» В памяти совершенно отчетливо всплыл тот бесконечно далекий солнечный июльский день. Листва. Пронзительно синее небо. Отец, молодой, с пушистыми бугорчатыми усами, с пустым рукавом, заправленным под узкий кожаный ремень. Он ловко орудовал одной рукой, легко подхватывая с телеги узлы, перебрасывая их на спину и нес в квартиру, где одуряюще пахло свежей побелкой и столярным клеем...

Федор Константинович вышел из подъезда. Постоял, задумчиво глядя на легкую, стлавшуюся по земле поземку. Небо заметно посветлело. Черными кляксами висели на деревьях вороны гнезда. С веток срывались комки снега. Они беззвучно падали вниз, рассыпаясь на лету искрящейся серебряной пылью.

Тихойванов прошел через темный тоннель подворотни и не спеша двинулся вдоль улицы. Ему вспомнилось, как однажды, кажется, это было на Первое мая, в сорок первом, они с отцом вышли во двор, и обомлевшие от неожиданности мальчишки, разинув рты, уставились на орден Боевого Красного Знамени, привинченный к отцовской гимнастерке... Как он тогда завидовал отцу! В свои восемнадцать, как и все сверстники, мечтал о подвигах, о большом, полезном для Родины деле, с нетерпением ждал возможности проявить себя так же героически, как отец в годы гражданской... Кто мог предполагать, что с того последнего предвоенного Первомая пройдет несколько месяцев и его вместе с другими ребятами с их двора будут провожать на призывной пункт...

Отец храбрился, до последней минуты глядел орлом, а когда наступило время прощаться, крепко обнял одной рукой и прошептал на ухо тихо, почти просительно: «Береги себя, сынок. Ты у меня один». Играла гармонь, ей втроели гитара и мандолина—странное сочетание, но никогда, ни до, ни после, Тихойванов не слышал музыки выразительней и прекрасней...

С их двора уходило шестеро. Провожавших было

раз в десять больше. Среди пацанов между прочими крутился и Жорка Волонтир. Он провожал старшего брата, Дмитрия. Ненадолго свела их война, Волонтира и Тихойванова, на неделю, пока везли на формирование; война и развела. Через много лет Федор Константинович узнал, что воевали они не по разным воинским частям, а по разным сторонам фронта...

В сорок шестом Тихойванов вернулся в город. Отца к тому времени уже три года как не было в живых. Осталось только неотправленное письмо, датированное сорок третьим. Письмо это по доброте душевной, а может, в силу какой-то особой инвалидской солидарности сберег безногий сапожник из мастерской в двух кварталах от дома. Он появился в жизни Федора Константиновича так же внезапно, как и исчез: прикатил на своей гремучей тележке, пристально, с любопытством и завистью рассматривал ордена и медали, пока читалось письмо, а потом скупно рассказал, что зимой сорок третьего оккупационные власти выселили жильцов их дома и отец перебрался в сапожную мастерскую, откуда через неделю и взяли по доносу как участника и героя гражданской войны. Через час он уехал, отталкиваясь от пола деревянными валиками, и больше Тихойванов его не встречал: дверь в мастерскую оказалась заколоченной, никто не мог сказать, куда делся хозяин. До сей поры Федор Константинович так и не избавился от мысли, что сапожник был единственным человеком, который знал, что скрывалось за обычными в общем-то отцовскими приветствиями и пожеланиями бить врага до победного конца,—чужие этого, в его последней весточке ничего не было...

Трудно ему пришлось в те первые месяцы. Из крепких основных досок он сколотил себе нары, раздобыл чайник и набитый морской травой матрац, выменял на барахолке примус. Успевая за день отработать полную смену в депо и отсидеть несколько часов за книжками в библиотеке института инженеров железнодорожного транспорта, куда поступил учиться заочно, он приходил домой только ночью, чтобы, укрывшись потрелянной шинелью, ненадолго забыться перед новой сменой. Так продолжалось до сорок седьмого. Весной он познакомился с Машей—худенькой стеснительной девушкой из соседнего цеха. Самым приметным в ее лице были огромные карие глаза... Весной она пришла к нему и осталась с ним навсегда... Спустя год родилась маленькая черноглазая Тамара. Ей не исполнилось и пяти, когда случилось непоправимое: после короткой, с непонятным латинским названием болезни Маша умерла. Позже он узнал, как переводится на русский слово «канцер», но разве это имело хоть какое-то значение? Он помнил себя сидящим у белой больничной койки, помнил незнакомое восковое лицо на казенной подушке, шепот нянечек за спиной и неотвязную, прилипчивую мысль, что жизнь на этом кончилась.

Аннушка, сестра, взяла ребенка к себе. Сказала мягко, но решительно, что так будет лучше и для него и для девочки. Федор Константинович не возражал: с дочерью или без нее, все равно он оставался один. Совсем один, если не считать Машиную фотографию в скромной картонной рамке. Застенчиво улыбаясь, она смотрела на него со снимка, и он, живой, завидовал ей, потому что там, куда она ушла, не испытывают ни отчаяния, ни безысходности, ни одиночества—всего, что, оставшись один, испытывал он. Он глухо от звонкой тишины пустой квартиры. Ночами уходил во двор, но и там мир замыкался плоскими, неровно обрезанными крышами, куском неба и темными, без единого огонька окнами. В одну из таких ночей пришло решение взять дочь к себе. Несмотря на уговоры сестры, он настоял на своем и забрал девочку. Зная его характер, Аннушка скрепя сердце примирилась, поставив единственным условием, чтобы на время своих рейсов он оставлял племянницу у нее... Так и зажили вдвоем. Тамара росла, с каждым

годом становилась все больше похожей на мать, разве чуть пошире в кости, покрупнее. Глядя на ее розовое личико, на прыгающие за спиной тугие косички, слушая ее смех, он с удивлением обнаружил, что в отцовской своей любви обрел новый источник душевных сил, и корил себя за легкость, с которой однажды согласился расстаться с девочкой. Время побежало незаметно: школа, родительские собрания с восторженными похвалами и «последними предупреждениями», были проводы в пионерские лагеря со слезами под духовой оркестр, прием в комсомол, окончание школы, и вдруг, в один день, без времени оборвался. Это был день, когда он познакомился с Игорем...

Игорь... Федор Константинович до сих пор не мог сказать о зяте ничего определенного; так за восемь лет и не постиг его характера. «В войну, пожалуй, проще было,—подумал он.—Не то что за восемь лет, за считанные дни, а то и часы успевал и познакомиться с человеком, и привыкнуть к нему, и сродниться, и доверять, как брату, и, случалось, как брату, потерять. Одно слово—война: жизнь и смерть, солдатская спайка, зависимость от товарища, чей локоть вплотную к твоему... А что, собственно, изменилось с тех пор? Разве перестали люди зависеть друг от друга? Да нет, так же связаны, и друзья есть, и враги, как прежде, только что название у врага другое: чужество, подлость, равнодушие, и ранят они иначе—не тело, а душу»...

Тихойванов стоял у входа в парк. Слева на фоне снега густым частоколом стояли голые, темные от влаги деревья, справа, разбрызгивая из-под колес желтоватую кашку, сновали машины. Времени в запасе было много. Он свернул в аллею. Приостановился у скамейки, вытащил из кармана папиросы. С верхушки акации тяжело слетела сорока. Она спланировала на снежный наст, вытопанный птичьими лапками, повела бусинками глаз в его сторону и, молниеносно клюнув, лениво взлетела.

Федор Константинович прикурил, спрятал спичку в коробок и присел на скамейку...

ГЛАВА 3

12 февраля

СКАРГИН

Поставив себе целью скрупулезный анализ этого, как мне думается, не совсем обычного дела, размышляя о причинах, толкнувших Красильникова на преступление, я задаюсь вопросом: а стоит ли сейчас, когда расследование практически закончено, копаться в интимных переживаниях Тихойванова, его отношениях с зятем и дочерью, тем более что подробности этих отношений стали известны не сразу, а по мере того, как росло ко мне доверие Федора Константиновича, то есть сравнительно недавно. Решающей роли его показания не сыграли, обстоятельства убийства непосредственно не касались, и все же без них общая картина была бы неполной, а отдельные аспекты дела вообще остались бы неизъясненными... Впрочем, не буду забегать вперед, попробую восстановить сумятицу первых дней, когда знакомство с тестем Красильникова еще не состоялось и перед нами одна за другой возникали проблемы, требующие скорейшего разрешения.

Утром девятнадцатого января после допроса Тамары Красильниковой я стоял у флигеля Волонтира и ломал голову над своей находкой. Мысли мои текли приблизительно по такому руслу: кто-то, чье имя мы пока не знаем, был заинтересован, чтобы в прихожей погас свет, и на один-два оборота выкрутил лампу из патрона. Как способ обеспечить темноту в помещении оригинально: стоило выкрутить ее совсем, и жильцы заинтересовались бы, кто выкрутил за зачем, а так и без слов ясно—перегорела. Но кто был этим любителем потемок? Красильников? Тамара? А может, их покойная соседка Щетинникова? И, главное, зачем? Ну, темно в прихожей, ну и что? По-моему, довольно глупо, но кому-то это показалось не только разумным, но и необходимым! Тем январским утром я пришел к выводу, что в деле образовался загадочный узел с местом действия «прихожая Красильниковых—Щетинниковой». Чтобы внести хоть какую-то ясность, инспектору Сотниченко было поручено собрать сведения о причине смерти Нины Ивановны Щетинниковой.

Около пятнадцати часов Логвинов доложил результаты своей встречи с Харагезовым, заведующим ателье «Оптика», в котором работал Красильников. Тот подтвердил, что восемнадцатого Игоря с его разрешения не вышел на работу. Характеризовал он Красильникова с самой лучшей стороны.

К шестнадцати часам стали известны результаты вскрытия трупа.

А чуть позже я получил заключение дактилоскопистов. Оно занимало пятнадцать страниц машинописного текста, зато выводы уместились в несколько строк, что, несомненно, подчеркивало их категоричность: отпечатки пальцев, обнаруженные на поясном ремне убитого, на спинке стула в его комнате, на

клеенке, полностью совпадали с отпечатками пальцев Красильникова. Кроме того, криминалисты дали заключение об идентичности волос Красильникова с волоском, найденным на трупе убитого. На лампочке — пальцы того же Красильникова. На осколках бутылки, найденной в куче мусора во дворе, четкие отпечатки Красильникова и Волонтира.

Показания Ямпольской, Харагезова, Тамары Красильниковой были запротokolированы и приобщены к делу.

Чудеса оперативности продолжались еще некоторое время. В шестнадцать сорок я вынес постановление об избрании меры пресечения, а немного погодя получил санкцию прокурора на арест Красильникова Игоря Михайловича...

Спустя восемнадцать часов после совершения преступления в этот самый кабинет вошел молодой человек с мягкими, выразительными чертами лица и поморщился, вдохнув пропитанный табачным дымом воздух...

Я тушу сигарету о доньшко пепельницы. Подхожу к окну и смотрю вниз. Третий двор уже убрана от снега. На месте, по которому прошлись скребами, влажно блестит асфальт. Сегодня тепло. Пожалуй, около нуля. Солнце светит щедро, в полный накал, и здесь, в кабинете, становится даже жарко.

Знакомые фигуры скрылись из поля зрения. Их заслоняет железный сток с внешней стороны окна. Стало быть, скоро они войдут в пропускник, и минут через пятнадцать — двадцать Красильников будет здесь. Войдет, поздоровается, сядет на привинченный к полу табурет, и начнется то, что я с полным основанием могу считать поединком, борьбой, схваткой. Я не оговорился, схваткой, поскольку речь идет об одном из самых опасных преступлений — убийстве, и человек, чей поступок вот уже четыре недели я стараюсь познать объективно, всеми доступными мне средствами мешает этому, уходит от ответственности, подсовывает мне урезанную на свой вкус правду, то есть полуправду, а полуправда еще хуже лжи, так как ложь — это отрицание и от нее можно отталкиваться в поисках истины, а полуправда сбивает с толку, до неузнаваемости искажает действительное положение вещей. Да, наши отношения действительно были похожи на поединок: я нападаю, он защищался, я ловил на противоречиях, он их избегал, а если попадался, то в качестве трофея мне доставался обрывок, клочок общей картины. Сравнение событий, имевших место в квартире Волонтира в ночь с восемнадцатого на девятнадцатое, с картиной вряд ли удачно, тем не менее сегодня мне известна и общая композиция этого полотна и почти все детали. А вот тогда...

На первом допросе Красильников отрицал все подряд: ничего не видел, ничего не знаю, у Волонтира не был. Я понял, что стремительное начало осталось позади и в ближайшем будущем нас ожидает не триумфальное завершение дела, а кропотливая, многотрудная и малопродуктивная работа.

Для начала я ознакомил его с показаниями Ямпольской. Пожалуй, с этого и началось то, что потом длилось целый месяц.

— Она лицо заинтересованное, — сказал Игорь невозмутимо и вроде даже со вздохом облегчения.

Что-то в его интонации заставило меня если не поверить, то прислушаться к сказанному.

— Почему вы так считаете? — спросил я. — У вас есть основания?

Он замаялся, но, как и следовало ожидать, уговаривать его не пришлось, хотя Красильников и делал вид, что говорит с неохотой:

— О таком вообще-то вслух не говорят... Ну, да в моем положении стесняться не приходится... в общем, встречались мы с ней, в близких отношениях были... Не так давно поссорились. Она, естественно, злится, вот и наговаривает. Так я думаю.

— Со зла, значит?

— Со зла... — Подумав, он добавил: — А возможно, ошиблась. Сами посудите, ночью видела, в два часа. Тут не такое причудится, тем более, она женщина с фантазией... — Красильников помолчал, проверяя, достаточно ли мне этих сведений, и решил, что сказал мало. — Длинная это история, гражданин следователь. С прошлого года тянется. Все получилось стихийно: встретились как-то утром, я предложил прогуляться, с этого и пошло. Она женщина одинокая, эффектная, хотя и не первой молодости, вот я и не устоял... Только вы уж того... у меня семья, ребенок...

Вызывать Елену Борисовну для очной ставки с Красильниковым, честно говоря, не хотелось, но другой возможности проверить его показания не было. Я выписал повестку.

Она долго крепилась. Отвечала на вопросы коротко, односложно, не переставая бросать на Игоря тревожные, полные недоумения взгляды. Он отвечал ей снисходительной улыбкой, но не щадил, рассказывал об их отношениях открыто, почти грубо, и, наконец, Ямпольская, старавшаяся держать себя в руках, не выдержала:

— Как же тебе не стыдно! — И, отвернувшись от него, твердо сказала, обращаясь ко мне: — Я наста-

иваю на своих показаниях! Не знаю, какое это имеет для вас значение, но девятнадцатое, около двух ночи, он вышел из дома Георгия Васильевича. Ошибка исключена! Я видела его собственными глазами.

Красильников демонстративно повернулся к ней боком.

— Что скажете? — спросил я.

— Пока эта девушка... — Он умышленно подчеркнул слово «девушка», произнес его желчно, с издевкой, и я заметил, как Ямпольская вздрогнула, словно ее ударили по лицу. — ...пока эта девушка здесь, — повторил он, — я не скажу ни слова! Не был я у Волонтира, ничего не знаю! — И прибавил, переходя на крик: — Пусть она убирается!

Я не стал задерживать Ямпольскую. Она наспех расписалась в протоколе и выбежала из кабинета. Очная ставка закончилась, а у меня еще долго оставался осадок, так бывает, когда сталкиваешься с чем-то не до конца понятным и оттого кажущимся значительным, важным. Меня удивила позиция Красильникова, ибо двумя днями раньше, еще в ходе первого допроса, после того, как я ознакомил его с некоторыми соображениями экспертов, между нами было заключено нечто вроде временного перемирия: он перестал спорить с очевидным и, признавшись, что встречался с Волонтиром в ночь на девятнадцатое, выдал свою версию происшедшего. Да, он приехал к Георгию Васильевичу, да, они распили с ним бутылку водки. Ничего особенного в их встрече нет, соседи и жена могут подтвердить, что время от времени они выпивали вместе — это не преступление. Сидели до двух ночи, а потом он ушел домой. Почему поздно? Так вышло, и тоже не в первый раз, бывало, засиживались и дольше. Никаких особых дел между ними не водилось, просто болтали о том о сем, время и пробежало незаметно. Ни ссоры, ни драки не было, разошлись вполне мирно.

Я счел, что для первого раза этого достаточно, и прервал допрос. Для меня было важно, что он отказался от тактики тотального отрицания и признался: у Волонтира был, пил с ним, ушел в два ночи.

И вот два дня спустя, на очной ставке с Ямпольской, он взялся за старое. Что это: непоследовательность? Расчет? Наивность? А может, он все еще питал надежду, что все обойдется, что Ямпольская, потрясенная встречей с бывшим возлюбленным, не найдет в себе сил повторить в его присутствии свои показания? Или испугался, что она проговорится о чем-то более важном? Последнее соображение встревожило меня не на шутку. Между тем не прошло и часа, как Красильников взялся устранить противоречие.

— Понимаете, хотелось досадить этой старой деве, — сказал он, когда я вызвал его на повторный допрос. — Я ведь не собираюсь отказываться от своих слов...

Оставалось поверить ему на слово, тем более что голова и без того пухла от вопросительных знаков. Была, например, еще загвоздка: крючок, на который дверь волонтировского флигеля заперлась изнутри. Аварийщики, первыми прибывшие на место, утверждали, что дверь была заперта и что бригадир открыл ее, поддев крючок проволокой.

Красильников наверняка догадывался, почему при встречах с ним я не затрагиваю эту немаловажную деталь.

— Волонтир закрыл за мной дверь, — твердил он. — Сами подумайте, не мог же я накинуть крючок и выйти из запертого дома!

В чем, в чем, а в логике ему отказать было трудно. Раз дверь заперли изнутри, значит, после ухода Красильникова Георгия Васильевич был жив и здоров.

На следующий день мы провели следственный эксперимент. Он состоял из десяти попыток запереть дверь, находясь снаружи. Девять попыток не принесли результатов. Лишь в одном случае с помощью тонкой стальной проволоки, просунутой сквозь щель в двери, удалось накинуть крючок на скобу. Чтобы проделать этот трюк ночью, при плохом освещении, надо было обладать ловкостью фокусника или навыками профессионала-медвежатника. Красильников, насколько нам известно, ни фокусником, ни потрошителем сейфов не был и у двери, по словам Ямпольской, не задерживался. Мы стояли на морозе у флигеля и чувствовали себя, как герои известной сказки, забывшие волшебные слова «сим-сим», и простояли бы еще долго, если бы один из понятых не предложил принципиально другой способ. Все следующие десять попыток увенчались успехом. Все десять! Оказалось, надобности в дверном зорере вообще не было. Стоило закрепить крюк перпендикулярно плоскости пола и сильнее стукнуть дверью, как он от сотрясения падал и попадал прямо на скобу. Слова Елены Борисовны о том, что Красильников захлопнул дверь, оказались пророческими. Ни у кого из присутствующих не осталось ни малейших сомнений: тот, кто был знаком с особенностью дверного запора, мог справиться с задачей в любое время дня и ночи, причем с завязанными глазами.

За экспериментом последовал допрос. Самый дли-

тельный и самый результативный за предшествующие три дня. Правда, сначала мне показалось, что Красильников твердо решил воспользоваться своим правом на отказ от дачи показаний.

— Дверь заперли вы, — говорил я. — Это подтверждается свидетельскими показаниями и результатами следственного эксперимента.

Он молчал.

— Между вами и Волонтиром произошла ссора? Молчание.

— Вы подрались?

Игорь не проронил ни слова.

— На трупе Волонтира найден волос, — продолжал я. — Экспертиза установила, что волос принадлежит вам. Понимаете, что это значит? — Я сделал паузу. — Это значит, что вы наклонились над Волонтиром уже после того, как он лег на диван. Это значит, что после вашего ухода он уже не вставал. Я не хочу пугать, но пора понять, Красильников, что против вас имеется достаточно количество улик, и молчание в данном случае работает против вас. Подумайте об этом...

КРАСИЛЬНИКОВ

Со дня последней встречи со следователем прошло двое суток. Двое суток тягостного ожидания. Игорь ненавидел эти заполненные неизвестностью паузы. Периоды относительного покоя, как ни странно, наступали сразу после допросов. Пока перебирал подробности, обдумывал отдельные реплики следователя, смаковал свои удачные ответы, было терпимо. «Что, взяли?!» — отводил он душу, оставаясь один. — Черта с два! Я так просто не дамся! Утешая себя мыслью, что положение следователя немногим лучше его собственного — тоже привязан к делу, тоже мучается, — Игорь радовался мелким своим победам, но проходил час-другой, и он чувствовал, как надвигается то страшное, чего больше всего боялся, с чем не мог и не умел бороться. Им овладевал безотчетный, нестерпимый страх, и не было от него спасения. Да, он боялся, и, как бывало всегда, когда он кого-то или чего-то боялся, испытывал неодолимое желание смягчить вину, признаться, коль нет другого выхода, покаяться, попросить прощения. Это и было всего опасней. В таких случаях, и то лишь ненадолго, отвлекали мысли о постороннем, не имеющем связи со следствием, с его делом...

Вот по стене пробежала тень облака. На четвертом этаже открылась форточка. С крыши сорвалась сосулька и разбилась на множество осколков. Это отвлекает, об этом и надо думать. Его обострившийся за последние недели слух уловил слабые, чуть слышные трамвайные звонки. Каким ветром занесло их сюда, за толстые тюремные стены?! Может, галлюцинация? Он прислушался, нет, в самом деле звонки. Они будто специально вторглись сюда, чтобы подразнить, напомнить о существовании другого мира, откуда он пришел месяц назад и куда так стремился попасть снова. Там было все, к чему его тянуло всегда, а сейчас особенно сильно: сытная, вкусная еда, музыка, женщины; там было место случайностям, риску, возможности выбора. Он с тоской представил себе улицу, пешеходов, шум транспорта. Пришли мысли о деньгах. Нет, он любил не их, он любил чувствовать себя платежеспособным. Всегда, везде, в любое время дня и ночи при тебе должны быть деньги, и чем больше, тем лучше, спокойней и безопасней. Однако сейчас он испытывал совсем иное, сейчас хотелось поддержать в руках хотя бы пятерку. Помять ее, услышать хруст бумаги, увидеть ее цвет.

«Рассказать бы Алику, ни за что не поверил бы», — усмехнулся он про себя, вспомнив заведующего ателье «Оптика» Харагезова, — молодого, лет тридцати, парня, успевшего в свои годы обзавестись небольшим брюшком, солидными зальсынами и строгим начальственным взглядом. Он всегда нравился Красильникову: серьезный, немногословный, внушительный. Хотелось бы со временем походить на него, занять такое же положение...

Их отношения с заведующим были до поры официальными, но теплыми — тот тоже отличал Игоря среди других, — а с ноября прошлого года стали приятельскими. Как-то, проходя мимо его столика, Алик небрежно бросил:

— Ты свободен, Красильников? Зайди, разговор есть.

В небольшом, уставленном полированной мебелью кабинете он выкатил на него свои выпуклые немигающие глаза и спросил, беззвучно барабана подушками пальцев по пластику стола:

— Как работаете?

— Не жалуюсь, — ответил Игорь.

— Зарплата устраивает?

— Как сказать? Лишних-то денег не бывает, сами знаете.

— Та-а-к. — Харагезов перестал стучать пальцами, подвинул к нему пепельницу и пачку «Мальборо». — Закуривай, не стесняйся.

— Спасибо, не курю.

Алик смерил его изучающим взглядом.

— Отдельно работать хочешь?—спросил он внешне.

Предложение было настолько неожиданным, что Красильников смог только кивнуть в знак согласия.

— Не тебе объяснять, что это дает. Постараешься—через год-другой на машину накопишь, не будешь зарываться—и на гараж в придачу. Ты парень свой, потому и предлагаю,—полюстил Алик.—У меня в управлении свой человек есть. Так что шевели мозгами, ты мужик сообразительный...

— Сколько?—стараясь не выдать своего волнения, спросил Игорь.

— Мне лично ничего не надо,—развел руками Харагезов.—Мы люди свои. А вот того человека отблагодарить не мешает, еще пригодится.—Он перевел взгляд на запертую дверь кабинета.—Ну, я думаю, тысячу... Как считаешь?—И сам же ответил:—Меньше неудобно, не тот уровень...

Пришлось побегать за этой тысячей! Деньги со сбернижки снимать не хотел, то был неприкосновенный запас, о котором не знала ни одна душа. Шестисот кое-как наскреб. Остальные занял у Волонтира. Через день принес деньги Харагезову. Алик покрутил в руках конверт, но считать не стал. Сунул его в ящик стола и пообещал:

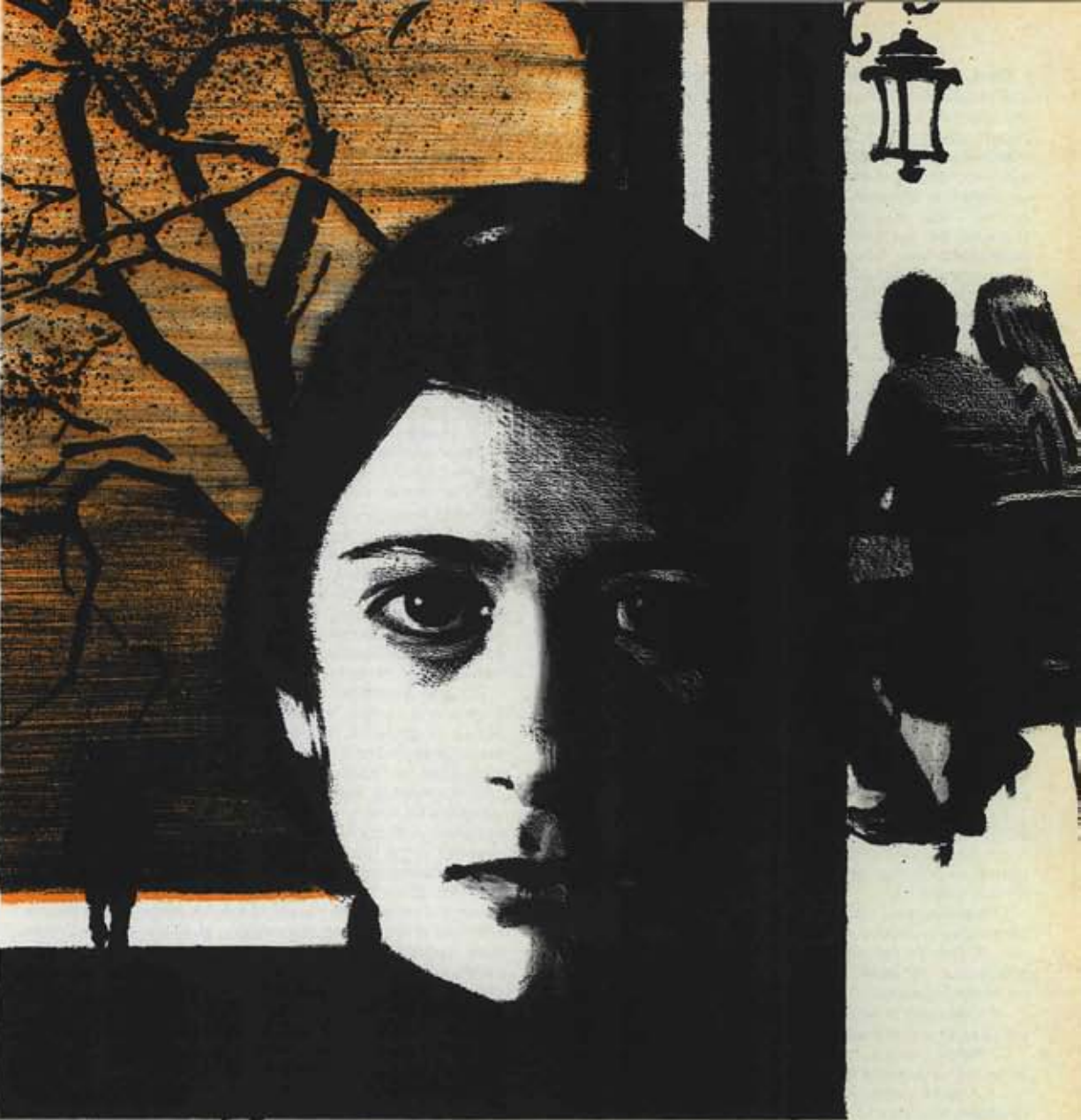
— В январе переселишься. Раньше не надейся. Все. Иди работай...

«Сколько же ему тогда перепало?—подумал Красильников.—Пятьсот как минимум. Это не пятерка! А может... может, весь кусок между пальцев застрял?!» Такой вариант пришел ему в голову впервые. Как это он раньше не сообразил? Конечно, Харагезов надул, и сейчас, в эти самые минуты, когда его ведут по тюремному двору с заложными за спину руками, кто-то другой сидит в небольшой, уютной мастерской на его, Красильникова, месте. «А деньги присвоил Алик и радуется, что меня посадили... Ну нет, погоди радоваться, скотина, за мной не заржавеет, я тебя выведу на чистую воду, дай только выбраться отсюда. Ты еще сам мне приплатишь!»

До сих пор он почти не думал о работе в «Оптике». Выходит, лучше было не вспоминать—одно расстройство! Взятка, отданная заведующему, чтобы тот перевел его на самостоятельную работу, где можно было развернуться, заколачивать на свой страх и риск, ни от кого не зависеть, пропала впустую. Нет ни денег, ни места, а есть камера, невкусная, пресная пища, и вместо развлечения окно в стене—горизонтально расположенная полоска неба, по которой, если повезет, раз в день пробежит край облака... Были перспективы, планы были, программа на будущее. Мечтал начать новую жизнь с Танькой—студенткой пединститута, с которой вот уже полгода встречался тайком,—мечтал уехать с ней к морю, купить машину, дом где-нибудь в Крыму, в Сочи, у чертей на куличках. Все реально, осуществимо, даже средства имеются, и вот из-за недоразумения, случайности все полетело в тартарары. Вместо теплого моря—тюрьма, следователь, допросы.

Хорошо, дали время подумать, не то—позорный провал с первой минуты. Подготовлен не был, рассчитывал, что смерть спишут на несчастный случай: включил, пьянчуга, газ и заснул, забыв зажечь спичку. И вдруг арест! Спасло чудо, простая, но спасительная мысль: только они двое знают, как было на самом деле. Волонтира, второго, нет в живых, иначе не взяли бы. Значит, он один! Это и выручило. Еще не зная противника, он сумел перехитрить его, сумел вывернуться...

Так уже было однажды. Двенадцатилетним мальчишкой увязался с компанией взрослых ребят. Они снисходительно терпели его присутствие, решали какие-то свои, недоступные ему проблемы. Ему захотелось во что бы то ни стало доказать, что он по праву находится в их компании. Когда проходили мимо заправочной станции, между старшими возник разговор о том, по какому принципу действует бензонасос. Он поостал, крадучись подошел к колонке и нажал на большой красный рычаг. Бесцветная пахучая жидкость тугой струей ударила в асфальт, в солнечных лучах загорелись бензиновые брызги, и вскоре по всей улице разлилась огромная лужа. Завороженный этим зрелищем, он упустил момент для бегства: его среб какой-то мужчина и потащил в детскую комнату милиции. По дороге расплакался, просил отпустить, а когда понял, что не поможет, стал лихорадочно искать выход. В детскую комнату вошел уже с готовым решением. Глядя прямо в глаза строгой женщине, одетой в синюю милиционерскую форму, сказал, что его подучили старшие, и выложил все, что знал о ребятах: их имена, фамилии. Можно, конечно, назвать это и предательством, но разве его самого не предавали? Еще как! Взять хотя бы Ленку! Ну что он ей плохого сделал? Мало того, что подглядывала, выслеживала, наблюдала за каждым шагом, так и в прокуратуре все выложила, истеричка! Дежурила она, что ли, у окна? Кто ее за язык тянул? Мстит! Утопить хочет! Сколько раз убеждался, что рассчитывать можно только на себя, ни в ком другом уверенно-

сти быть не может... Ну, ничего, плевать, он выдержит. Не все потеряно. Еще посмотрим, кто кого, гражданин следователь, посмотрим!

И что-то отдаленно похожее на улыбку мелькнуло на его губах.

СКАРГИН

Итак, через три дня после ареста Игорь признал себя виновным в убийстве. С его стороны это был совсем не глупый, а возможно, и единственно правильный ход: во-первых, доказательств вины слишком серьезные, чтобы пренебрегать ими, а во-вторых, как шахматист, сознательно жертвующий фигурой, он пошел на это из стратегических соображений, признался в малом, чтобы скрыть большое. «Легенда» о неосторожно совершенном убийстве была настолько складной и глубоко продуманной, что, явив нам будто бы четкую картину происшедшего, фактически не приблизилась к истине, а сделала ее еще недостижимей.

— Я виноват,—«изливал душу» Красильников.—Виноват и не снимаю с себя вины. Но, гражданин следователь, войдите в мое положение: кому хочется ломать себе жизнь... Ведь как оно было. Позвал он меня к себе. Я не в настроении был, пойду, думаю, развеюсь. Ну, захватил с собой бутылку. У него тоже бутылка была. Ну, и напились, что называется, до чертиков. Гляжу, Жора с ног валится. Подтащил его к дивану, уложил и уходил уже собрался, да черт дернул—чаю захотелось попить. Выпью, думаю, тут чашечку, чтобы жену дома не будить, время-то позднее. Подошел к плите, открыл конфорку. Спичек под рукой не оказалось. Стал искать. Нашел в комнате коробок. Вернулся к плите, открыл другую конфорку,—про ту, первую, видно, забыл. Чиркнул спичкой, она не зажглась, сера отлетела. Я в коробок, а он пустой, в нем всего одна спичка и была. Ну, разозлился, опять по комнате стал искать. Не нашел. Смотрю на часы, а на них уже два часа ночи. Пора, думаю, домой бежать. Ну и побежал, а про газ-то и забыл начисто. Такое только спяну могло случиться. И ведь что интересно, не пил никогда водки этой проклятой в таком количестве. Шутка ли, по бутылке на брата пришлось. У кого мозги не затуманятся...—Он продолжал в том же духе и,

если бы я не остановил, пожалуй, перешел бы на актуальнейшую по нашим временам тему о вреде алкоголя.

— Коробок куда дели?—спросил я.

Он пожал плечами, мол, кто ж его знает.

— В квартире Волонтира, в метре от газовой плиты, мы обнаружили пять коробок спичек.—Я не сомневался, какой услышу ответ, и не ошибся.

— Чужой дом, как и чужая семья, потемки,—ответствовал Красильников.—Трезвым я бы тоже нашел. Да и чай, был бы трезвым, вряд ли стал разогревать, какой же чай в два часа ночи...

Довод сколь простой, столь и лишенный намека на правду: спички лежали на виду, только слепой мог их не заметить. Честное слово, по мне, лучше бы он продолжал отрицаться.

— А бутылки из-под водки куда исчезли?

— Одну выбросил, другую домой отнес, думаю, может, в хозяйстве пригодится. Помыл и под стол поставил, там она и лежит, наверно.

— Отпечатки пальцев на ручках плиты тоже случайно стерли?

— Нет, не стирал,—невозмутимо ответил он.—А что, нет отпечатков? Может, смазались?

— Да нет, не смазались. На пластмассе отпечатался рисунок ткани, которой были стерты следы. Как вы это объясните?

Он сделал недоумевающие глаза.

— А вы не ошиблись? Должны быть следы, я же открывал конфорки...

ГЛАВА 4.

24—30 января

ЯМПОЛЬСКАЯ

Следователя интересовали ее отношения с Красильниковым. А что она могла сказать, если сама до сих пор не знала, какое место в ее жизни занимает Игорь? Одно дело—думать, что между ними с самого начала все было зыбким, неопределенным, и совсем другое—вслух говорить об этом посторонним людям. Кто, например, поверит, что целых полтора года, живя бок о бок в одном доме, они почти не замечали друг друга?

КАРТИНА ВЛАДИМИРА ИСАРЕВА «ДЕКАБРИСТЫ».

ДЕКАБРИСТЫ ГВАРДЕЙСКОГО ЭКИПАЖА

Несколько лет назад историк А. Б. Шешин обнаружил новые материалы о декабристском обществе, созданном офицерами Гвардейского экипажа. Его научная статья на эту тему была опубликована в 1975 году в 96-м томе «Исторических записок». В предисловии к этому сборнику академик М. В. Нечкина писала: «Статья А. Б. Шешина «Декабристское общество в Гвардейском морском экипаже» содержит существенный вывод: сравнительно задолго до восстания (в 1824 г.) в Гвардейском морском экипаже, в те годы особенно радикально и решительно настроенном, образовалось самостоятельное тайное общество, совпадавшее по идеологии с декабристским... Вывод автора совершенно правилен и хорошо обоснован документально... Оказалось, что это был уже не первый случай, когда документы подтвердили: основные декабристские общества вбирали в свой состав и другие тайные революционные общества, образовавшиеся самостоятельно... Статья А. Б. Шешина — любопытный и ценный вклад в историю Северного общества и восстания 14 декабря».

Читателям «Смены» предлагается вариант этой статьи, написанный специально для нашего журнала.

Александр ШЕШИН

14 декабря 1825 года на площадь перед зданием Сената вместе с солдатами Московского и Гренадерского полков вышли моряки Гвардейского флотского экипажа.

О декабристах написано несколько тысяч книг и статей, и все же история первого русского революционного движения хранит еще немало тайн и загадок. Одной из таких загадок была чрезвычайно быстрая — всего за несколько дней перед восстанием — подготовка к выступлению Гвардейского экипажа, на который до декабря 1825 года Северное общество не имело влияния.

Среди офицеров Измайловского, Финляндского, Кавалергардского, Московского и Гренадерского полков было немало членов Северного общества; эти полки и должны были составить основные силы восставших. Но Измайловский, Финляндский и Кавалергардский полки не удалось вовлечь в вос-

стание. А из гвардейских моряков в Северное общество вступил лишь лейтенант Антон Арбузов — да и то за несколько дней до восстания. Между тем экипаж оказался лучше подготовленным к выступлению, чем другие гвардейские полки. В чем же причина этого? Лишь недавно удалось установить, что задолго до восстания в Гвардейском экипаже возникло самостоятельное декабристское общество.

Экипаж прославился в сухопутных боевых действиях 1812 года и получил воинскую награду — Георгиевское знамя. Служившие в нем моряки участвовали в смотрах, парадах, караулах, назначались на придворные яхты и суда, на которых плавали члены императорской фамилии.

В 1820 году в Гвардейский флотский экипаж был определен восемнадцатилетний Александр Беляев, только что окончивший Морской кадетский корпус. Через три года туда же перевели и его младшего брата Петра.

Беляевы с ранних лет были воспитаны в патристическом духе: еще во время войны 1812 года

девятилетний Александр и его семилетний брат Петр «думали при появлении французов сражаться до последней капли крови». С детства братьям запомнились ужасающие картины рабства крестьян. А в Гвардейском экипаже их возмущали издевательства над матросами, грубая строевая муштра, зачастую заменявшая обучение морскому делу. Беляевы читали исторические книги, сочинения просветителей, изучали иностранные конституции и, взрослея, все больше осознавали несправедливость русского народа. Скоро они пришли к мысли, что за счастье родины нужно бороться. «Я всегда желал истинного... блага моему отечеству, в жертву которому я готов принести все, что имею, и самую мою жизнь», — писал позднее Петр Беляев. «Мечты о свободе, о золотом веке, который она принесет с собою, уже наполняли мою голову», — вспоминал Александр о своем состоянии в начале 1820-х годов.

В Гвардейском экипаже Александр скоро нашел единомышленника. Это был лейтенант Антон Арбузов, служивший там с 1819 года.

Братья Беляевы были еще совсем молоды, Антон Арбузов старше их и опытней. Но и Антон Арбузов тоже увлекался свободолобивыми идеями. Это был решительный человек, и он не только мечтал, но и намеревался осуществить свои мечты. Все свободное время друзья проводили за чтением исторических книг. Они «в мечтах переносились в древние республики», надеялись и в России ввести республиканское правление.

В период между летними плаваниями 1823 и 1824 годов Беляевы с несколькими офицерами Гвардейского экипажа поселились на Фонтанке у Каликина моста. Они сняли квартиру из двух отделений: в одном поместились братья Беляевы и мичман Василий Дивов, а в другом — тоже братья: мичман

Михаил Бодиско и лейтенант Борис Бодиско. Сюда часто заходил и лейтенант Антон Арбузов. Он-то и предположил своему другу и единомышленнику Александру Беляеву основать тайное политическое общество. Чтобы избежать подозрений, Антон и Александр первое время старались не беседовать в присутствии других офицеров. Обсуждая свои планы, они обычно прогуливались по набережной Фонтанки. Говорили об «исправлении нравов», «утверждении дружбы и согласия», защите «невинных и страждущих» и помощи близким. К политическим и социальным отношениям молодые офицеры хотели приложить нравственные. Утверждение нравственности и просвещения считалось основой перемены политического и социального строя.

Однажды вечером на своей квартире Антон Арбузов с Александром Беляевым при свете свечей составляли на листах плотной синей бумаги «статуты» из нескольких пунктов, определявшие цель и деятельность тайной организации. «Свобода в обществе и равенство да будут нашим уделом», — гласил первый параграф устава. Общество должно было состоять из людей, «твердых в нравственности». Таких людей они намеревались подбирать прежде всего из офицеров Гвардейского экипажа «медленно и с чрезвычайной осторожностью», после нескольких испытаний. «Статуты» предусматривали смертную казнь для тех, войдя в общество, изменит ему. Точная дата возникновения самостоятельного декабристского общества в Гвардейском флотском экипаже неизвестна. Мы знаем лишь, что это произошло в период между летними плаваньями Гвардейского экипажа 1823 и 1824 годов.

После долгих раздумий в тайное общество приняли Петра Беляева; затем к вступлению стали готовить друга и соседа Беляевых мичмана Василия Дивова.

Скоро в среде гвардейцев-моряков образовалась довольно сплоченная группа революционно настроенных офицеров, не имевшая никаких связей с Северным обществом. Ядро организации составляли Арбузов, братья Беляевы и Дивов. Под их влиянием находились братья Бодиско, Шпейер, Тьртов, Акулов, Мусин-Пушкин и некоторые другие. К декабрю 1825 года молодые офицерами всецело овладело «желание введения в России свободы и республиканского правления».

Основатели общества гвардейцев-моряков вели агитацию и в среде матросов экипажа.

— Да ведь как это делаешь? — объяснял позднее Петр Беляев. — Например, идешь возле них, ну и говоришь так, чтобы они слышали, а они сами уж там толкуют.

По вечерам офицеры экипажа собирались на квартире Беляевых и обсуждали конкретные планы государственного переворота. Независимо от Северного общества они пришли к мысли во время восстания оказать давление на Сенат, говорили о способах привлечь народ на свою сторону, об аресте императора, когда тот посетит флот, и даже об «истреблении» всей царской семьи, чтобы установить республику и предотвратить возможность гражданской войны.

Незادолго до декабря 1825 года Николай Бестужев встретил Антона Арбузова в Адмиралтействе и заговорил с ним о Северном обществе. Оба были осторожны, и разговор велся намеками и иносказаниями. Вот несколько диалогов, восстановленных по документам тех лет.

— Есть связь, струны протянуты... звенья цепи... — говорил Николай Бестужев.

Арбузов отвечал в том же духе, и Бестужев сказал ему:

— Из сего я заключаю, что ты уже наэлектризован.

— Какая польза в электризме, если он в бездействии.

— Ежели ты действовать желаешь, так я тебя поздравляю, только чтобы был ты готов, — многозначительно произнес Бестужев.

Скоро Антон Арбузов послал к Николаю Бестужеву записку с просьбой о встрече, и они вновь говорили о тайном обществе.

27 ноября в день присяги наследнику, великому князю Константину Бестужев зашел к Арбузову, жившему в казармах Гвардейского экипажа, и вновь заговорил о том же.

— Я знаю про общество, но ежели не будет мне хотя поверхностно объявлено, в чем состоит оно, я действовать не буду, — ответил Арбузов.

В самом начале декабря Бестужев пригласил его к Рылеву на совещание Северного общества.

Так установилась связь Общества Гвардейского экипажа с Северным обществом. «Беседы наши, — вспоминал А. П. Беляев о событиях, последовавших за смертью Александра I, — делались лихорадочными по волнению, которое возбуждало в нас ожидание чего-то. В это время Арбузов как-то вошел случайно в сношение с кем-то из членов общества, когда уже присягнули Константину, и тут

он узнал, что давно уже существует тайное общество, которое имеет своих членов во всех полках гвардии, а также в армии...»

На совещаниях Северного общества в период междоусурствия Антон Арбузов ручался за 300—400 матросов, чем способствовал принятию решения о восстании. Руководители «северян» так и не узнали о том, что с приемом Арбузова к Северному обществу присоединилось Общество Гвардейского экипажа. Их удовлетворило обещание Арбузова вывести экипаж на площадь; внутренняя жизнь гвардейцев-моряков так и осталась тайной даже для участников восстания 14 декабря. Офицеры Гвардейского экипажа решили использовать события междоусурствия и начать действовать, руководствуясь сложившимися обстоятельствами. Вскоре после известия о смерти императора к Василию Дивову зашел лейтенант Акулов и сказал с явным неудовольствием:

— Вот ваши сочинители свободных стихов твердят: «Я ль буду в роковое время позорить гражданина сан», — а как пришло роковое время, так они и замолкли.

Дивов запомнил эти слова и задал такой же вопрос Александру Беляеву.

— Подождите, еще, может быть, и не ушло время, — отвечал тот.

...13 декабря Рылеев и его сподвижники получили известие о предстоящей на следующий день «переприсяге» и решили этим воспользоваться. В последние дни у них окончательно сложился план государственного переворота. В действиях 14 декабря морякам отводили видное место: Гвардейский флотский экипаж и Измайловский полк под руководством Якубовича, Бестужева и Арбузова должны были занять Зимний дворец и арестовать императорскую фамилию.

13 декабря Арбузов получил записку от Оболенского. Тот просил зайти к нему в 4 часа. У Оболенского Арбузов застал еще пятерых руководителей заговора. Рылеев и Оболенский сообщили Арбузову, что на следующий день назначена присяга, манифест о вступлении на престол Николая Павловича уже отпечатан.

— Что ж должно делать? — спросил Рылеева кто-то из офицеров.

— Собраться на Петровскую площадь...

Уходя от Оболенского, Рылеев попросил Арбузова заехать к нему в восьмом часу. Вечером Рылеев еще раз напомнил Арбузову о предстоящем сборе на Петровской (Сенатской) площади, и Арбузов ответил, что он ручается за Гвардейский экипаж.

Вечером 13 декабря на квартире Беляевых в доме у Калинкина моста собрались братья Беляевы, Дивов и братья Бодиско. Потом появился Антон Арбузов, приехавший с совещания у Рылеева.

— Господа, — обратился он ко всем, — зная ваш образ мыслей, кажется, я могу говорить с вами открыто. Завтра, вы знаете, будет присяга: мы не должны присягать и приготовим к сему и роты. Завтра, когда люди откажутся от присяги, пользуясь сим, выведем роты на Петровскую площадь, где уж будут все полки, и там принудим Сенат утвердить составленную давно уже конституцию, чтобы ограничить государя.

— Будут требовать оригинальное отречение его императорского высочества Константина Павловича, — пояснил Арбузов, — буде же не получат удовлетворения, пошлют во все губернии за депутатами, предложив для сего господам сенаторам подписать указ.

Офицеры Гвардейского экипажа решили «поутру идти по своим ротам и стараться привести людей в сомнение».

Оставшись втроем, братья Беляевы и Дивов «восхищались торжеством, если будет удача», и мечтали, что народ будет приветствовать их как избавителей. Александр Беляев зарядил два пистолета и старательно точил свою саблю...

В двенадцатом часу ночи у ворот казарм Гвардейского экипажа остановилась карета, запряженная четверкой лошадей. Из нее вышли два офицера и приказали проводить их к лейтенанту Арбузову. Это были Якубович и Бестужев. Узнав о приезде Якубовича, в казармы к Арбузову отправились и Беляевы. Братьев волновали надвигающиеся события, им хотелось подробнее узнать о заговоре и его руководителях. Интересовал их и Якубович, долго служивший на Кавказе; теперь он ходил с черной повязкой на лбу, скрывающей рану.

У Арбузова уже сидели лейтенант Гвардейского экипажа Мусин-Пушкин, Якубович и Бестужев. Разговаривали о несправедливости новой присяги и о сборе войск на Петровской площади.

— Господа! — произнес, сверкая глазами, «храбрый кавказец». — Хотя я и не сомневаюсь, чтобы вы не были храбры, но вы еще не были никогда под пулями, и я вам покажу пример собою.

Беляевы ушли от Арбузова «с убеждением, что

успех верен и что вся гвардия к сему уже готова».

Уезжая из Гвардейского экипажа, Якубович обещал Арбузову утром поднять гвардейцев вместе с ним и идти поднимать Измайловский полк. Однако ночью он почувствовал сомнения. Его тревожило, что при захвате Зимнего дворца «не обойдется без крови» кого-либо из членов императорской фамилии. В 6 часов утра Якубович приехал к Бестужеву, жившему вместе с Рылевым в доме Российско-Американской компании, и отказался вести Гвардейский экипаж.

Теперь главным представителем центра, назначенным вывести экипаж на площадь, становился Николай Бестужев. Александр Бестужев послал в казармы Гвардейского экипажа своего брата мичмана Петра Бестужева с запиской к Арбузову, где сообщалось, что, несмотря на отказ Якубовича, план восстания остается в силе: Арбузов и его друзья должны поднять экипаж и ожидать Николая Бестужева.

В Гвардейском экипаже, как и в других гвардейских полках, офицеры пытались поднять своих подчиненных. Наряду с этим Антон Арбузов в последние дни перед восстанием пытался сообщить матросам своей роты о плане и целях восстания. Кроме него, на такое не решился ни один из членов Северного общества. Еще 12 декабря Арбузов вызвал к себе фельдфебеля 7-й роты Боброва и спросил:

— Любит ли меня рота и пойдет ли туда со мною, куда я ей буду командовать?

— Если ротный командир будет командовать, то как не исполнить по его команде, — рассудительно отвечал Бобров.

— Я поведу роту в Измайловский полк, сей полк и Московский пойдут на Сенатскую площадь, там встретят нас гренадеры и финляндцы, и мы все вместе возьмем завешание покойного государя. Имея оное на руках, мы подпишем свои законы. По завещанию сему нижним чинам будет только двенадцать лет службы, — сказал Арбузов и приказал Боброву идти в роту и там объявить все это «хорошим и надежным людям».

На следующий день утром Арбузов повторил Боброву все сказанное накануне и закончил вопросом:

— Должны ли мы, присягнув в верности государю Константину, при нем присягать другому царю?

— Конечно, без особенных причин сего быть не может, без особенных причин присягать не станут, — отвечал фельдфебель.

Утром 14 декабря Арбузов вновь разговаривал с Бобровым, а потом призвал к себе унтер-офицера Аркадьева, исполнявшего должность каптенармуса роты, сказав ему:

— Долженствующая учиниться присяга будет ложная... Дав клятву, по долгу оной не должны изменять ей. Государь наш жив, я лучше знаю, что это обман, и вам же, нижним чинам, хуже будет.

Командир 2-й роты Гвардейского экипажа лейтенант Мусин-Пушкин, построив роту, внушал матросам, что они должны быть верны первой присяге.

— Сегодня имеет быть присяга другому царю, — говорил он, — а наш прежний государь Константин Павлович жив... Присяга есть великое дело, за присягу стоять надобно.

— У нас есть государь; бумаг нам, точно ли он отказывается, не было прежде известно; как вы хотите, ребята, так и поступайте, я вам ни к чему поводу не даю, — говорил матросам 3-й роты лейтенант Кюхельбекер.

— Ребята, вы сегодня пойдете к присяге, то и должны помнить, кому прежде сего присягали, — говорил Беляев в 4-й роте.

Его брат в 5-й роте внушал матросам, чтобы они не присягали великому князю Николаю Павловичу.

Командир 8-й роты лейтенант Вишневецкий построил своих подчиненных и сказал:

— Сегодня будет присяга Николаю Павловичу, но надобно держаться прежней присяги, как должно истинному христианину.

Лейтенант Акулов в своей роте также «возбуждал сомнения на счет точности и действительности акта отречения».

Рано утром 14 декабря к Арбузову приезжали прапорщик Гвардейского Генерального штаба Палицын и поручик Финляндского полка Цебриков, а после 9 часов приехал Николай Бестужев. Он еще раз кратко сообщил офицерам Гвардейского экипажа о плане восстания: с помощью войск овладеть Сенатом, а потом «созвать представителей народа», который сам должен был решить свою участь и судьбу императорской фамилии.

— Приготовлены ли у вас люди? — спрашивал Николай Бестужев, и офицеры отвечали, что уверены в своих ротях.

— Кажется, мы все здесь собрались за общим делом, — продолжал Бестужев, — и никто из присутствующих здесь не откажется действовать.

Начало на 16-й стр.

секретарь обкома партии просил меня задержаться еще на один день для выступления перед моряками подводной лодки, только что вернувшейся из долгого плавания. И хотя после возвращения в Москву проболела две недели, не жалела, что согласилась. Общение с подводниками оказалось настоящим праздником. И пела я для них тогда много. А потом слушала рассказы этих удивительно простых и мужественных людей и гордилась нашей Родиной, воспитавшей таких сыновей. Моряки тогда попросили прислать пластинку с моими записями. Я учла все их пожелания, напела большой диск по их заявкам и отправила его своим далеким друзьям.

Никогда не считала для себя зазорным учиться у талантливых людей. Пластика, мимика, жест, вокальная техника, движение, костюм, свет — разве перечислить все атрибуты, которые так или иначе влияют на успех артиста. И поэтому я с большим удовольствием хожу на концерты Ансамбля Игоря Моисеева, «Березки», на балетные спектакли с участием М. Плисецкой, Е. Максимовой, В. Васильева.

Мне бывает очень жаль людей, равнодушных к этому прекрасному миру. Думаю, что чаще такое равнодушие проистекает от духовной лениности, неумения ощущать красоту жизни. Таким людям кажется достаточным повесить через плечо кассетный магнитофон и укутать себя ритмами зарубежного ансамбля. В последнее время особенно бросается в глаза: в молодежных компаниях все реже поют. Даже и на селе уже редко встретишь молодежь, которая собирается за околицей, чтобы запеть. Часто задаю себе вопрос: почему так?.. Ведь совершенно неважно, есть голос у человека или нет, хорош он или не вполне. В песне русский человек открывает прежде всего свою душу, песня — это его собственное, пусть небольшое, но творчество. И мне, певце, обидно, что все чаще песню только потребляют — именно потребляют, другого слова трудно подобрать — посредством магнитофона. Кто-то возразит: а гитары? Разве не идут они сегодня у молодежи нарасхват? Верно, нарасхват, но чаще всего исполнители, кроме «трень-брень», других звуков извлечь не могут. Горько, когда музыка используется как шумовой фон. К сожалению, в последнее время это становится чем-то привычным.

Сейчас развелось великое множество вокально-инструментальных ансамблей, исполнителей-кустарей, рок-артелей на любой вкус и манер. Говорят: ничего не поделаешь — мода. Но ведь любая мода преходяща, а популярность не свидетельство высоких художественных достоинств произведения. «Сам по себе спрос, хотя бы и широкий, еще не является свидетельством хорошего качества — вот что надо учитывать при оценке художественных произведений», — писал Лев Толстой. И с этим трудно не согласиться.

Я сама с уважением отношусь к достижениям многих зарубежных эстрадных коллективов. Но когда наши молодые люди проходят мимо музыки, выпестованной гением своего народа, когда не задевает она струны души, мне становится не по себе. Причина такого равнодушия кроется, по-моему, в прорехах эстетического воспитания.

Я убеждена в том, что не будь пресловутого зарубежного «ширпотреб» с его столами, ляганьем, кваканьем, примитивными ритмами, меньше было бы пошлости и развязности в поведении некоторой части нашей молодежи. Один парижский журналист сказал мне во время гастролей во французской столице: «Борьба за умы идет ныне не только на газетных страницах или в эфире, а и на подмостках мюзик-холлов». Значит, на Западе кому-то выгодно отрываться молодых от насущных проблем жизни, выгодно сбывать поделки массовой культуры огромными тиражами. Сказанное вовсе не означает, что за рубежом нам нечему учиться. В последние годы я много гастролирую за границей. И где бы ни приходилось бывать — в Югославии и Греции, Японии и Канаде, ГДР и на Кипре, — слышу национальные народные песни и мелодии, преподносимые слушателю с большим тактом и вкусом. У нас же в самолетах и в поездах, в каютах теплоходов и в кинотеатрах, кафе и парках сплошь и рядом «на всю катушку» крутят записи зарубежных певцов и коллективов, уже давно исчерпавших себя.

Повторяю: я — за лучшие образцы музыкальной культуры всех стран, за многообразие мелодий, ритмов, тем. Но есть у каждого из нас нечто личное, зримое, осязаемое — это наше национальное искусство. И к лицу ли нам, музыкальнейшему в мире народу, брать за образец временное, наносное, чужое, то, что лишь губит вкусы и развращает душу?.. Русская же песня пребудет вечно, как вечно и сама Россия. Я счастлива, что пою ей.

Записал Юрий БЕСПАЛОВ.

— С вами мы готовы идти...— начал кто-то из мичманов.

Но Николай Бестужев знал, что Гвардейский экипаж уже давно подготовлен к выступлению Антоном Арбузовым.

— Откиньте самолобие,— прервал он мичмана,— пусть начальник вам будет Арбузов, ему вы можете ввериться.

Из своей седьмой роты Арбузов поспешил в первую. В своих он был уверен, а первую еще нужно было уговорить: ею командовал лейтенант Тимирязев, не имевший никакого отношения к Обществу Гвардейского экипажа.

— Ребята, пойдете ли за мной?— спросил Арбузов.

— Куда угодно! — закричали матросы.

— Берите ружья и проворнее сходите вниз,— командовал лейтенант.

Около 12 часов приехал бригадный командир генерал-майор Шипов, и матросов вывели во двор. Для прочтения акта отречения Константина и манифеста Николая приказано было «сделать на караул», но матросы, побуждаемые офицерами, не выполнили приказания.

— Будут читать ложные бумаги! — кричали Дивов и Бодиско.

Увидев, что матросы не собираются присягать, бригадный командир приказал офицерам выйти вперед. Генерал-майор пытался уговорить офицеров, но те выразили ему сомнение в законности второй присяги наследнику Николаю Павловичу. Лейтенант Вишневицкий потребовал «оригинального акта отречения». Шипов приказал арестовать Вишневицкого, но вместе с ним демонстративно подали свои сабли бригадному командиру и другим офицерам.

Ротных командиров увели в здание казармы, оставив матросов и мичманов во дворе. Среди арестованных бригадным командиром оказались Арбузов, Бодиско, Кюхельбекер, Мусин-Пушкин, Вишневицкий, Акулов...

В этот момент во дворе казарм Гвардейского экипажа появился лейтенант 2-го флотского экипажа Чижов. За полтора месяца до восстания мичман Бестужев принял Чижова в Северное общество, а утром 14 декабря Николай Бестужев сообщил ему о сборе войск на площади. На Петровской площади Чижов нашел только часть Московского полка, построившегося в каре. Моряк не был посвящен во все планы руководителей движения, но судьба восстания волновала его. Лейтенант Чижов видел, что промедление приведет к гибели, и добровольно взял на себя роль одного из представителей центра, побуждавших полки к выступлению. Он поспешил к Измайловцам. Но Измайловский полк уже присягнул, и лейтенант отправился в Гвардейский экипаж.

— В Московском полку убили генерала, и несколько рот побежали на площадь,— сообщил Чижов.

Этого было достаточно, чтобы минутное оцепенение прошло. Известие о том, что на площадь вышли революционные части, заставило действовать и моряков. Николай Бестужев стал уговаривать мичманов найти ротных командиров или самим вести экипаж на площадь.

— Где наши ротные командиры?— кричали стоявшие во дворе матросы.

Братья Беляевы, Бодиско, Шпейер и Дивов бросились наверх в батальонную канцелярию. Бригадный командир остановил их и приказал удалиться на свои места.

— Люди шумят и требуют своих ротных командиров,— отвечал мичман Бодиско,— а так как мы остались теперь вместо них, то и решились вас об этом известить.

Генерал-майор Шипов приказал мичманам выйти, но они побежали дальше по коридору. Ротных командиров нашли в комнатах и тут же повели вниз, рассажывая, что слышна стрельба.

Едва офицеры спустились, во двор вбежал мичман Петр Бестужев.

— Ребята, что вы стоите? Слышите ли стрельбу, это ваших бьют! — закричал он.

— Пойдемте за мной на площадь выручать своих! — крикнул Николай Бестужев, и матросы стали выбегать на улицу.

Командир экипажа капитан 1 ранга Качалов пытался удержать и уговорить матросов, но Гвардейский экипаж почти в полном составе с Николаем Бестужевым и Антоном Арбузовым во главе двинулся на площадь...

Историки иногда по-разному решали вопрос о том, кто из декабристов вывел на площадь тот или иной полк. Эти разногласия объясняются довольно просто. Каждый полк на площадь выводили два декабриста (или две группы декабристов). Один из них был офицером полка, подготовившим этот полк к выступлению, другой являлся представителем руководства Северного общества, и его роль состояла в том, чтобы произнести последнюю зажига-

тельную речь и увлечь на площадь полк, уже подготовленный «местным» офицерством, а затем, опираясь на «местного» офицера, руководить движением и действиями полка, исходя из общего плана восстания. В Московском полку таким «местным» руководителем был Михаил Бестужев, а представителем центра — его брат Александр Бестужев. Гренадерский полк вывели на площадь офицеры Панов и Суттоф, но этому событию предшествовал проезд к гренадерам Одоевского и Коновницына. Гвардейский экипаж, подготовленный Арбузовым и Беляевыми, вывели на площадь Антон Арбузов, как его непосредственный руководитель, и Николай Бестужев, как представитель руководства «северян».

Гвардейский экипаж прошел по Екатеринбургскому проспекту до Никольского собора, повернул на Театральную площадь, по Благовещенской улице вышел к казармам Конногвардейского полка и вдоль Адмиралтейского канала двинулся на Петровскую площадь.

У Конногвардейского манежа моряки встретили поручика Финляндского полка Цебрикова. Он уже побывал на площади и знал, что Московский полк почти окружен верными Николаю Павловичу войсками и отбивает кавалерийские атаки.

— В каре противу кавалерии! — закричал он, предупреждая моряков-гвардейцев о грозящей им опасности.

По-видимому, после встречи с Цебриковым моряки повернули назад, чтобы не столкнуться с войсками, верными Николаю I. К Сенату Гвардейский экипаж вышел по узкой Галерной улице, разделявшей выходящие на площадь здание Сената и дом купчихи Кусовниковой.

— Ура! — закричали солдаты Московского полка, увидев, что их силы увеличились.

— Ура! — раздалось в ответ и из рядов Гвардейского экипажа. Радостные крики повторились несколько раз.

Моряки не стали пристраиваться к каре Московского полка. Они расположились прямоугольным между Московским полком и строившимся Исаакиевским собором.

Несколько часов простояли моряки на площади. А потом в неподвижные ряды Гвардейского экипажа ударила картечь...

После разгрома восстания офицеры Гвардейского флотского экипажа сговорились, ничего не рассказывая о своей революционной деятельности, представить выход на площадь как результат искренней преданности законному наследнику Константину, неверия в его отречение и нежелания изменять первой присяге. Но в это время мичман Василий Дивов, на которого подготавливали речи священника, сам вызвался отвечать и рассказал о беседах Антона Арбузова и Беляевых. Александр Беляев был поражен правильным и подробным описанием в вопросных пунктах всех его высказываний.

— Если уже все стало известно относительно нашего образа мыслей и стремлений, то нечего уже более заираться,— подумал он...

Но следствие мало интересовало самостоятельностью общества гвардейских моряков. Участие в событиях 14 декабря, разговоры о перерооте и о будущей судьбе императорской фамилии — вот что в первую очередь занимало следователей.

Историки тоже не сразу обратили внимание на показания моряков-гвардейцев об их деятельности до установления связей с Северным обществом. Эти показания затерлись в множестве других вопросов и ответов и были пропущены исследователями декабристского движения.

Только полное и всестороннее изучение следственных документов и сравнение их с уже известными фактами позволили недавно выделить историю Общества Гвардейского экипажа из множества других фактов, относящихся к движению декабристов.

Какое же место занимает бывшее доселе неизвестным Обществом Гвардейского экипажа в схеме развития декабристских организаций, как меняется теперь эта схема?

Известно, что в 1816 году возник Союз Спасения, а в 1818 году его сменил Союз Благоденствия, на основе которого выросли Северное и Южное общества. Это была, так сказать, «основная линия» движения. Известно также, что на Украине независимо от «основной линии» движения образовалось Общество соединенных славян. За несколько месяцев до декабристских событий Общество соединенных славян объединилось с Южным обществом, «южане» и «славяне» вместе участвовали в восстании Черниговского полка на Украине.

Теперь выяснилось, что то же произошло и на севере: в Петербурге, независимо от Северного общества, возникло Общество Гвардейского экипажа, которое примкнуло к Северному за несколько дней до 14 декабря и вместе с ним участвовало в восстании на Сенатской площади.

ЗАНЯТИЯ
ЖИВОПИСЬЮ
ОБЯЗАТЕЛЬНЫ
ДЛЯ ВСЕХ.

АБРАМЦЕВСКИЕ

Этим лесом по грибы, по ягоды, на охоту ходили Аксаков, Гоголь, Щепкин, Станиславский, Мамонтов, Васнецов, Поленов. В близлежащих деревнях знакомились они с произведениями народного промысла, собирали образцы. От тех лет остались нам в наследство запечатленные резьбой по дереву хитросплетения стволов, ветвей, листьев, травы, паутины. То, что называем сегодня абрамцево-кудринской или плоско-рельефной резьбой. В обиходе «кудринкой».

И нынче в этих лесах, в нескольких минутах ходьбы от платформы «Абрамцево», что на Ярославской железной дороге, бродят люди с этюдниками. Тихий бег неторопливых речек учит размышлению. Особая пластика и неповторимая мелодичность стройных серо-зеленых осин, могучих елей в голубоватых смоляных подтеках дают первые уроки композиции. Белые березы, по ступенчатому скату спускающиеся к воде, так и просятся в камень, металл, дерево.

И, как сто лет назад, ученик берет в руки резец, стамеску, кисть.

...— Почему сто лет?— удивилась я.— Ведь Абрамцевское художественно-промышленное училище создано в 1957 году.

— Да,— согласился со мной директор училища, заслуженный учитель школы РСФСР Юрий Яковлевич Цыпин.— Как среднее учебное заведение мы существуем с этого времени. Но счет ведем все-таки от Абрамцевской мастерской, которой была создана для крестьянских детей в прошлом веке.

И показал шкаф, сделанный по эскизам художников того времени с автографом Васнецова.

«Мастерская шкалика с колонкой». Где-то читала, что так называла в шутку всю Абрамцевскую мастерскую Елена Дмитриевна Поленова. Это по ее и Елизаветы Григорьевны (жена Саввы Морозова) инициативе была создана столлярная мастерская, находившаяся в конце усадьбы. Ученики мастерили полочки, стенные шкафики, столы-табуреты, шкатулки, ларцы и многие другие вещи. Украшались они чаще резьбой геометрической. Эскизы для них составляли Поленова и многие другие художники, навещавшие усадьбу. Старые фотографии, которые бережно хранят в училище, сохранили обаяние этих узоров. Состоящие из разных граней, объемов и линий, они воссоздают удивительные нежно-беловатые рельефные картины. Может, это ощущение и оттого, что сами фотографии стали белесыми от времени выцветшими. Но сохранившиеся в учебно-методическом кабинете— скорее, музей по богатству экспозиции, чем учебном классе.— подлинники шкафы тех времен, подтверждают, что, расписанные этими узорами, они по-современному красивы. Как и те стулья, скамейки, которые по старым образцам сделали сегодняшние ученики училища. Нет, не забыты эти приемы. Более того, их новая жизнь еще богаче прежней.

И не уступают в мастерстве наследники рукомерсла тем, кто когда-то учился в этой школе-мастерской. Чьи поделки шли нарасхват в специально открытом в Москве на Поварской улице магазинчике с вывеской «Продажа резных по дереву вещей работы учеников столлярной мастерской сельца Абрамцева, Московской губ., Дмитровского уезда».

Сегодняшние изделия учащихся Абрамцевского художественно-промыш-

ленного училища по традиции идут в магазин «Русский сувенир» на Кутузовском проспекте в Москве. Мастерские училища не так давно перешли на хозрасчет, работа стала восприниматься теперь не только как дело сугубо личное, но и как важное производственное задание. Его нельзя выполнить плохо. Дипломная работа, выполненная на «удовлетворительно», давно стала здесь редкостью. Событием «из рук вон выходящим». Только отличные и хорошие оценки.

Собственно, практическая направленность оказывает огромное влияние на творчество воспитанников учебного заведения. Это было и когда называлось оно школой кустарного ученичества. И когда в двадцатые годы переименовали ее в абрамцевскую профтехшколу. Кому, как не новому поколению было продолжать традиции ремесла их отцов, дедов. Интересные документы той поры донесли время. Табели, рабочие карточки учеников, учет затрат времени на операции, сводки, заметки из стенгазеты. Из них мы узнаем, что успеваемость в профтехшколе была только стопроцентной. Число ударников труда росло с каждым годом. Незнакомый нам ударник Дмитриев смотрит с фотографии в наше время спокойно и уверенно. Он мастерит стол, а может, табурет. Но назначение его— радовать человека. Украшать наш быт.

Сегодняшние наследники именно в этом и видят свою основную заботу— мастерить вещи, которые бы сделали нашу жизнь, полную штампованных, тиражированных вещей, красивой.

Новый комплекс училища вырос сравнительно недавно на окраине подмосковного города Хотьково. Рядом с многоэтажным учебным корпусом, об-

щежитием— мастерские. В каждой будущий мастер может и обязан изготовить изделие своими руками от начала до конца. Сколь бы трудно это ни было. Даже девушкам, избравшим резьбу по дереву, приходится самим управляться с неподатливым сначала топором. Но освоение неписаного кодекса мастерового человека каждый должен познать на своем собственном опыте.

Обычный учебный день. Просторный коридор мастерских встречает многообразием звуков. Они несутся из-за каждой двери. Солирует пилорама. Здесь делают заготовки для резчиков по дереву. Их мастерская напротив. За резной дверью в стиле почти забытой домовой резьбы, вдоль рабочего стола с дневным освещением, на невысоких скамейках человек десять. Тема занятий— богородская резьба.

Склонилась над работой Клава Котова. На коленях аккуратно расправленный фартук. Длинные темные волосы стянуты на затылке. Чтобы не мешали. Клава режет весело. Уверенно вгрызается в дерево белый язычок стамески. Удивительно интересно наблюдать, как человек держит в руках дерево. Как работает с инструментом. Как воображение художника приобретает реальность. Клава и сама не знает, каким чудом этот миг приходит. Почему послушная стамеска выбирает здесь, а не в другом месте. Но больше всего она любит именно этот миг. Который можно назвать творческим прозрением. Тобю заработанным опытом. Сюда идет все. И те куклы из папье-маше и маски, которые делали в художественной школе. И глиняная скульптура из детства. Благо в окрестностях ее родного Богородска в Тульской области глины было много. И занятие живописью, которая

В АБРАМЦЕВСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННОМ УЧИЛИЩЕ, ГОТОВЯЩЕМСЯ ОТМЕТИТЬ СВОЕ СТОЛЕТИЕ, ВОСПИТЫВАЮТ МАСТЕРОВ, УКРАШАЮЩИХ НАШ БЫТ.

РУКОМЕСЛА

научила видеть все вокруг в неожиданном прекрасном свете. Красивее стала жизнь, насыщеннее — цвета окружающего мира. Она научилась различать благодаря ей красоту дерева, которое держит в руках. Чувствовать его.

Программа училища по любой специальности построена так, чтобы работа в одной традиции дополнялась изучением другой. Прежде чем овладеть богородской традицией, то есть научиться резать деревянную скульптуру, надо овладеть геометрической резьбой, освоить абрамцево-кудринскую. Но мало знать только ныне существующие промыслы. Не менее важно способствовать восстановлению угасших. Что это такое, и каких трудов стоит, Леня Клочко знает не понаслышке. До училища он работал в Петрозаводске. Восстанавливал карельские традиции резьбы по дереву. Его работы демонстрировались на выставках, образцы рекомендовались для массового производства. Один сервиз местный краеведческий музей даже в экспозицию взял.

Это умение исторического поиска как нельзя кстати пригодились ему в училище. Вот, например, городецкая резьба. Городецкая роспись прялок сейчас известна. Яркая, нарядная. А резьба совсем в Лету канула.

Ее сюжет прост, но выразителен. Дерево жизни, по бокам — два всадника. Фигуры людей решены условно. Инкрустация мореным дубом делает эти грубоватые с виду донца неповторимыми. Шпонки, с помощью которых они крепились, использовались в виде дополнительного орнамента. Художник по натуре, Леня Клочко подмечает все, что скрыто от наших глаз. Он сосредоточен, углублен в себя. Зато работы его полны юношеского оптимизма, поиска, дина-

мизма. Вот задумал панно сделать. Решил использовать эти забытые промыслы, в том числе и домовую резьбу. Раньше ею в нижегородских деревнях украшали дома. Писано о ней много. Остались лишь фотографии. Самой ее нет. А почему бы этот монументальный промысел не ввести в оформление интерьера? Задал себе этот вопрос Клочко.

Преподаватель одобрил: хорошая у тебя мысль.

Разные они приходят в училище. Для одних, как для Сережи Кипяткова, школьные воспоминания не ограничиваются уроками. Связаны они с набором инструментов, фрезами, напильниками, стамесками, долотом, шлифовальной бумагой. Резать он начал в школьном кружке. Даже рисунки сам придумывал.

Для других, и таких, как правило, больше, таинства ремесла начинают открываться только в стенах училища. Здесь впервые узнают они названия инструментов, учатся держать их в руках. Событием становятся первые самостоятельно вырезанные треугольники по волокну, протии волокна. Замытые сырные досочки из фаянса, гладкие, как отполированные водой морские камушки. Снятые с гончарного круга кувшин, крынка, кашпо. Иногда месяц, другой сидит ученик за гончарным кругом, и ничего не получается. И вдруг пошло. Это как голос должен прорезаться, замечают преподаватели. В большинстве своем они выпускники этого же училища. Причем не только учат, но и сами находятся в постоянном творческом поиске. Серьезно занимается деревянной скульптурой Александр Николаевич Петров. Пробует свои силы в новой технике цветопласта — декоративной керамике Виктор Юрьевич Котов.

— Человек должен научиться мыслить в материале. Гончар — в глине, резчик по дереву — в дереве, чеканщик — в металле. Только когда произойдет слияние мысли, материала и рук, можно говорить о начальном постижении ремесла, — размышлял о творчестве вообще и специфике своей работы Котов.

Новое время приносит новые темы, неожиданные формы. Их появление закономерно. Но в данном случае каждый ученик, воспитанный на народных традициях, вобравший в себя их характерные черты, на основе накопленного создает свое, перерабатывает наработанное. Так стала уже традиционной абрамцевская роза. Именно из училища пришла она уже и на некоторые промыслы. Мажорная, динамичная, яркая роспись по белому фону. Атмосфера поиска для училища весьма характерна. Во многом этому способствует сама специфика этого учебного заведения. Соседство нескольких видов прикладного искусства приводит к появлению работ на их стыке. Никого не удивит соединением резьбы по дереву и керамики, металла и камня.

Действительно, глаза разбегаются. В мастерских по камню обыкновенные булыжники превращаются в семейство симпатичных серых барсуков с умными глазами-бусинами. В соседней комнате под резцом ученика обретает жизнь обломок кости, превращаясь в шахматные фигурки, ажурные игольницы, туалетные наборы. Воздымаются облачко костяной пыли, постепенно, зримо проявляются очертания будущих предметов. С помощью небольших буров вырезается тончайший орнамент на именном кубке. В честь предстоящего в будущем году столетия училища.

ОКТАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

А РУЛЕТКА НЕ ХОЧЕТ КРУТИТЬСЯ

Группа бизнесменов из американского города Атлантик-Сити, лежащего на восточном побережье США между Нью-Йорком и Вашингтоном, приняла решение — создать здесь новый центр азартных игр, нечто вроде знаменитого Лас-Вегаса. Населению города было обещано процветание — начнут приплывать доллары, расширится сфера обслуживания, исчезнет безработица. В срочном порядке были открыты восемь казино, немалые средства вложены в новые отели и различные предприятия «индустрии развлечений».

Но, несмотря на все это, Атлантик-Сити стал лишь бедным родственником города «тысячи грехов» Лас-Вегаса. Прежде всего не удалось обеспечить себя состоятельной клиентурой — приезжие осторожничают у зеленых столов рулетки, играя по мелочи и не желая (да и не имея возможности) просяживать тысячи долларов за вечер. Большой частью сюда приезжают американцы со средними доходами, которых больше привлекают ближние пляжи. Их отпугивает высокий уровень цен и растущая преступность, которая пожаловала в Атлантик-Сити вместе с азартными играми. Вездесущая ма-

фия протянула щупальца к казино и игорным домам, требуя своей доли. Несколько пребывающих тут «семей» мафии, не поделив сфер влияния, начали смертельно враждовать друг с другом. Уже произошло несколько случаев загадочных убийств, причем полиция убеждена, что это — лишь начало...

Обильные капиталовложения в «индустрию развлечений» никак не повлияли на жизнь бедняков. Несмотря на то, что казино, отели и другие аналогичные заведения открыли возможности для трудоустройства 32 тысяч человек, подавляющее большинство новых рабочих мест оказалось занято бойкими пришельцами из других городов, увидевшими шанс подзаработать. В настоящее время безработица среди коренных обитателей Атлантик-Сити составляет двадцать процентов. Большой частью безработные — негры. В городе остро стоит проблема жилья, и нередко рядом с ярко оформленным зданием казино можно увидеть полуразрушенный жилой дом. В нем все еще живут — податься некуда.

«СВЕТ В ОБРАЗЕХ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

«ТУННЕЛЬ СТРАХА»

Так его называют. А почему, собственно, следует бояться этого самого длинного автомобильного туннеля в мире, строительство которого недавно закончено в Альпах? Он ведет через скалы под знаменитым перевалом Сент-Готард, длина его составляет свыше 16 километров.

Для швейцарцев начало движения по этому туннелю стало событием огромного значения, особенно для жителей кантона Тессин, которые уже долгое время мечтали о сравнительно короткой автомобильной дороге, по которой можно будет легко проехать в Цюрих, Берн и другие города. Но, увы, в настоящее время в кантоне Тессин царит отнюдь не радостное настроение. Дело в том, что опубликованы результаты исследований о последствиях для кантона в связи с открытием туннеля.

В настоящее время местные предприятия активно применяют труд иностранных рабочих. Это, как правило, итальянцы, живущие в приграничных областях своей страны, которые каждое утро приезжают на работу в Швейцарию, а вечером возвращаются домой в Италию. Возможность дешевого и прибыльного использования иностранных рабочих может привести

к перебазированию в Тессин предприятий из более развитых областей Швейцарии. В этом случае, как утверждает профессор Росси, руководитель специальной группы исследователей, кантону грозит нежелательная интеграция с про-

мышленной областью северной Италии, что означало бы низкую заработную плату и экономическую нестабильность.

«ШВАЙЦЕР ИЛЛЮСТРИРТЕ»,
ШВЕЙЦАРИЯ

Почему две пирамиды?

Фараон Аменемхет III, правивший во втором тысячелетии до новой эры, повелел построить себе две почти одинаковые пирамиды. Почему? Долгое время никто не мог ответить на этот вопрос. И вот недавно австрийским ученым удалось разгадать тайну пирамид. Оказалось, что во время строительства первой пирамиды неподалеку от Каира из-за слабого грунта (глинистая почва) возникли опасения относительно долговечности сооружения высотой 80 метров и шириной у основания 105 метров. Первой стала разрушаться лестница, которая вела в подземные помещения пирамиды. Гробница оказалась слишком хрупкой, чтобы обеспечить вечную жизнь душе фараона. И тогда он приказал построить другую пирамиду в Эль-Фаюме.

«ДИ ПРЕССЕ», АВСТРИЯ

Отчаянный эксперимент

Зрителям швейцарского телевидения была предложена необычная программа. Перед телевизионными камерами пятидесятилетнего врача Пьер Бастиен спокойно поедал под наблюдением специальной комиссии... ядовитые грибы.

Во время своей врачебной практики в городе, где отравления грибами встречались часто, доктор Бастиен открыл 20 лет назад комбинацию антибиотиков, витаминов и других лекарств, которая может спасти жизнь отравившегося грибами. Сам он спас таким образом жизнь 30 человек — по крайней мере так утверждал врач, опубликовавший сообщение о своем открытии во французском медицинском журнале. Однако публикация была встречена с недоверием специалистами.

Тогда доктор Бастиен решил привести неопровержимые доказательства. Прибыв в Женеву, где находится резиденция Всемирной организации здравоохранения, он предложил телевидению транслировать его эксперимент. Первые десять часов после обеда из ядовитых грибов, доза которых намного превышала смертельную, он провел в присутствии журналистов. Поздно вечером Бастиен почувствовал себя плохо и был доставлен в больницу. С каждой минутой состояние его все более ухудшалось. Прежде чем наступил кризис, отчаянный экспериментатор распорядился дать ему составленную по его схеме комбинацию лекарств. На рассвете опасные симптомы исчезли, а через сутки Бастиен был в состоянии покинуть больницу и принять журналистов. Правда, еще в постели...

«ТАЙМ», США

«ОРБИТА», БОЛГАРИЯ

НИ МИНУТЫ БЕЗ РАДИО...

Для тех, кто живет по этому принципу, баварская фирма МБО сконструировала самый, вероятно, миниатюрный радиоприемник, когда-либо появлявшийся в магазинах. Он вмонтирован в кварцевые часы и позволяет принимать средневолновые станции. Роль антенны исполняет циферблат, а наушники подключаются к корпусу часов.

«ШТЕРН», ФРГ

ШЕДЕВРЫ ИЗ ЗЕМНЫХ ГЛУБИН

Адальберт Вайс, житель румынского города Байя Сприе, во время многолетней работы на местном руднике собрал интересную коллекцию минералов. Все они имеют различную форму и цвет. Здесь можно встретить и «каменный цветок», и «античную скульптуру». Кусок барита, который Вайс обнаружил в шахте на глубине 300 метров, представляет собой настоящее чудо природы. На одной его стороне природа воспроизвела с большой точностью рельефную карту Румынии с горными хребтами и водными артериями, с возвышенностями и равнинами.

«СКЫНТЕЙЯ», РУМЫНИЯ

странный слон

Совершенно необыкновенный случай произошел в заповеднике, расположенном в долине реки Лвангва в Замбии. Однажды в усадьбе управления заповедника появился дикий слон, поражающий своей величиной. Слон издавал громкие трубные звуки, в которых, казалось, были испуг и стремление сообщить что-то. Кому-то пришла в голову мысль: пусть шофер подчинится желанию животного. После того, как машина развернулась в направлении, противоположном тому, куда ехала, слон занял позицию сзади и принялся подталкивать ее. Этот «цирковой номер» продолжался некоторое время, после чего слон, издавая крики, направился куда-

то в глубь заповедника. Убежденные, что подобное поведение животного должно иметь какой-то смысл, двое научных работников последовали за ним. Вскоре они увидели стадо слонов и среди них недавно родившую слониху, которая была ранена браконьером и не могла кормить детеныша. Стадо окружило ее и молча охраняло. Сначала люди боялись приблизиться, зная, как опасны бывают эти животные в подобной ситуации. К их изумлению, слоны, заметив людей, отошли в сторону, словно пригласив подойти к пострадавшей слонихе. Так двое исследователей смогли оказать первую помощь матери и детенышу.

КАК СПАСТИСЬ ОТ ПОКУШЕНИЯ

Тяжелая быстроходная машина обгоняет шикарный димузин, искусно оттесняет его к обочине и вынуждает остановиться. Из машины выпрыгивают несколько молодых людей, умело связывают водителя, а находящегося на заднем сиденье уважаемого джентльмена с благородной сединой на висках выволакивают наружу и зашвыряют в багажник своей машины. Однако в дальнейшем не будет требований выкупа, угроз и прочего. Это — всего лишь обычное занятие в одной из специализированных частных школ США, которая именуется «Школой безопасной езды Тони Скотти». Школа находится в городе Сомервилле.

Если есть школа, то должны быть и учебники. С этой целью Скотти использует наставления по борьбе с партизанами, выпущенные соответствующими ведомствами США и некоторых стран Латинской Америки. Особое внимание уделяется тренировке водителей и телхранителей из крупных компаний. Курс обучения стоит 1425

долларов и продолжается четыре недели. Основой обучения является так называемая «дикая» техника езды на автомобиле, включающая разные обманные трюки с поворотами, наклонами в ту или другую сторону и прочими ухищрениями. Вещом всего является внезапный разворот на 180 градусов при движении на большой скорости. Особое внимание, уделяемое именно

И из этой ситуации должен найти выход ученик Тони Скотти...

«автомобильной» тематике, Тони Скотти объясняет тем, что 85 процентов похищений и покушений происходит на пути между домом и местом службы его потенциальных высокопоставленных клиентов.

«ИЛУСТРОВАНА ПОЛИТИКА», ЮГОСЛАВИЯ

ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ СТАРОЙ ТЕХНИКИ

Вскоре десять больших французских городов получат «новейшее» транспортное средство — трамвай. Оказывается, он не так уж плох. Этот заслуженный ветеран городского транспорта, если соответственно модернизировать его и учесть, что цена нефти растет. А в Нью-Йорке и Рио-де-Жанейро торжественно открыты линии «транспортного средства будущего» — троллейбуса. На просторах морей и океанов выходит все больше парусных судов. Они отличаются высокой экономичностью и оснащены электроникой для управления работой парусов и прокладки курса. Их относительно небольшая скорость не является препятствием — не все виды грузов являются срочными.

Еще каких-нибудь двадцать лет назад господствовало убеждение, что космические спутники связи сделают ненужными трансокеанские телеграфные кабели. Но прогнозы не оправдываются — в 1988 году между Европой и США будет проложен новый трансокеанский кабель. Не потеснит ли он искусственные спутники? Ведь кабель этот уже не тот, что был раньше, — он дает возможность вести одновременно около 40 тысяч телефонных переговоров.

Хорошим примером сочетания старого и нового в технике предстают перед нами ветряные мельницы, возродившиеся в виде различного типа ветроэлектростанций, дающих стабильный ток и при необходимости запасующих его в аккумуляторах...

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

ПРОДАЮТСЯ РЫЦАРСКИЕ ЗАМКИ

В настоящее время во Франции под охраной закона о памятниках истории и культуры находятся 32 600 зданий, однако сотни заслуживают подобного же внимания.

Немалой частью этого так называемого «незащищенного наследия» являются старинные замки, свидетели седой рыцарской старины. Их нынешние собственники не располагают финансовыми возможностями своих предков. Поэтому большинство открыло ворота родовых имений для туристов, часть некогда пышных дворцов превратили в гостиницы, летние пансионаты и т. п.

Но кое-кто не ограничивается этим, а решает вопрос кардинально — продавая свои замки, как говорится, «на корню» — для вывоза за рубеж. Так или иначе, но около трехсот замков могут быть в скором времени разобраны буквально по камешку и вывезены туда, где за них больше заплатят. В связи с этим появилась и новая профессия — «упаковщик замков».

Одним из наиболее известных представителей этой профессии является некий господин Раймон ван-дер Эльст, проживающий в Бельгии. Владелец фирмы скупает замки, монастыри и другие старинные здания, разбирает их камень по камню и кирпич по кирпичу, тщательно упаковывая все это с проведением надлежащей нумерации, а затем направляет груз заказчику.

«ФИГАРО», ФРАНЦИЯ

«Ваш размер — 235-й...»

Поскольку маркировка обуви по размерам в разных странах производится по-разному, а торговля обувью давно перешагнула национальные границы и приобрела международный характер, то назрела насущная необходимость перейти к единой международной системе. Один из вариантов — система, в основу которой положены миллиметры.

Чтобы по этой системе определить, какого размера нужна обувь, достаточно измерить ступню ноги от пятки до кончика большого пальца. Если длина ступни равна, скажем, 235 миллиметрам, то значит, требуется обувь 235-го размера.

Новая система уже действует в ряде стран мира.

«АКАХАТА», ЯПОНИЯ

ПОХИТИТЕЛИ АВТОМОБИЛЕЙ

Безудержная инфляция, рост цен на предметы первой необходимости и массовая безработица — вот основные причины того, что преступность в США бьет рекорды. И если прежде Америка гордилась тем, что с конвейеров ее автозаводов каждые полминуты сходит новый автомобиль, то теперь можно говорить о других цифрах: в стране каждые 28 секунд происходит кража автомобиля. Только в 1981 году в США было зарегистрировано миллион сто тысяч автомобильных краж!

Снижение доходов населения привело к уменьшению покупок новых и увеличению числа ремонтируемых старых автомашин, а это породило, в свою очередь, все возрастающий спрос на запасные части. Появился гигантский черный рынок, и нередко украденную машину продают не целиком, а разобрав на детали, в виде запасных частей. Соблазн быстрого и легкого обогащения привлек организованную преступность. Двух механиков достаточно, чтобы за 45 минут разобрать украденный автомобиль до винтиков в подпольной авторемонтной мастерской.

Часть ворованных машин переправляется за границу и там продается. Так, по данным полиции, в Мексику ежегодно переправляется около 20 тысяч украденных автомобилей.

«АТЛАНТИК-МОНТЛИ», США

Самые древние в мире цветы

Они были найдены в одном из глиняных карьеров центральной Норвегии, в геологических пластах, возраст которых составляет 80 миллионов лет.

Ископаемые цветы находят чрезвычайно редко, причем обычно они в очень плохой сохранности. Цветы же, обнаруженные в Норвегии, сохранились целиком, что дало возможность сделать их полное ботаническое описание. Причиной такой хорошей сохранности явился лесной пожар, в результате которого произошло почти мгновенное превращение цветов в уголь, сохранивший мельчайшие подробности их строения. Длина цветка составляет всего два миллиметра, он отнесен к разряду «саксифрагалес». Из существующих в настоящее время цветов ближе всего к ископаемым известны нам гортензии.

«НЬЮ САЙЕНТИСТ», ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Обзор зарубежной печати. Материалы печатаются в изложении.

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ

Ответам на вопросы второго тура — «Союз нерушимый» — многие читатели предпослали письма, в которых утверждают, что конкурс полезен и интересен. Читательница А. Беспалько из Новомосковска, Днепротетеревской области, пишет:

«Уважаемые друзья!

Ваш увлекательный конкурс «Наша Родина» расчитан в основном на молодежь. Но если учесть, что я тоже рождена 1922 года — года образования Союза ССР, то это вполне оправдывает и мое участие. Невозможно удержаться от порыва побольше узнать о самых разных сторонах жизни Советского Союза, его истории.

Я увлекла поиском и семью: мужа, Василия Федотовича, 29-летнюю дочь Наташу, 17-летнего сына Сашу. Вы подарили нам чудесные минуты радости. Спасибо от всей души. С нетерпением ждем третьего тура».

Таких писем в конкурсной почте немало. Это приятно: ведь, организовав соревнование, редакция «Смены» рассчитывала на широкий читательский интерес. Читатель Д. Гавриленко из деревни Вишни, Могилевской области, к примеру, даже совершил путешествие, связанное с темой конкурса, по маршруту Минск — Гродно — Брест — Львов — Кишинев — Одесса — Симферополь — Севастополь — Ялта — Киев — Гомель. Как он сообщает, автобусные экскурсии и самостоятельные посещения музеев и других достопримечательностей позволили ему еще лучше узнать историю Родины, сердцем прикоснуться к ее священным местам. А в немногие свободные часы он искал ответы на вопросы «Смены». Так, в Музее обороны Брестской крепости он уточнил место работы актера Н. Белоусова; в ботаническом саду Академии наук Украинской ССР он нашел ответ на первую часть 13-го вопроса...

Жюри внимательно изучило каждую из нескольких сот конкурсных работ, присланных в редакцию со всех уголков нашей страны. Большинство читателей вдумчиво и тщательно старались отвечать на вопросы, отлично понимая, что некоторые из них, простые на первый взгляд, предполагают неожиданный ответ. Особенно это относится к последнему вопросу. Из школьных учебников известно, что в Байкал впадает 336 рек и речек. Это число, однако, определено по крупномасштабной карте, и усомниться в нем мог каждый, кто проехал хотя бы от Слюдянки до Мысовой, увидев, как много водных потоков на этом сравнительно небольшом отрезке байкальского берега пересекает железная дорога. И действительно, тщательные топографические исследования «увеличили» число притоков Байкала почти вчетверо.

С особым интересом встречен читателями и шестой вопрос. Некоторые из них, правильно ответив, что прототипами ходоков в картине В. А. Серова были крестьяне из Черниговской губернии, спрашивают, так ли это: ведь полотно написано художником в 1950 году, когда никого из черниговских ходоков уже не было в живых. Ответ дает сама картина. Хорошо известно, что, готовясь к работе над ней, В. А. Серов изучил массу материалов, в том числе воспоминания А. Шлихтера «Ильич, каким я его знал», где старый большевик рассказывает, как он помог хлеборобам-черниговцам свидеться с В. И. Лениным. Сопоставив характеры и возраст ходоков на картине В. А. Серова и в воспоминаниях А. Г. Шлихтера, легко можно убедиться в их полной схожести. Разумеется, образы ходоков на картине в то же время и собирательные.

А теперь назовем победителей. По условиям, ими стали тридцать участников конкурса. Больше всех очков во втором туре набрал читатель из села Садовое, Калмыцкой АССР, **А. ОБРЕЗКОВ** — 46. Его работу отличают не только точные почти во всех случаях, но и обстоятельные ответы, а также четкое, красивое их оформление. Победителю присужден альбом «Москва». Этот же приз «Смены» завоевала **Э. ФИРЮЛИНА** из г. Молодечно, Минской области, набравшая 44 очка. Альбомом «Хохлома» награжден **Л. НАЙДЕНОВ** из Саратова. У него 43 очка.

Альбомом «Тульские оружейники» награждены **Е. ЕГУНОВА** из г. Полевской, Свердловской области, **А. КОНОВалОВ** из г. Щелково, Московской области, — по 41 очку и **Т. КАШТАНОВА** из Тулы — 38 очков.

Альбом «Московский Кремль» присужден **С. ЖУРИБЕ** из села Подгорное, Львовской области, **В. СИНИЦКОЙ** из г. Евпатория, Крымской области, — по 37 очков, **Д. ГАВРИЛЕНКО** из дер. Вишни, Могилевской области, **Е. ПОПОВОЙ** из г. Рыбница, Молдавской ССР, **Г. САМБИЛОВОЙ** из Улан-Удэ, **Н. СИРАДЕГЯНУ** из г. Кировакан, Армянской ССР, и **Т. ТИМОШЕНКО** из г. Борисова, Минской области, — по 36 очков.

Трое участников конкурса набрали по 35 очков: **Л. БОГДАНОВА** из Ульяновска, **А. ПАНАСЮК** из г. Гайсин, Винницкой области, и **В. ТИЛИШЕВСКАЯ** из Ростова-на-Дону. «Смена» пришлет им в подарок художественные альбомы «Золотое кольцо».

Все призеры будут награждены Почетными дипломами. Ими удостоены также **И. КИЛИН** из Барнаула, **Е. и И. НУСИЛОВЫ** из Харькова, **В. ОБУХОВСКИЙ** из Воронежа, **О. СИНЯВСКАЯ** из Сыктывкара, набравшие по 34 очка, **Н. АВИЛОВА** из Белгорода, **Н. ИГНАТЕНКО** из Донецка, **Н. ПРОЗОРОВА** из г. Анжеро-Судженска, Кемеровской области, **Б. ТЕТЕРЯТНИКОВ** из Чернигова — по 33 очка, **А. ГРИШАНОВ** из Ленинграда, **В. ГУЖОВ** из дер. Копалинская, Архангельской области, **Н. КАЛАБИН** из г. Юрьев-Польский, Владимирской области, **В. КЛЕПНИН** из г. Энгельс Саратовской области, **А. КОЛБАС** из г. Чехова, Московской области, и **В. МУРАВЛЯНСКИЙ** из г. Бийска, Алтайского края, — по 32 очка.

Редакция поздравляет победителей второго тура и благодарит всех, кто участвовал в конкурсе.

А в заключение — ответы на вопросы второго тура «Союз нерушимый» конкурса «Наша Родина».

1. Где и когда впервые было напечатано полное название — Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика?

— В опубликованном 28 января 1918 года декрете ВЦИК «Об аннулировании государственных займов».

2. Кто предложил название ГОЭЛРО? Какие были еще предложения о сокращенном названии программы электрификации нашей страны?

— Участник составления плана ГОЭЛРО, ученый и инженер Г. О. Графтио. Из других предложений были, в частности, такие: ГРЭК, ЭЛЭРОС, КОМПЭРО, ГОСКОПЭЛЬ, ГОСУДАКЭР, ГОРЭЛ.

3. Было несколько вариантов главной советской государственной эмблемы и основы нашего герба — серпа и молота. Когда был принят окончательный вариант? Кто его автор?

— Окончательный вариант принят осенью 1923 года. Его автор — художник-график И. И. Дубасов.

4. Какая область нашей страны держит рекорд по числу долгожителей?

— Нагорный Карабах (автономная область Азербайджанской ССР). Здесь на каждые 100 тысяч человек приходится примерно 100 долгожителей.

5. Где, когда и по чьей инициативе был подписан первый договор на социалистическое соревнование между рабочими?

— Сохранился сам документ, датированный 15 марта 1929 года. Договор подписан на заводе «Красный выборжец» в Ленинграде по инициативе бригады обрубщиков М. Путина. А к концу 1929 года родился лозунг «Пятилетку — в четыре года!».

6. На картине В. А. Серова «Ходоки у В. И. Ленина» рядом с вождем изображены три крестьянина. Кто были прототипами этих ходоков?

— Крестьяне из Новгород-Северского уезда, Черниговской губернии, Федор Стариков (село Знобь-Новгородское), Макар Лускарев (село Кренидовки) и Артем Усиков (село Великая Березка), посетившие Петроград и побывавшие в Смольном у В. И. Ленина в конце ноября 1917 года.

7. Весной этого года в Туркменистане родился трехмиллионный житель. Как его назвали? Кто родители новорожденного?

— Трехмиллионного жителя Туркменистана назвали Байрагмелды — «Праздник пришел». Его родители — выпускники Туркменского политехнического ин-

ститута Бегенчевы. Отец, Оразсахат, работает мастером, мать, Огульгуль, — инженером-экономистом.

8. В какой автономной республике и где именно стоит памятник: семь белых журавлей на черном придорожном камне? Кому он посвящен и кто его автор?

— Памятник стоит у входа в Куртатинское ущелье, близ осетинского селения Дзуарикау. Он воздвигнут в честь семи братьев Газдановых, павших в боях за Родину в Великую Отечественную войну, и матери героев — Тасо. Автор памятника — осетинский скульптор Сергей Санаков.

9. Через этот город проходит граница двух союзных республик. Сейчас его трудящиеся, одетые в разные национальные костюмы, идут на праздничные демонстрации в одной колонне. А до прихода сюда Советской власти нужен был паспорт, чтобы перейти из одной части города в другую, а чтобы провезти покупку, нужно было уплатить пошлину. О каком городе-двойнике идет речь?

— Это город Валга (Эстонская ССР) и Валка (Латвийская ССР).

10. Какую часть нашей страны и почему Ромен Роллан назвал «советской Италией»?

— «Советской Италией» Ромен Роллан назвал в 30-х годах Армению за любовь к музыке и широкое развитие музыкального искусства. Он отметил, что в республике поют даже фонтаны.

11. В крупном областном театре выступает на сцене один из героев Брестской крепости, удостоенный звания народного артиста РСФСР. Назовите актера и театр.

— Н. С. Белоусов. Он выступает в Тульском областном театре имени А. М. Горького.

12. Лучшие книги советского этнографа и писателя В. Арсеньева — «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «В горах Сихотэ-Алиня» — изданы в 20—30-е годы. Читатель сразу полюбился один из главных героев книг — охотник-гольд Дерсу Узала. А где и когда впервые встретились В. Арсеньев и Дерсу Узала? Как это произошло?

— На берегу речки Зеркальная, где теперь есть скала Дерсу Узала. Это было августовской ночью 1906 года перед ночлегом. Спутник Арсеньева Олентьев вдруг встревожился и загасил костер, услышав, что кто-то спускается с горы. «Вероятно, медведь», — сказал Олентьев и стал заряжать винтовку. «Стреляй не надо! Моя люди!» — послышался голос из темноты, и через несколько минут к путешественникам подошел человек. Это и был Дерсу Узала.

13. Где в нашей стране растет дерево «Семь братьев и сестра» и сколько ему лет? А где росла ель «Два брата»?

— Чинара «Семь братьев и сестра» растет в Туркмении, в ущелье Копетдага, на берегу горной речки Фирюзинка. Дерево старше 900 лет. С ним связано много легенд. Ель «Два брата» росла на родине И. С. Тургенева — в Спасском-Лутовинове. В 1927 году ее поразила молния. Сейчас реставраторы пытаются восстановить зеленый памятник.

14. Назовите футбольную команду, спортивную честь которой много лет защищал игрок, родившийся в день образования СССР — 30 декабря 1922 года. Футболист сыграл за свою команду 343 раза и забил в ворота противников 127 мячей. Кто этот футболист? Какую известную книгу он написал?

— Тбилиское «Динамо». Футболист Автандил Гогобридзе. Он написал книгу «С мячом за тридцать земель».

15. Сколько же все-таки рек и речек впадает в озеро Байкал?

— До недавнего времени считали: 336 рек и речек. Но при тщательном подсчете их оказалось гораздо больше — 1123.

ИТОГИ КОНКУРСА ШАХМАТИСТОВ

В конкурсе «Смена-81» приняли участие сотни читателей журнала. По итогам 12 туров лучшего результата — 75 очков из 80 — добился учитель средней школы из села Чаща (Курганской обл.) Михаил ГЕРМАНОВ. В число победителей вошли: Д. КРАСИКОВ — инженер-энергетик завода «Электроаппарат» (Ростов-на-Дону), В. КАУН — старший кладовщик завода (Краснодар), В. СТАРИКОВ — мастер производственного обучения СГПТУ-30 (Пермь), В. ТОМНИЦКИЙ — инженер-строитель (п. Городнича, Житомирской обл.), В. САЛАТОВКА — геодезист (Нефтекамск), Я. ВААЛ — машинист крана (п. Синегорье, Магаданской обл.), Ю. ПЕРЕБАСОВ — бригадир объединения «Камчатскстрой» (Петропавловск - Камчатский), Г. ГАЗИЗОВ — военнослужащий (г. Фрунзе), А. НИКИШИН — фрезеровщик (г. Горький), А. НОВИКОВ — инженер МИИТА (Москва), В. СУЧКОВ — зооинженер (г. Лыткарино Московской обл.), М. САЛЕНКО — преподаватель музыкального училища (Владивосток), А. САЧЕНКО — студент (Ростов-на-Дону), Н. ПЕТРУШИН — инженер (Златоуст), Н. ВОЛКОВ — научный работник (Воронеж), В. ЛЕНЬШИН — прораб (Пермь), Г. ТОКАРЬ — инженер-конструктор (Ижевск), А. СИПКО — учитель (Сковородино, Амурской обл.), В. ЦЫПКИН — студент (Днепропетровск), В. ШЕБАШЕВ — аспирант (Москва), С. ФЕДЯКОВ — студент техникума (Балхаш), Н. ХАРЛАМОВ — электромонтер (Ивантеевка, Московской обл.), В. ТАРАНЕНКО — радиоинженер (Киев), Г. ВОРОНЕЖСКИЙ — ведущий конструктор ИПТКБ «Иркутсклеспром» (Иркутск), В. ЯРЕМЧУК — слесарь-наладчик (Киев), Г. ЧМЕЛЕВ — фрезеровщик (Новая Каховка), В. ЮРГИН — студент (Томск). Все они награждаются дипломами журнала и получают справки о выполнении и подтверждении шахматных разрядов.

200 наиболее активных участников, также показавших высокие результаты в турнире, получат дипломы журнала.
«Смена» поздравляет победителей и благодарит каждого участника состязания.

Приводим краткие ответы на задания нашего конкурса.

РЕШЕНИЯ ЗАДАНИЙ КОНКУРСА

1-й ТУР.

I. 1. Фf4. II. 1. Cd1. III. 1... K:f2 2. Л:f2 C:f2+ 3. Kр:f2 Фc5+ 4. Kрe1 Фe3+ 5. Kрd1 Cd3 6. Фb3 Ce2+ 7. Kрc1 Ф:d2+ 8. Kрb1 Cd3+ 9. Фe2 C:c2X.

2-й ТУР.

I. 1. Kf8. II. 1. Фe3. III. Черные выигрывают после 1... c4 2. Фg5 cb 3. d6 b2 4. d7 b1Ф 5. d8Ф Фg1+ 6. Kрh3 Фe3+ 7. Фg3 Ф:g3+ 8. Kр:g3 Ф:d3+ 9. Kрh2 Cg1+.

3-й ТУР.

I. 1. Лf5. II. 1. Лe6 de2. Фb8; 1... Kрd5 2. Лb:e5, 1... Kрb5 2. Фd8, 1... d6 2. Фd8, 1... Лh8 2. Фe7. III. 1. Cd11 edФ 2. Kf6+ Kрh4 3. Ke4 Kpg4 4. Kf2+ Kрf3 5. K:f1 Kрe2 6. C:a5 Kр:d1 7. a4 h5 8. C:d2—. IV. 1... Л:e5 2. de Kf3+ 3. gf Фg5+ 4. Kрh1 Фh4+ или 2. g3 Лe8 3. h4 Kf3+ 4. Kpg2 K:h4+ 5. gh Ch3+ и т. д.

4-й ТУР.

I. 1. Фc7. II. 1. Фg1 Л:g1 2. e4, 1... K:f4 2. Фe3, 1... f2 2. e4, 1... Cb2 2. c4, 1... x 2. Ф:d4. III. 1. g6+Kpg7 2. Cf4 Ф:f4 3. Л:e7+K:e7 4. h8C+! Kрf8 5. g7+—. IV. 1... Л:g3 2. hg K:g3+ 3. Kрh2 Ф:f4 4. Kрh3 Kf1!—.

5-й ТУР.

I. 1. Kрe5. II. 1. Фh8 Ch2 2. Kb5, 1... Лe8 2. Kc2. III. 1... Kpg6 2. Kрf4 Kрf6 3. Kрe4 Kрe6 4. Kрd4 Kрd6 5. c5+bc 6. Kрc4 Kрd7 7. Kр:c5 Kрc7—.

6-й ТУР.

I. 1. Фd8. II. 1. Фb1 Лb1 2. d4+; 1... K:c4 2. Фd3. III. 1... c1C! 2. Фd2 Cc5+ 3. Kр:c5 C:d2 4. f8Ф Cb4+ 5. Kр:b5 C:f8. IV. 1. Лa1+Kрb7 2. Лb1+Kрc7 3. Лc1+Kрd7 4.

Лg7+Kрe8 5. Kрe6 Kрf8 6. Лcg1 Лe8+ 7. Kр:f6+—.

7-й ТУР.

I. 1. Kf6 Kр:f6 2. Фb2+, 1... Л:f6 2. Фd5+ II. 1. Фg8+Kрd7 2. Kb8+ Kрe7 3. Фg7+Kрe6 4. Фd7+Kрe5 5. Kc6X. III. 1. hg Kр:g7 2. Cf5 ef 3. Л:h7+Kр:h7 4. Фh5+ и т. д.—.

8-й ТУР.

I. Мат в три хода. 1. Фb3 ef 2. Фe3+, 1... Kр:d4 2. Cg7+ II. 1. Kf7 Cf4 2. Kd6 C:d6 3. Лg4 Cз3 4. Лe4 Cc1 5. K:c1X. III. 1... Kр:h6 2. Ke2 Kd6+ 3. Kрe7 Kc4 и т. д.—.

9-й ТУР.

I. 1. c4 bc 2. Фa3+, 1... b3 2. Фd1. II. 1. Kрc6 Лh4 2. Kрb6 Лf4 3. Kрa6 Лh4 4. f4 Л:f4 5. Kрb6! III. 1. Ф:c6+ bc 2. Л:e7+Ф:e7 3. Лe7+Kрd8 4. Л:g7+ Kрe8 5. Лe7+ Kрd8 6. Л:h7+Kрe8 7. Лe7+ и ничья вечным шахом.

10-й ТУР.

I. 1. Ke3 Ke5 2. Фf4, 1... Kf7 2. Ф:e6. II. 1. Cb8 f6 2. Лc7 Kрe5 3. Лg7-Kр:f5 4. Ch2 d4 5. Лg3 или 3... Kрd4 4. Ke6+ Kрe4 5. Лg4+. III. Черные выигрывают после 1... e5 2. C:e5 Ldd2 3. Лf1 Ф:e3! 4. fe Лg2+ и т. д.

11-й ТУР.

I. 1. Ce7 b6 2. Ca3 b5 3. Лb4 h5 4. h4 Kрc5 5. Лb5+ Kрd4 6. Cc5X. II. 1. Лe4 c4! 2. d6 Ke5 3. Лe5 Cb5 4. Л:b5 Kb6 5. Лa5+Ka4 6. Лa4X или 1... Kb2 5. Фf1! 3. Kc3+Kрa3 4. Cc5X. III. 1... Kd4 2. Kрf2 g5 3. g3 gf 4. gf Ke6 5. Kрe3 c4 6. f5 Kc5 7. Лc7 Kd3 8. e6 fe 9. fe+—.

12-й ТУР.

I. 1. Kрc5 Фe3+ 2. Kрb4 Фg5 3. Лd5+Kр:e4 4. Фf3+! Kр:f3 5. Лd3X. II. Пропущен белый ферзь на g8: 1. a8Л de 2. Лa1 ef 3. Фa8+Лb7 4. Фa2+Лb3 5. Лe5+feX. III. 1. d1Ф Kрb3 2. Фb1 Kрc4 3. c1Ф+Kрd5 4. Фh6 Cc4 5. Фh8 Kрe6 6. Фh7! Kрe7X. IV. После 1. C:d5 Фb5 черные сохраняют перевес.

Дорогие читатели, ждем ваших рисунков — остроумных, веселых, ироничных. Жюри рассматривает все работы, присланные до 1 ноября 1982 года.

Рисунок Игоря СУРОВЦЕВА, г. Воронеж

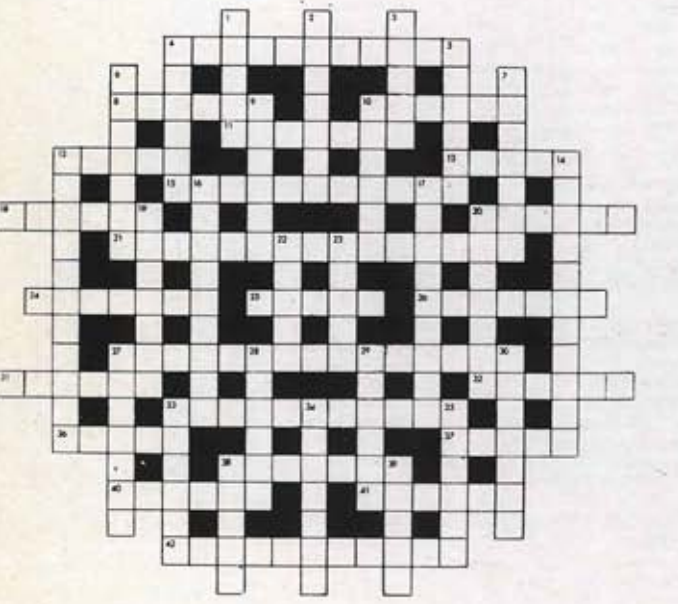
Рисунок Николая БЕЛЕВЦЕВА, г. Белгород

Рисунок Виктора СКОПИНЦЕВА, г. Пермь

КРОССВОРД

Составил М. ПОТЕМКИН, г. Коркино Челябинской обл.

По горизонтали:

4. Изучение природы, истории, экономики определенной местности. 8. Набор столовой, чайной посуды. 10. Декоративная композиция из стекла в окне или в двери. 11. Горный хребет на Южном Урале. 12. Старинная русская мера дров, сложенных в поленицу. 13. Горная страна в Средней Азии. 15. Всемирные студенческие спортивные соревнования. 18. Одежда оленеводов. 20. Ягода. 21. Белорусская певица, режиссер, народная артистка СССР. 24. Домашняя птица. 25. Залив Красного моря. 26. Звукосниматель. 27. Советская полярная станция в Антарктиде. 31. Автор повести «Зов предков». 32. Разновидность корюшки. 33. Человек, назначенный к назначению на должность, к избранию в выборный орган. 36. Героиня поэмы «Илиада» Гомера. 37. Композитор, народный артист СССР. 38. Популярный советский эстрадный артист. 40. Типографский шрифт. 41. Флажок, вручаемый победителям соревнования. 42. Советский композитор, лауреат премии Ленинского комсомола.

По вертикали:

1. Древнеримский историк. 2. Южное созвездие. 3. Химический элемент, металл. 4. Североамериканский дикий олень. 5. Часть света. 6. Морской моллюск. 7. Повесть Ч. Айтматова. 9. Требование на материалы. 10. Порт в Татарском проливе. 12. Способ прикрепления метки на лапках птиц. 14. Теплообменник. 16. Советская поэтесса. 17. Специальное медицинское учреждение. 19. Испанский писатель XIX века. 20. Столица Венесуэлы. 22. Предложение, пожелания избирателей депутату. 23. Французский живописец XVIII—XIX веков. 27. Литовский певец, тенор, народный артист СССР. 28. Советский историк, деятель революционного движения в России. 29. Партизан, участник Людиновской подпольной комсомольской группы в Калужской области. 30. Город в Ташкентской области. 33. Советская футбольная команда. 34. Автор романа «Американская трагедия». 35. Журналист, один из зачинателей советского очерка. 38. Ароматичная смола тропических деревьев. 39. Гриб хвойных лесов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 19

По горизонтали:

1. Миограф. 5. Гандбол. 9. Шиншилла. 10. Цикламен. 13. Урми. 14. Стриженка. 15. Марш. 18. Аннона. 19. Штрих. 20. Дандин. 23. Когерентность. 24. Беллинсгаузен. 27. Фосфор. 28. Учжай. 29. Хлопок. 33. Лунь. 34. Рокировка. 35. Гром. 38. Аркбутан. 39. Эстетика. 40. Таймень. 41. Зимоген.

По вертикали:

1. Мушмула. 2. Орнамент. 3. Раич. 4. Фильтр. 5. Грифон. 6. Наль. 7. Бомбарда. 8. Ланглан. 11. Лиственичник. 12. Дезинтегратор. 16. Индофенол. 17. Растрелли. 21. Жерло. 22. Досуг. 25. Ясенский. 26. Спарринг. 27. Фолиант. 30. Комбайн. 31. Мораль. 32. Эко-сез. 36. Дузе. 37. Сейм.

НИТЬ АРИАДНЫ

Александр Переслегин любит писать деревья, цветы и стариков. Времена года посещают человека не по календарю: настроение не подлежит старению. Кажущееся одиночество, отъединенность в действительности есть пауза для глубокого раздумья, ожидания радости полной грудью.

Поэт говорит стихами, художник — красками, но тот и другой — собеседники на поляне жизни. Их язык — иносказание, изысканная простота речи о сложном, метафора, олицетворяющая движение души, порыв, остановленный на какое-то мгновение. Воспоминание — воздух, которым дышит творчество. Ведь писать с натуры — значит не копировать, а чувствовать. В этом суть. «Соловей поет — ему не больно: у него одна и та же песня...»

Александр Переслегин, судя по его картинам, не ведает об унынии. В жизни его подгоняет неутолимое желание высказаться красками. Успеть высказаться, хотя ему еще нет и сорока, жизни дано в избытке, а он торопится «успеть». Художник он, очарованный близью и далью, не жалеющий красок в прямом и переносном смысле при в общем-то аскетическом образе жизни. Он живет так, словно жизнь — приложение к живописи, а отдых — обдумывание прожитого для изображения.

«Старик» Переслегина меня удивляет загадкой, скорее даже разгадкой вечной тайны жизни. «Друзья» — простотой счастья «жить», «Человек из легенды» — прочностью силы, сокрытой мощью. (Летчик Девятаев бежал из фашистского плена на вражеском самолете.) А среди пейзажей Переслегина мне и грустно и светло, и я могу вспомнить о самом неожиданном, но почему-то забытом.

Приход весны и исход осени — равно приливы вдохновения. «Осень над Казанкой» — и моя осень, освещенная лучом надежды. «Цветы» в глубине комнаты, обязательно в глубине, дарят нам

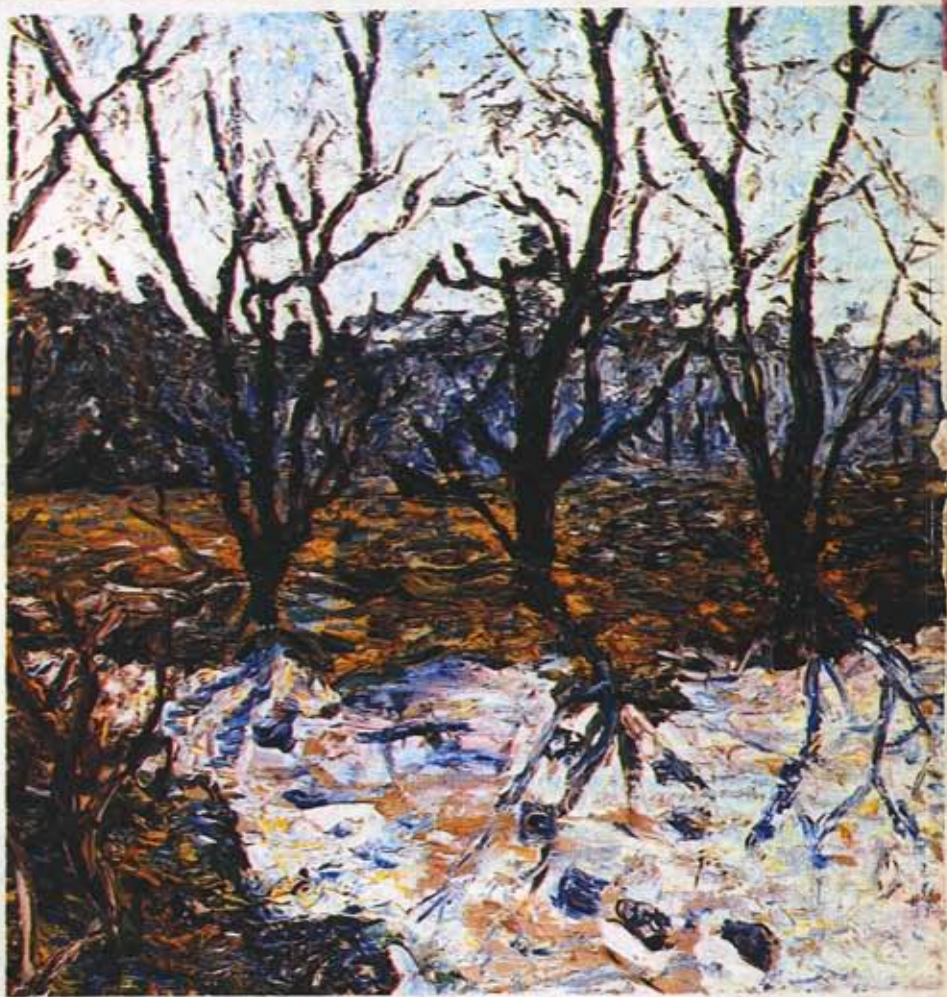
**ОСЕНЬ
НАД КАЗАНКОЙ.**

тихое, щемящее ощущение хрупкости скорлупы времени...

Художник работает густыми мазками, краска ложится выпукло, гребешком при близоруким рассмотрении, но издали — это гладь разнотравья поля.

Сиюминутность цветовой гаммы настроения создала импрессионистов. Цвет перестал быть функцией только спектра, а стал необходимостью впечатления: оказалось, трава может отливать голубиной, небо пламенеть зеленою, море разбегаться множеством окрашенных точек. Цвет как бы обрел воздух, поддерживающий крыло птицы, и дал простор линии...

Я не берусь называть традицию Переслегина. Он близок к природе через раздумку воспоминания. Он боится разру-

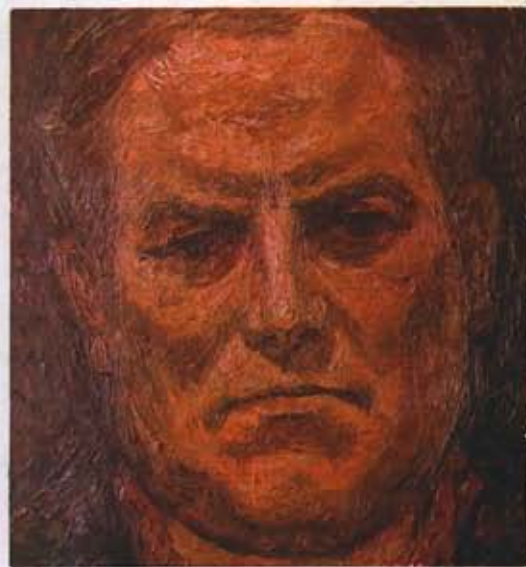

ВЕСНА ИДЕТ.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ.

ЦВЕТЫ.

ДРУЗЬЯ.

шить образ. Он трогателен в соприкосновении с человеком и его душевным складом. Он еще мало заботится о композиции, впопыхах ограничиваясь беглым взглядом. Он увяз в эскизах, лова миг, но зато избавлен от боязни заболеть профессиональной умелостью. Он ищет по-детски безоружным сердцем, отказывая себе во многом, в том числе чужом опыте напрокат. Сегодня он в деревне, завтра напишет ученого, утром — тени, укрывающие дворик, вечером — фиолетовые деревья в сугробах. И это, без преувеличения, изо дня в день, не напоказ, а в полном самозабвении. Так, я думаю, ищут пути к совершенству, перебирая легко рвущуюся нить Ариадны.

Художник живет и работает в Казани, городе, где вообще сильны ветви художественных и духовных традиций. В Казани Володя Ульянов стал Лениным, духовно родился Горький, впервые заплел Шаляпин, учился Лев Толстой, прошел по следам Емельяна Пугачева Пушкин, открыл новую геометрию Лобачевский...

И все это ко многому обязывает — как в искусстве, так и в жизни.